

**Россия
Казахстан
Беларусь**

МОЛОДЕЖНАЯ ИНИЦИАТИВА 2026

**X Международная
научно-практическая конференция
Сборник статей**

Пенза 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(КАЗАХСТАН)
ПЕНЗЕНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»
МЕЖОТРАСЛЕВОЙ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ПГАУ

МОЛОДЕЖНАЯ ИНИЦИАТИВА

Сборник статей
X Международной
научно-практической конференции

15 мая 2026 г.

Пенза
ПГАУ
2026

УДК 338.24
ББК 65.050
М75

Под научной редакцией

проректора по международной деятельности, доктора юридических наук,
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» **Г.В. Синцова**

Молодежная инициатива: сборник статей X Международной
научно-практической конференции / Пензенский государствен-
ный университет [и др.]; под ред. Синцова Г.В. – Пенза: Пензен-
ский государственный аграрный университет, 2026. – 205 с. –
URL:https://mnic.pgau.ru/file/doc/konferencii/2026/Сборник_МК-37-26.pdf. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-00196-444-5

Работа конференции была сфокусирована на проблеме современных угроз государству и обществу, в том числе, ряд докладов был посвящен исследованиям в рамках приоритетного направления развития науки, технологий и техники Российской Федерации «Безопасность и противодействие терроризму». В настоящем сборнике опубликованы материалы лучших докладов-участников X Международной научно-практической конференции «Молодежная инициатива».

The conference focused on the problem of modern threats to the state and society, including a number of reports devoted to research within the priority direction of the development of science, technology and technology of the Russian Federation «Security and countering terrorism». The materials of the best reports of the participants of the IX International Scientific and Practical Conference «Youth Initiative» are published in this collection.

УДК 338.24
ББК 65.050

ISBN 978-5-00196-444-5

© МНИЦ ПГАУ, 2026

РОЛЬ ПОЛИЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПОРЯДКА НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СВО: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Д.В. Елистратов, А.К. Федорова, А.Д. Простова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

В статье исследуется роль органов полиции в обеспечении правопорядка на территориях, освобождённых в ходе специальной военной операции (СВО). Основное внимание уделяется комплексному анализу правовых и организационных аспектов деятельности правоохранительных структур в особых условиях. Проводится разбор нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность полиции на указанных территориях, включая федеральные законы, указы Президента РФ, ведомственные акты и временные регламенты. Рассматриваются вопросы кадрового обеспечения, взаимодействия с военными администрациями, Росгвардией и другими силовыми структурами. На основе анализа практических кейсов выявляются ключевые проблемы: пробелы в правовом регулировании, нехватка квалифицированного персонала, особенности работы в условиях потенциальной угрозы безопасности, необходимость адаптации стандартных процедур к специфике региона. Предлагаются пути совершенствования организационно-правовых механизмов для повышения эффективности поддержания правопорядка и защиты прав граждан.

Ключевые слова: административная деятельность полиции, правовые аспекты, правопорядок, правоохранительные органы, Специальная военная операция.

Правоохранительные органы – это обособленная группа государственных органов, осуществляющая деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина, охране общественного порядка, правопорядка и законности в обществе и государстве. В условиях проведения Специальной военной операции (СВО) их деятельность приобретает особое значение, поскольку осуществляется в условиях повышенной опасности, нестабильности и необходимости восстановления правопорядка на освобождённых территориях.

В зоне проведения СВО свою деятельность осуществляют следующие правоохранительные органы и подразделения Министерства обороны РФ:

- Федеральная служба безопасности;
- Министерство внутренних дел;
- Федеральная служба войск национальной гвардии;
- Военная полиция Министерства обороны РФ;
- Следственный комитет РФ;
- Прокуратура РФ.

Их деятельность регламентируется как общим законодательством РФ о правоохранительной деятельности, так и ведомственными нормативными актами, учитывающими специфику работы в условиях ведения боевых действий.

В сложившихся обстоятельствах основными задачами правоохранительных органов в зоне проведения СВО являются:

- охрана общественного порядка и обеспечение безопасности граждан, проживающих на освобождённых территориях, а также личного состава Вооружённых Сил РФ и сотрудников правоохранительных органов;
- предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений, включая противодействие диверсионно-разведывательным группам, террористическим и экстремистским проявлениям;
- ведение оперативно-розыскной деятельности, направленной на выявление и нейтрализацию угроз государственной и общественной безопасности;
- содействие государственным органам исполнительной власти в восстановлении мирной жизни: охрана гуманитарных грузов, помощь в налаживании работы органов местного самоуправления, защита объектов инфраструктуры.

Деятельность правоохранительных органов в зоне СВО строится на принципах законности, беспристрастности и подчинённости государственным интересам. Правовой статус сотрудников определяется Конституцией РФ [1], федеральными законами (например, «О полиции» [2], «О войсках национальной гвардии» [3], «Об обороне» [4]), а также ведомственными нормативными актами.

Деятельность органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации в зоне проведения Специальной военной операции (СВО) регулируется комплексной системой нормативно-правовых актов, включающей как общее законодательство о правоохранительной деятельности, так и специальные нормы, учитывающие особенности функционирования при восстановлении правопорядка в условиях вооружённого конфликта и ведения боевых действий, таких как:

- Конституция Российской Федерации, закрепляющая приоритет прав и свобод человека, а также определяющая полномочия федеральных органов власти по обеспечению обороны и безопасности;
- Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». В условиях СВО положения этого закона применяются с учётом необходимости оперативного реагирования на угрозы и специфику оперативной обстановки;
- Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5];
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) [6]. В частности, статья 40 УПК РФ определяет органы дознания, к которым относятся органы внутренних дел. В зоне СВО на органы дознания возлагаются полномочия по приёму и регистрации заявлений о преступлениях, проведению неотложных следственных действий и выполнению других процессуальных функций в условиях, когда работа следственных органов может быть затруднена.

На территориях, где введён режим военного или чрезвычайного положения, а также в зоне проведения СВО, могут применяться особые правовые режимы. Их установление регламентируется Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» и Федеральным законом «О военном положении». В рамках этих режимов деятельность ОВД может быть дополнена особыми полномочиями, направленными на обеспечение безопасности, поддержание порядка и реализацию мер по защите населения.

Кроме того, деятельность ОВД на освобождённых территориях тесно связана с задачами по восстановлению мирной жизни. Это включает взаимодействие с военными комендатурами, органами местного самоуправления и общественными организациями, оказывающими гуманитарную помощь. Правовой статус сотрудников ОВД в таких условиях определяется не только федеральными законами, но и ведомственными приказами МВД России, а также временными инструкциями и регламентами, разработанными для конкретной оперативной обстановки.

Важным аспектом поддержания правопорядка и обеспечения общественной безопасности является социальная защита сотрудников ОВД, выполняющих задачи в зоне СВО. Для решения этих целей предусмотрено введение льгот и гарантий, аналогичных тем, что предоставляются военнослужащим: зачёт периода службы в стаж для назначения пенсии, дополнительные выплаты, медицинское обеспечение и другие меры поддержки.

Обеспечение правопорядка в зоне проведения Специальной военной операции осуществляется силами и средствами органов внутренних дел в тесном взаимодействии с другими правоохранительными органами и подразделениями Министерства обороны.

В зонах проведения специальной военной операции на органы внутренних дел возлагаются стандартные полномочия по приёму и регистрации заявлений о преступлениях, проведению неотложных следственных действий, а также иные функции, предусмотренные Федеральным законом «О полиции».

Для выполнения задач ОВД в зоне СВО формируются сводные отряды, мобильные группы и временные отделы полиции, комплектуемые из сотрудников различных подразделений МВД России. В их состав могут входить:

- сотрудники патрульно-постовой службы (ППС) – для охраны общественного порядка в населённых пунктах;
- оперативные сотрудники уголовного розыска (УР) – для борьбы с преступностью, в том числе с диверсионными группами;
- сотрудники подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией (ОБЭП) – для пресечения экономических преступлений и контроля за оборотом ресурсов;
- сотрудники подразделений по вопросам миграции – для учёта и документирования гражданского населения;
- сотрудники Госавтоинспекции (ГИБДД) – для обеспечения безопасности дорожного движения и контроля за военной техникой.

Руководство деятельностью этих функциональных групп осуществляется как территориальными органами МВД, так и непосредственно центральным аппаратом министерства через специально созданные оперативные штабы.

Эффективность обеспечения правопорядка в зонах проведения специальной военной операции (СВО) и на освобождённых территориях напрямую зависит от слаженного межведомственного взаимодействия. В условиях вооружённого конфликта и последующего восстановления мирной жизни полиция не действует изолированно, а является частью единой системы обеспечения безопасности, включающей различные силовые структуры и органы публичной власти.

В соответствии с законодательством РФ, на Росгвардию возложены задачи по участию в боевых действиях, охране общественного порядка, борьбе с диверсионно-разведывательными группами, а также по охране критически важных объектов инфраструктуры. ОВД и Росгвардия совместно проводят патрулирование, осуществляют проверки, реагируют на угрозы и координируют свои действия при проведении специальных операций.

Важную роль играет и взаимодействие с военной полицией Министерства обороны РФ. Военная полиция отвечает за правопорядок среди военнослужащих, охрану военных объектов и транспортных коммуникаций. Совместно с органами МВД они обеспечивают безопасность на транспортных артериях, пресекают незаконный оборот оружия и боеприпасов, а также ведут борьбу с диверсантами. Практика показывает, что сотрудники Военной полиции часто оказывают содействие гражданскому населению, что способствует укреплению доверия к органам власти на освобождённых территориях.

Кроме того, полиция тесно сотрудничает со Следственным комитетом РФ и органами военной контрразведки (ФСБ) при расследовании преступлений, связанных с пресечением террористических актов. Это взаимодействие регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом РФ и ведомственными соглашениями.

На освобождённых территориях полиция активно взаимодействует с временными военными и гражданскими администрациями. Это сотрудничество необходимо для:

- восстановления работы органов местного самоуправления;
- учёта и документирования гражданского населения;
- организации выдачи гуманитарной помощи;
- совместного планирования мер по восстановлению инфраструктуры и социальной сферы.

Полиция оказывает содействие администрациям в обеспечении безопасности при проведении собраний, восстановлении коммунальных служб и других мероприятиях, направленных на нормализацию жизни.

Система обеспечения правопорядка в зоне СВО носит комплексный характер. Успех её работы определяется не только профессионализмом отдельных ведомств, но и уровнем их координации, а также эффективностью взаимодействия с органами гражданской власти на местах.

Работа органов внутренних дел на освобожденных территориях ведется на особых условиях, которая сочетает поддержание правопорядка и обеспечение безопасности на прифронтовой зоне.

Основная задача полиции на освобождённых территориях – это декриминализация, борьба с организованной преступностью и торговлей оружием, преступлениями общеуголовной направленности.

В новых регионах России сотрудники органов внутренних дел борются с преступностью, а также противодействуют диверсионно-разведывательным группам, заявил президент Владимир Путин в 2024 году. Полиция в регионах наравне с другими силовиками задействована в противодействии ДРГ, которые пытаются использовать каналы действующих там преступных групп. На российских силовых структурах лежит огромная ответственность, потому что люди судят о силе российского закона во многом по работе МВД, которую нужно вести в тесном контакте с местными органами власти [7].

В 2022 году на новых территориях развернули сводные отряды полиции, куда также входили сотрудники и из других регионов нашей страны. В обязанности сводных отрядов входит охрана общественного порядка, проверяют граждан, борются с диверсионными группами. Отряды проводят досмотровые мероприятия по контролю за передвижением транспорта, проверяют соблюдение действующего режима на этих территориях, а также соблюдение гражданами комендантского часа [8]. Полиция вынуждена регулярно проводить рейды, проверять подозрительных лиц. Диверсанты могут маскироваться под мирных жителей или беженцы, что усложняет ситуацию.

У Миграционной службы объем работы еще больше – получать российские паспорта надо всем жителям новых субъектов РФ. При огромном объеме работы сотрудники подразделений Миграционной службы всегда идут навстречу гражданам, которым трудно в силу возраста или состояния здоровья оформлять документы в обычном порядке [9].

Одной из задач органов внутренних дел является декриминализация регионов и подавление преступности. Если обратиться к статистике, то в 2025 году Сотрудники уголовного розыска МВД по Донецкой Народной Республике раскрыли более 3,5 тыс. преступлений, что превышает показатели прошлых лет. Можно сделать вывод, что работа МВД демонстрирует положительную динамику [10].

В Луганской Народной Республике наблюдается также снижение числа тяжких преступлений, которые фиксируют по сравнению с 2024 годом. За девять месяцев 2025 года в республике зарегистрировано 7616 преступлений. Стабильное снижение преступлений зафиксировано по таким видам: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – на 32,7 %, грабежи – на 32,5 %, разбои – на 41,7 %, вымогательства – на 33,3 %, кражи транспортных средств – на 37,9% [11]. Таким образом, можно видеть, что, несмотря на трудности и проблемы, с которыми приходится выполнять обязанности сотрудникам органов внутренних дел, на освобожденных территориях наблюдается положительная статистика, что говорит об их положительных результатах работы.

Особенность работы полиции на новых территориях заключается в большом количестве уголовных дел, которые связаны с незаконным оборотом и хранением оружия. Схроны с оружием и боеприпасами сотрудники МВД находят регулярно. В связи с военной обстановкой, имеют место быть случаи хранения оружия различного типа.

Несмотря на обстановку и специфику условий работы сотрудников МВД на освобожденных территориях, полиция также сталкивается с привычными и для других регионов преступлениями. Близость зоны СВО злоумышленников совершенно не смущает, и поэтому оперативная работа ведется круглосуточно [12]. Под прикрытием ведения боевых действий, надеясь на неорганизованную работу сотрудников правоохранительных органов, расширяется криминальная деятельность по обороту наркотических средств.

Деятельность полиции включает в себя не только силовые методы, но и меры поддержки мирного населения. Сотрудники органов внутренних дел совместно с другими подразделениями помогают эвакуировать жителей из зон активных боевых действий, обеспечивают работу пунктов временного размещения, также помогает в розыске пропавших без вести.

Спаси раненых сослуживцев под обстрелом, ликвидировать диверсантов и вынести из пылающего дома детей – это далеко не полный перечень задач сотрудников ОВД на освобождённых территориях, сопряжённых с опасностью и риском для жизни.

"С одной стороны, мы продолжаем заниматься привычными для себя делами: раскрываем убийства, кражи, грабежи, – говорит сотрудник угрозыска отдела МВД по городу Васильевке Запорожской области. – С другой, боремся с диверсантами, выявляем спящие террористические ячейки и ищем схроны с оружием" [13].

Одной из основной проблем в деятельности полиции на освобождённых территориях является нехватка сотрудников, что негативно сказывается на эффективности исполнения возложенных на них обязанностей.

Необходимо серьезно подойти к организации деятельности правоохранительных органов, правильно скоординировать работу всех структур для более слаженной и эффективной работы, так как именно проблемы неэффективного функционирования правоохранительной системы оказывают негативное влияние на поддержание общественного порядка в стране. Нехватка и неподготовленность так называемых квалифицированных кадров тормозит процесс наведения порядка в новых регионах РФ, что не только сказывается на преступной статистике, но и подвергает общество опасности со стороны преступников и правонарушителей [14, с. 306].

Другой немало важной проблемы в работе органов внутренних дел – это угрозы собственной безопасности. Сотрудники полиции работают в условиях, когда сохраняется риск обстрелов. Это повышает уровень стресса и требует дополнительных мер безопасности.

На освобожденных территориях от обстрелов страдает инфраструктура. Это отсутствие электричества, воды, связи – все это затрудняет движение патрулей и взаимодействие между подразделениями.

Эти трудности требуют комплексного подхода, которые должны включать не только правоохранительные меры, но и гуманитарную поддержку и работу с населением.

К 2026 году был проделан огромный путь к совершенствованию правового и организационного обеспечения полиции. Целесообразно организовать специализированную подготовку сотрудников ОВД с учетом складывающихся особенностей и проблем их повседневной жизнедеятельности. Следует усилить взаимодействие полиции с другими структурами: Росгвардией, МЧС и другими органами, особенно в обеспечение безопасности критических важных объектов и защиты должностных лиц. Особое внимание следует уделить профилактики преступности. Мародерство, незаконный оборот оружия, террористические акты и экстремизм – часто становятся проблемами на освобождённых территориях. Также важно привлекать граждан и общественные объединения в охрану общественного порядка, развивать гражданские инициативы в сфере предупреждения правонарушений.

Список использованных источников

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, с изм. и доп., вступ. в силу с 04.10.2022 №8 - ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025) "О полиции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, N 7, ст. 900.

3. Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ (ред. от 25.04.2026) "О войсках национальной гвардии Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 04.07.2016, N 27 (Часть I), ст. 4159.

4. Федеральный закон от 31.05.1996 N 61-ФЗ (ред. от 04.11.2025) "Об обороне" // Собрание законодательства РФ, 03.06.1996, N 23, ст. 2750.

5. Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. от 29.12.2025) "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, N 49 (ч. 1), ст. 7020.

6. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

7. Путин отметил работу сотрудников МВД, служащих в приграничье [Электронный ресурс] // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20250305/putin-2003192195.html?ysclid=movkww0s8u689695053>

8. Колокольцев рассказал о сводных отрядах МВД на освобожденных территориях [Электронный ресурс] // URL: РИА Новости <https://ria.ru/20221116/mvd-1831872037.html?ysclid=movkel15h3643218072>

9. Националисты портят статистику. Специфика работы МВД на новых территориях [Электронный ресурс] // AIF.ru URL: https://aif.ru/society/safety/nacionalisty_portyat_statistiku_specifika_raboty_mvd_na_novyh_territoriyah?ysclid=movn756ywl296083674

10. Сотрудники МВД по ДНР раскрыли 3,5 тыс. преступлений с начала 2025 года [Электронный ресурс] // ТАСС URL: <https://tass.ru/proisshestviya/25255265>

11. В МВД отметили снижение количества тяжких преступлений в ЛНР [Электронный ресурс] // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20251110/prestupleniya-2053847846.html?ysclid=mowi60jlo3684039646>

12. Националисты портят статистику. Специфика работы МВД на новых территориях [Электронный ресурс] // AIF.ru URL: https://aif.ru/society/safety/nacionalisty_portyat_statistiku_specifika_raboty_mvd_na_novyh_territoriyah?ysclid=movn756ywl296083674

13. "Угроза на каждом шагу" С чем столкнулись полицейские в зоне СВО [Электронный ресурс] // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20230317/kriminal-1858369763.html?ysclid=mowoti388u967620049>

14. Никитина З.А., Герцовская А.А. Проблемные аспекты деятельности правоохранительных органов на территориях новых субъектов Российской Федерации // Вестник науки. 2024. №12 (81). – С. 303-311.

THE ROLE OF THE POLICE IN ENSURING LAW AND ORDER IN THE LIBERATED TERRITORIES IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION ZONE: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

D.V. Elistratov, A. K. Fedorova, A.D. Prostova

*Penza State University,
Penza, Russia*

The article examines the role of police bodies in ensuring law and order in the territories liberated during the special military operation. The main focus is on a comprehensive analysis of the legal and organizational aspects of law enforcement activities in special conditions. The article analyzes the legal framework governing police activities in these territories, including federal laws, presidential decrees, departmental regulations, and temporary regulations. It also addresses issues related to personnel management, cooperation with military administrations, the Russian National Guard, and other law enforcement agencies. Based on the analysis of practical cases, key problems are identified: gaps in legal regulation, lack of qualified personnel, specific features of working in conditions of potential security threats, and the need to adapt standard procedures to the specifics of the region. Ways to improve organizational and legal mechanisms for increasing the effectiveness of maintaining

Keywords: administrative activities of the police, legal aspects, law and order, law enforcement agencies, Special Military Operation.

УДК 343.985

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

О.В. Ильина, М.Д. Анцупов

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Особая значимость данной темы обусловлена спецификой производства по этой категории дел. В отличие от общего порядка, производство в сфере дорожного движения характеризуется широким применением мер обеспечения (отстранение от управления, освидетельствование на состояние опьянения, задержание транспортного средства), а также массовым использованием средств автоматической фото– и видеофиксации. Последнее повлекло за собой существенную трансформацию процессуальных основ: введение особого порядка привлечения к ответственности, при котором бремя доказывания невиновности в ряде случаев возлагается на собственника транспортного средства. Постоянное совершенствование технологий контроля и частое изменение норм КоАП РФ требуют глубокого теоретического осмысления процессуальных особенностей защиты прав участников дорожного движения и деятельности Госавтоинспекции.

Ключевые слова: производство в сфере дорожного движения, Госавтоинспекция, КоАП РФ, отстранение от управления, освидетельствование на состояние опьянения, задержание транспортного средства.

Основания привлечения к административной ответственности за правонарушения в области безопасности дорожного движения в Российской Федерации представляют собой совокупность факторов, при наличии которых лицо может быть подвергнуто мерам государственного принуждения. Согласно нормам Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), данные основания принято делить на юридические, фактические и процессуальные.

Юридическим основанием является наличие нормы права, устанавливающей запрет на совершение определенных действий или предписывающей совершение необходимых действий, а также закрепляющей ответственность за их невыполнение. В данной сфере основным актом является Глава 12 КоАП РФ («Административные правонарушения в области дорожного движения»), которая содержит конкретные составы деликтов. Содержание этих запретов напря-

мую отсылает к Правилам дорожного движения РФ (ПДД РФ) и Федеральному закону «О безопасности дорожного движения» [1].

Фактическим основанием является совершение конкретным лицом деяния, содержащего все признаки состава административного правонарушения. В области дорожного движения состав включает:

- Объект: общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения, жизнь и здоровье граждан, а также право собственности.

- Объективная сторона: конкретное действие (превышение скорости, проезд на запрещающий сигнал) или бездействие (невыполнение обязанности по страхованию гражданской ответственности), нарушающее ПДД. Большинство составов здесь являются формальными – ответственность наступает за сам факт нарушения, независимо от последствий.

Субъект:

- Общий субъект – вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

- Специальный субъект – водитель транспортного средства.

- Особый субъект – собственник (владелец) транспортного средства (при фиксации нарушения камерами).

- Субъективная сторона: вина в форме умысла или неосторожности. Лицо признается виновным, если у него имелась возможность для соблюдения правил, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Ключевой особенностью оснований ответственности в области дорожного движения является специфика, установленная ст. 1.5 и 2.6.1 КоАП РФ:

1. Автоматическая фиксация: при нарушении, зафиксированном работающими в автоматическом режиме техническими средствами (камерами), к ответственности привлекаются собственники транспортных средств.

2. Освобождение от бремени доказывания: В случае фотовидеофиксации презумпция невиновности действует ограниченно: собственник ТС обязан сам доказать, что в момент нарушения за рулем находилось другое лицо или автомобиль выбыл из его владения в результате противоправных действий других лиц.

Процессуальным основанием является вынесение уполномоченным должностным лицом ГАИ или судьей законного и обоснованного акта (постановления) о назначении административного наказания. Процедура должна быть инициирована наличием повода (фиксация нарушения сотрудником, данные камер, заявления граждан) и оформлена соответствующим протоколом или постановлением (в случае «писем счастья» протокол не составляется).

Лицо не может быть привлечено к ответственности, если истекли сроки давности (по общему правилу – 2 месяца, при рассмотрении дела судьей – 3 месяца, по ряду составов, например, ст. 12.8 и 12.26 – 1 год).

Таким образом, для законного привлечения к ответственности необходимо сочетание нарушения норм ПДД, наличие вины (с учетом специфики работы камер), достижение лицом возраста ответственности и соблюдение процессуального порядка оформления документов.

Административная ответственность в области безопасности дорожного движения представляет собой один из наиболее массовых институтов правового принуждения в Российской Федерации, процессуальный порядок которого детально регламентирован нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данный порядок основывается на необходимости обеспечения баланса между защитой интересов общества на безопасное передвижение и соблюдением прав граждан, вовлеченных в производство. Весь процесс привлечения к ответственности начинается с момента обнаружения события правонарушения, что может произойти как в результате непосредственного наблюдения инспектора дорожно-патрульной службы, так и при помощи автоматических систем фото- и видеофиксации. Примером непосредственного обнаружения может служить ситуация, когда инспектор ГАИ визуально фиксирует не пристёгнутый ремень безопасности у водителя или пассажира, что становится законным поводом для остановки транспортного средства и начала процедуры оформления документов [2].

Законодательство предусматривает несколько сценариев документального оформления правонарушения в зависимости от тяжести содеянного и позиции лица, привлекаемого к ответственности. В наиболее простых случаях, когда санкция статьи ограничивается штрафом или предупреждением, а водитель полностью согласен с фактом нарушения, инспектор применяет упрощенный порядок. В этой ситуации протокол об административном правонарушении не составляется, а сразу выносится постановление о назначении наказания. Например, если водитель при развороте не включил указатель поворота и признал свою вину, инспектор на месте распечатывает постановление, копия которого вручается нарушителю. Однако, если водитель оспаривает вину или само событие правонарушения, либо если за совершенное деяние законом предусмотрено лишение права управления транспортным средством или административный арест, обязательным становится составление протокола. В протоколе фиксируются не только обстоятельства происшествия, но и объяснения водителя, а также данные свидетелей и технических приборов. В качестве примера можно привести случай выезда на встречную полосу, где инспектор обязан составить протокол и направить материалы мировому судье, так как окончательное решение о лишении прав может принять только суд.

Особое место в процедуре привлечения к ответственности занимают меры обеспечения производства, такие как отстранение от управления транспортным средством и освидетельствование на состояние опьянения. Эти меры применяются для пресечения правонарушения и сбора доказательств. Если у инспектора возникают подозрения, что водитель находится в состоянии опьянения, например, из-за специфического запаха или невнятной речи, он обязан в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи отстранить водителя от управления и предложить ему пройти тест на алкоголь с помощью сертифицированного прибора. В случае отказа водителя или его несогласия с результатами проводится медицинское освидетельствование в специализирован-

ном учреждении. Важно отметить, что отказ от такого освидетельствования сам по себе образует состав правонарушения, влекущий суровое наказание.

Процесс привлечения к ответственности за нарушения, зафиксированные камерами в автоматическом режиме, характеризуется отсутствием стадии составления протокола и презумпцией ответственности собственника транспортного средства. В этом случае постановление выносится без участия человека, а собственник получает уведомление по почте или через электронные сервисы. Если, к примеру, камера зафиксировала превышение скорости автомобилем, который был сдан в аренду, собственник обязан в течение десяти суток обжаловать это решение, представив доказательства того, что в момент фиксации машиной управлял другой человек. Без такой инициативы со стороны собственника наказание будет считаться законным именно в отношении него.

Завершающим этапом процедуры является вынесение итогового решения по делу, которое может выражаться в форме штрафа, лишения прав, обязательных работ или ареста. После того как постановление вступает в законную силу, наступает стадия исполнения наказания. Для штрафов предусмотрен стимулирующий механизм в виде возможности оплаты лишь половины суммы в течение двадцати дней, что активно используется большинством водителей при совершении негрубых нарушений, таких как несоблюдение требований дорожной разметки. В то же время для наказания в виде лишения прав предусмотрен строгий порядок: водитель должен самостоятельно сдать удостоверение в ГАИ в течение трех рабочих дней после вступления решения суда в силу. Если он проигнорирует эту обязанность, срок лишения не начнет исчисляться, что на практике часто приводит к неприятным последствиям для граждан, ошибочно полагающих, что срок течет автоматически [3, с. 83].

По данным на 2026 год, в Пензенской области ведётся активная работа по выявлению и пресечению административных правонарушений в сфере дорожного движения. Статистика включает данные как о нарушениях, фиксируемых дорожными камерами, так и о нарушениях, выявляемых в ходе прокурорских проверок.

Нарушения, фиксируемые камерами

В 2024 году в Пензенской области дорожными камерами было зафиксировано более 1 миллиона нарушений ПДД. На тот момент в регионе работало 229 комплексов фотовидеофиксации, которые распознавали 12 видов нарушений, включая:

- превышение скоростного режима;
- выезд на полосу встречного движения;
- выезд за стоп–линию;
- проезд на запрещающий сигнал светофора (в том числе на жёлтый);
- несоблюдение правил остановки и стоянки;
- проезд по обочине;
- движение без ближнего света фар;
- непредоставление преимущества пешеходам на нерегулируемых переходах;

- неиспользование ремня безопасности.

Ранее, в 2024 году, сообщалось, что с начала года камеры зафиксировали 108 тысяч нарушений. Среди наиболее частых нарушений тогда называли:

- Превышение скорости на 20–40 км/ч.
- Выезд за стоп–линию при запрещающем сигнале светофора.
- Проезд на запрещающий сигнал светофора.
- Комплексы постоянно модернизируются, расширяя функционал.

Например, в 2024 году несколько камер настроили на фиксацию нарушения правил пользования внешними световыми приборами.

По итогам 2025 года прокуратура Пензенской области выявила 3060 нарушений в сфере безопасности дорожного движения. Для их устранения было:

- принесено 386 протестов;
- направлено в суд 614 исков и заявлений;
- внесено 1 415 представлений.

По результатам рассмотрения материалов: 1201 человек привлечён к дисциплинарной ответственности; 58 человек – к административной; 125 граждан получили предостережения о недопустимости нарушений.

Также по материалам прокурорских проверок возбуждено 6 уголовных дел.

Среди выявленных нарушений чаще всего фиксировались дефекты дорожного полотна (выбоины, просадки, проломы), отсутствие дорожной разметки (в том числе на пешеходных переходах), проблемы с уличным освещением в населённых пунктах.

В 2025 году прокуратура выявила более 2500 нарушений в сфере безопасности дорожного движения. Для их устранения было внесено свыше 2000 актов прокурорского реагирования.

В 2025 году в Пензе было выявлено 60650 нарушений ПДД. Среди наиболее частых нарушений называли:

- проезд на запрещающий сигнал светофора;
- выезд на встречную полосу;
- непредоставление преимущества пешеходам;
- отсутствие детского кресла;
- управление автомобилем без прав или лишенным прав.

В 10349 случаях правила дорожного движения в Пензе нарушали пешеходы.

Таким образом, порядок привлечения к административной ответственности в сфере дорожного движения представляет собой четко выстроенный механизм, требующий от всех участников процесса строгого соблюдения процессуальных сроков и правил оформления документов [4].

Список использованных источников

1. Федеральный закон "О безопасности дорожного движения" от 10.12.1995 N 196–ФЗ (ред. от 31.07.2025 N 304–ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 50, 11 декабря 1995 года, ст. 4873.

2. О специфике применения отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в области обеспечения безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-primeneniya-otdelnyh-mer-obespecheniya-proizvodstva-po-delu-ob-administrativnom-pravonarushenii-v-oblasti> (дата обращения 08.04.26)

3. Майоров В.И. Проблемы административной ответственности в сфере дорожного движения // Вестник Омской юридической академии. – 2024. – № 4. – С. 81–84.

4. Статистика ДТП по Пензенской области [Электронный ресурс] // <https://rusdtp.ru/stat-dtp/penzenskaya-oblast/> (дата обращения 15.04.26.)

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC

O.V. Ilyina, M.D. Antsupov

*Penza State University,
Penza, Russia*

The particular significance of this topic stems from the specific nature of proceedings in this category of cases. Unlike general procedures, proceedings in the area of road traffic are characterized by the extensive use of enforcement measures (suspension from driving, intoxication testing, vehicle impoundment), as well as the widespread use of automatic photo and video recording equipment. The latter has led to a significant transformation of procedural principles: the introduction of a special procedure for bringing to justice, under which the burden of proving innocence in some cases lies with the vehicle owner. The constant improvement of enforcement technologies and frequent changes to the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation require a thorough theoretical understanding of the procedural aspects of protecting the rights of road users and the activities of the State Traffic Safety Inspectorate.

Keywords: proceedings in the area of road traffic, State Traffic Safety Inspectorate, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, suspension from driving, intoxication testing, vehicle impoundment.

УДК 343.985

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ, МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ, ОТСТРАНЕНИЕ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

О.В. Ильина, А.Д. Почивалов

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Аварийность за рулем транспортного средства в состоянии опьянения — одна из актуальных и острых социально-экономических проблем, стоящих пе-

ред большинством стран мира, которые уделяют этому вопрос особое внимание. Каждый год в результате ДТП во всем мире гибнут и получают ранения более одного миллиона человек.

Ключевые слова: транспортное средство, состояние опьянения, дорожно–транспортное происшествие, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, отстранение от управления транспортным средством.

Административные нарушения, допущенные водителями в состоянии алкогольного опьянения, создают повышенную опасность для движения и общества в целом. Транспортное средство является источником повышенной опасности, при этом употребление алкоголя существенно ухудшает состояние здоровья лиц, управляющих транспортными средствами, что создает угрозу безопасности дорожного движения. Невозможность водителей правильно оценить дорожную обстановку, и переоценка своих возможностей зачастую становится причиной ДТП [1, с. 26].

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях – освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения и отстранение от управления транспортным средством – играют ключевую роль в пресечении противоправных действий и сборе доказательств.

Их правильное и единообразное применение способствует:

- предотвращению дорожно-транспортных происшествий;
- обеспечению законности при производстве по делам об административных правонарушениях;
- защите прав и законных интересов участников дорожного движения.

Важным аспектом, который также обуславливает актуальность темы исследования, выступает динамичный характер административного законодательства, как материального, так и процессуального. Во многом это касается Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [2]. Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 210–ФЗ освидетельствование на состояние алкогольного опьянения было отнесено к мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении и включено пунктом 5.1 в ст. 27.1 КоАП РФ [2]. Этим же Федеральным законом установлены процедуры отстранения от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения (ст. 27.12 КоАП РФ) [2]. Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 4–ФЗ в ст. 12.27 КоАП РФ была введена норма, запрещающая водителю употреблять алкогольные напитки, наркотические или психотропные вещества после дорожно–транспортного происшествия, к которому он причастен, либо после того, как транспортное средство было остановлено по требованию сотрудника полиции, до проведения уполномоченным должностным лицом освидетельствования в целях установления состояния опьянения

или принятия им решения об освобождении от проведения такого освидетельствования.

Также основные положения об освидетельствовании на состояние алкогольного опьянения и его форма, закреплены в Приказе МВД «Об утверждении форм акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения».

Транспортные средства относятся к источникам повышенной опасности, о чем прямо свидетельствует содержание ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации. В силу этого установление запрета на управление транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического, токсического) является принципиально необходимым. Применительно к водителям транспортных средств, участвующих в дорожном движении (автомобильных и иных перечисленных в примечании к ст. 12.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [2], запрет на управление в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения установлен в п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090.

Что касается транспортных средств, осуществляющих плавание по внутренним водным путям (судов, в том числе маломерных), то членам экипажа запрещается находиться на вахте в состоянии алкогольного или наркотического опьянения в соответствии с п. 13 Правил плавания по внутренним водным путям Российской Федерации, утвержденных Приказом Министерства транспорта РФ от 19 января 2018 г. N 19 "Об утверждении Правил плавания судов по внутренним водным путям".

Вполне обоснованно в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2] установлена ответственность за управление судном (в том числе маломерным) судоводителем или иным лицом, управляющим судном, которые находятся в состоянии опьянения, а равно за уклонение указанных лиц от прохождения в соответствии с установленным порядком медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 11.9). Аналогичным образом в КоАП РФ предусмотрена ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 12.8), а также за невыполнение водителем законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26). Согласно ст. 27.12 КоАП РФ направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения подлежит лицо, управляющее транспортным средством соответствующего вида, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения. Направление на такое медицинское освидетельствование осуществляется должностными лицами, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасно-

стью движения и эксплуатации транспортного средства соответствующего вида (ч. 2 ст. 27.12 КоАП РФ) [2].

Так же следует отметить цель и задачи освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Основная цель – установление наличия или отсутствия состояния опьянения, а также фактов употребления алкоголя [3, с. 543]. Это необходимо для: – обеспечения безопасности дорожного движения и других видов транспорта;

– соблюдения законодательства в части запрета управления транспортными средствами в состоянии опьянения;

– формирования доказательной базы при привлечении к административной ответственности.

По видам освидетельствования выделяют: Первичное освидетельствование – проводится на месте сотрудником ГАИ с использованием алкотестера. Основания для его проведения: запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы и шаткость походки; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке.

Медицинское освидетельствование – выполняется в медицинском учреждении врачом–наркологом или фельдшером, прошедшим специальную подготовку. Медицинское освидетельствование проводится в лицензированных медицинских организациях, в том числе с применением передвижных медицинских комплексов [4, с. 145].

Медицинское освидетельствование включает в себя: 1) осмотр врачом–специалистом (фельдшером); 2) исследование выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя; 3) определение наличия психоактивных веществ в образце биологического материала (мочи); 4) исследование уровня психоактивных веществ в образце биологического материала (мочи, крови) [5, с. 321].

Подводя итог, хочется отметить, что освидетельствование на состояние алкогольного опьянения играет ключевую роль в обеспечении безопасности и соблюдении правопорядка, особенно в сфере транспорта. Процедура строго регламентирована, что минимизирует риски злоупотреблений и ошибок. Чёткая правовая основа и стандартизированный порядок проведения позволяют не только оперативно выявлять нарушителей, но и гарантировать соблюдение законности на всех этапах производства.

Список использованных источников

1. Зубарев И.Ю. Значение состояния опьянения в правонарушениях, связанных с нарушением правил дорожного движения // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 22–26.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195–ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст.1.

3. Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Старилов Ю.Н. БЗО Административное право: Учебник для вузов. – 2–е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.

4. Лютягина, Е.А. Административное право: учебник для вузов / Е.А. Лютягина, А.М. Волков. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 423 с.

5. Мигачев, Ю.И. Административное право: учебник для среднего профессионального образования / Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров; под редакцией Л.Л. Попова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 474 с.

EXAMINATION FOR INTOXICATION, MEDICAL EXAMINATION FOR INTOXICATION, REMOVAL FROM DRIVING AS A SECURITY MEASURE IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

O.V. Ilyina, A.D. Pochivalov

*Penza State University,
Penza, Russia*

Accident driving a vehicle in a state of intoxication is one of the urgent and acute socio-economic problems facing most countries of the world that pay special attention to this issue. Every year, more than one million people are killed and injured in road accidents around the world.

Key words: vehicle, intoxication, traffic accident, examination for intoxication, medical examination for intoxication, suspension from driving.

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

О.В. Ильина, А.Д. Простова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ представляет собой одну из наиболее острых социальных и правовых проблем современного общества. В Российской Федерации борьба с этим явлением признана приоритетным направлением государственной политики, что находит отражение в ряде стратегических документов, ужесточении законодательства и активизации деятельности правоохранительных органов. Однако, несмотря на принимаемые меры, статистика свидетельствует о сохранении высокого уровня правонарушений в данной сфере, что требует постоянного совершенствования не только уголовно-правовых, но и административно-правовых механизмов реагирования.

Ключевые слова: административное производство, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, КоАП РФ, экспертиза «смесей», цифровые следы, анонимные донесения.

За последние десятилетия вещества, так называемые наркотические, пагубно влияющие на психическое состояние человека, стали неотъемлемой частью жизнедеятельности круг лиц, образующих целое наркозависимое общество, они порождают немаловажные проблемы на сегодняшний день [1, с. 142]. В 2026 году проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ сохраняет свою остроту и социальную значимость для Российской Федерации. Несмотря на системную работу правоохранительных органов и ужесточение законодательства, статистика последних лет демонстрирует не только сохранение, но и трансформацию наркопреступности. Появление новых синтетических психоактивных веществ, изменение каналов их распространения (включая использование современных цифровых технологий и мессенджеров), а также вовлечение в незаконный оборот всё более молодых групп населения требуют постоянного совершенствования правовых механизмов реагирования.

Анализ статистических данных свидетельствует о значительных темпах динамики административно–деликатной ситуации в сфере оборота и употребления наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, однако и указанные данные не отражают реальную картину в целом [2, с. 98].

В этих условиях административная ответственность выступает не только как самостоятельный вид наказания за менее тяжкие правонарушения, но и как важнейший инструмент профилактики и оперативного пресечения противоправной деятельности. Эффективность производства по делам об административных правонарушениях (АП) напрямую влияет на возможность своевременного выявления и документирования более тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (НОН). Таким образом, глубокое понимание сущности и особенностей именно административных правонарушений в данной сфере является фундаментом для построения эффективной государственной антинаркотической политики на современном этапе.

В соответствии с действующим законодательством, административным правонарушением признаётся противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) или законами субъектов РФ установлена административная ответственность [3].

Применительно к сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, данное определение конкретизируется через объект посягательства. Объектом таких правонарушений является установленный государством порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также здоровье населения.

Ключевым нормативным актом, устанавливающим ответственность за данные деяния, является статья 6.8 КоАП РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...». Состав данного правонарушения является формальным. Это означает, что правонарушение считается оконченным с момента совершения самого действия (например, незаконной покупки, хранения без цели сбыта), независимо от наступления каких-либо вредных последствий (например, факта употребления или наступления тяжких последствий для здоровья).

Сущность административного правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ заключается в нарушении специальных правил государственного контроля, направленных на исключение доступа наркотических средств и психотропных веществ к лицам, не имеющим на то законных оснований.

Для квалификации деяния по ст. 6.8 КоАП РФ необходимо наличие следующих объективных и субъективных признаков:

1. Объективная сторона. Выражается в конкретных действиях: незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта. Важно отметить, что если в действиях лица усматривается цель сбыта (независимо от размера вещества), деяние квалифицируется уже как уголовное преступление по ст. 228.1 УК РФ [4]. Таким образом, разграничение административной и уголовной ответственности происходит по ключевому признаку – наличию или отсутствию цели сбыта. Квалифицирующим признаком (отягчающим обстоятельством) является совершение того же деяния лицом, которое в течение года уже подвергалось административному наказанию за аналогичное правонарушение (ч. 2 ст. 6.8 КоАП РФ).

2. Субъект правонарушения. Физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения правонарушения 16-летнего возраста.

3. Субъективная сторона. Характеризуется виной в форме умысла или неосторожности. Лицо должно осознавать общественную опасность своих действий (например, знать, что хранит именно наркотическое средство) либо легкомысленно рассчитывать на предотвращение вредных последствий.

Таким образом, административное правонарушение в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ представляет собой посягательство на общественную безопасность и здоровье граждан путём нарушения установленного законом порядка обращения с подконтрольными веществами. Его сущность определяется строгой регламентацией действий с наркотическими средствами и психотропными веществами: любое отступление от разрешённого законом порядка без цели сбыта образует состав административного проступка. В современных реалиях 2026 года чёткое понимание этих границ имеет решающее значение для правоприменителя, чтобы обеспечить неотвратимость наказания за административные проступки и одновременно не допустить необоснованной криминализации граждан за деяния, не представляющие высокой общественной опасности.

В 2026 году в Российской Федерации произошли существенные изменения в порядке вынесения постановлений и назначения административных наказаний за правонарушения, связанные с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Ключевые нововведения связаны с ужесточением административной ответственности за пропаганду незаконного оборота и потребления наркотиков, а также с введением новых оснований для привлечения к уголовной ответственности.

С 1 марта 2026 года вступили в силу изменения, внесённые Федеральным законом от 08.08.2024 № 224–ФЗ, которые уточнили и расширили состав административного правонарушения по статье 6.13 КоАП РФ [5]. Теперь административная ответственность наступает не только за распространение информации о способах изготовления, использования или приобретения наркотических средств, но и за публичные призывы к их потреблению, а также за пропаганду в сети Интернет. Для юридических лиц предусмотрены повышенные штрафы и возможность приостановления деятельности организации.

Постановления о назначении административных наказаний выносятся уполномоченными должностными лицами органов внутренних дел (МВД), а также судами по делам, связанным с пропагандой наркотиков в СМИ и интернете. Процедура привлечения к ответственности включает:

- фиксацию факта правонарушения;
- составление протокола об административном правонарушении;
- рассмотрение дела уполномоченным органом или судом;
- вынесение постановления о назначении наказания.

Постановление может быть обжаловано в течение 10 суток с момента его получения в вышестоящий орган или суд.

Важной особенностью 2026 года стало введение уголовной ответственности за повторную пропаганду наркотиков (статья 230.3 УК РФ) [6]. Если лицо дважды в течение года привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние, либо если деяние совершено лицом, имеющим судимость по данной статье, наступает уголовная ответственность. Санкции включают штраф, обязательные, исправительные или принудительные работы, ограничение или лишение свободы на срок до двух лет.

Для организаций, допустивших пропаганду наркотиков, предусмотрены значительные штрафы (до нескольких миллионов рублей) и возможность приостановления деятельности на срок до 90 суток. В случае повторного нарушения возможна ликвидация юридического лица по решению суда.

В 2026 году в России существенно ужесточены меры административной ответственности за правонарушения в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, расширен перечень оснований для привлечения к уголовной ответственности, а процедура вынесения постановлений стала более прозрачной и регламентированной. Эти изменения направлены на усиление борьбы с пропагандой наркотиков и предотвращение их незаконного оборота.

Список использованных источников

1. Гага Н.И., Рузавина О.Ю. Административное правонарушение в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – 242 с. – URL: <https://moluch.ru/archive/308/69433> (дата обращения 15.05.2026).
2. Евсикова Е.В., Ковалишина К.В. К вопросу об административной ответственности в сфере оборота и потребления наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ // Евразийская адвокатура. 2023. №1 (60). – 101 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativnoy-otvetstvennosti-v-sfere-oborota-i-potrebleniya-narkoticheskikh-sredstv-psihotropnyh-veschestv-povyh> (дата обращения 15.05.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195–ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63–ФЗ (ред. от 09.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 17.06.96. N 25. Ст. 2954.
5. Одинцов Е. Россиянам напомнили об ужесточении наказания за пропаганду наркотиков с марта [Электронный ресурс] // Газета.Ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2026/02/11/27822205.shtml> (дата обращения 15.05.2026).
6. В России вводится уголовная ответственность за пропаганду наркотиков в интернете [Электронный ресурс] // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/26594231> (дата обращения 15.05.2026).

FEATURES OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE SPHERE OF ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

O.V. Ilyina, A.D. Prostova

*Penza State University,
Penza, Russia*

The illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances is one of the most pressing social and legal problems facing modern society. In the Russian Federation, combating this phenomenon has been recognized as a priority for state policy, as reflected in a number of strategic documents, stricter legislation, and increased law enforcement efforts. However, despite the measures taken, statistics indicate a persistently high level of offenses in this area, requiring continuous improvement of not only criminal but also administrative response mechanisms.

Keywords: administrative proceedings, illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, "mixture" analysis, digital traces, anonymous reports.

ТЕОРЕТИКО–ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАДИИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

О.В. Ильина, М.А. Пустовалова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Динамичное изменение административного законодательства, расширение перечня составов правонарушений и внедрение цифровых технологий в процесс фиксации нарушений требуют постоянного научного анализа процедуры рассмотрения дел. Обеспечение законности, соблюдение прав участников производства и реализация принципа неотвратимости наказания напрямую зависят от четкого соблюдения процессуального порядка на данной стадии. Ошибки, допущенные при рассмотрении дела, неизбежно ведут к отмене постановлений и подрывают авторитет органов государственной власти, что обуславливает высокую значимость исследования данной темы.

Ключевые слова: административное законодательство, административное правонарушение, цифровизация, цифровые технологии, рассмотрение дела об административном правонарушении.

Рассмотрение дела – это центральная, решающая стадия производства по делам об административных правонарушениях. На данном этапе уполномоченный орган или должностное лицо на основе собранных доказательств всесторонне исследует обстоятельства дела и принимает юридически значимое решение о виновности или невиновности лица, а также о применении (или неприменении) к нему мер административного наказания [1, с. 203].

Процессуально эта стадия регулируется Главой 29 КоАП РФ [2]. Она начинается с момента получения протокола и материалов дела субъектом административной юрисдикции и завершается вынесением постановления или определения по делу.

Законодатель четко определяет цели, которые должны быть достигнуты в ходе этой стадии. К основным задачам относятся:

1. Всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела. Орган, рассматривающий дело, обязан изучить не только доказательства вины, но и обстоятельства, смягчающие или исключаяющие ответственность.

2. Разрешение дела в соответствии с законом. Решение должно основываться строго на нормах КоАП РФ или законов субъектов РФ об административных правонарушениях.

3. Обеспечение исполнения вынесенного постановления. Процесс рассмотрения должен быть организован так, чтобы принятое решение могло быть реально реализовано.

4. Выявление причин и условий, способствовавших совершению правонарушений. Согласно ст. 29.13 КоАП РФ, при установлении таких причин орган вносит в соответствующие организации и должностным лицам представление об их устранении (профилактическая функция) [2].

Сроки рассмотрения зависят от того, кто рассматривает дело, и какова категория правонарушения.

Общие сроки:

– Для административных органов и должностных лиц: дело должно быть рассмотрено в 15-дневный срок со дня получения протокола и других материалов дела.

– Для судей (мировых и районных): дело рассматривается в двухмесячный срок со дня получения протокола и материалов.

Срок может быть продлен, но не более чем на один месяц. Продление оформляется определением и допускается в случаях:

– Поступления ходатайств от участников производства (например, о вызове свидетелей или назначении экспертизы).

– Необходимости дополнительного выяснения обстоятельств дела.

Специальные (сокращенные) сроки:

Для ряда категорий дел установлены максимально короткие сроки рассмотрения:

1. В день получения протокола: если лицу грозит административный арест или административное выдворение (при условии, что лицо уже задержано).

2. 7 суток: по делам, за которые предусмотрено административное приостановление деятельности (с момента фактического приостановления деятельности, если оно было применено).

3. 5 суток: по делам, связанным с нарушением законодательства о выборах и референдумах.

4. 10 суток: по делам о нарушении порядка организации или проведения митингов, демонстраций, шествий.

Прежде чем приступить к существу дела, судья или должностное лицо в обязательном порядке выясняют следующие вопросы:

– Относится ли рассмотрение данного дела к их компетенции.

– Имеются ли обстоятельства, исключающие возможность рассмотрения ими данного дела (самоотвод).

– Правильно ли составлен протокол и другие материалы.

– Имеются ли ходатайства и отводы.

– Достаточно ли имеющихся материалов для рассмотрения дела по существу.

Соблюдение указанных задач и сроков является гарантией соблюдения прав граждан и законности в административном процессе. Нарушение установленных сроков может служить основанием для признания действий должностных лиц неправомерными, хотя само по себе не всегда ведет к отмене поста-

новления (если не истекли сроки давности привлечения к ответственности по ст. 4.5 КоАП РФ).

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях распределены между широким кругом субъектов административной юрисдикции, подробный перечень которых закреплен в главе 23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Основное место в этой системе занимают судьи, включая мировых судей, судей районных и гарнизонных военных судов, к исключительной компетенции которых отнесено рассмотрение дел, влекущих наиболее суровые меры наказания, такие как административный арест, лишение специального права, дисквалификация или административное приостановление деятельности [2]. Наряду с судебной властью значительным объемом полномочий наделены органы исполнительной власти в лице их структурных подразделений и территориальных органов, а также комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Отраслевые ведомства, такие как органы внутренних дел, налоговые и таможенные службы, органы транспортного надзора, Роспотребнадзор и иные контрольно-надзорные структуры, рассматривают дела в пределах установленной предметной подведомственности, реализуя функции по пресечению правонарушений в специфических сферах общественных отношений [3].

Процессуальный статус лиц, вовлеченных в производство по делу, детально регламентирован главой 25 КоАП РФ и определяется степенью их заинтересованности в исходе дела либо возложенными на них техническими функциями. Ключевым участником является лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, обладающее широким комплексом прав, включая право знакомиться со всеми материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, а также пользоваться квалифицированной юридической помощью защитника. Вторую сторону в процессе зачастую представляет потерпевший – физическое или юридическое лицо, которому правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред. Интересы указанных лиц могут представлять законные представители, если речь идет о несовершеннолетних или организациях, а также защитники и представители, в качестве которых к участию в деле допускаются адвокаты или иные лица по доверенности [4, с. 256].

Особое процессуальное положение занимает прокурор, осуществляющий надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и законов при производстве по делам об административных правонарушениях. Прокурор наделен правом возбуждать дела, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и приносить протесты на постановления независимо от участия в деле других лиц. Для объективного разрешения дела и формирования доказательственной базы к участию привлекаются лица, содействующие осуществлению правосудия. К их числу относятся свидетели, которым могут быть известны обстоятельства дела, эксперты, проводящие исследования на основе специальных

знаний в различных областях науки или техники, специалисты, оказывающие техническое содействие в фиксации улик, и переводчики, обеспечивающие реализацию прав лиц, не владеющих языком производства. Совокупная деятельность всех названных органов и участников обеспечивает соблюдение принципа законности и достижение целей административного судопроизводства по справедливому разрешению дела [5].

Список использованных источников

1. Алехин А.П. Административное право России: Учебное пособие. М.: Проспект, 2021. – 424 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195–ФЗ (ред. от 23.03.2026) //Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). – 1 с.
3. Гражданов А.Е. Административное правонарушение: понятие и виды [Электронный ресурс] // Научный журнал "Юридическая наука": / Российская академия наук. URL: <https://www.jur-science.ru/articles/administrative-offense> (дата обращения: 27.03.2026).
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник для вузов. М.: Эксмо, 2020. – 608 с.
5. Иванов А.В. Технологии сбора и обработки данных в правоприменении [Электронный ресурс] // Научный журнал "Право и технологии»: сведения, относящиеся к заглавию / Иванов А.В. URL: <https://www.pravo-i-tehnologii.ru/articles/data-collection-techniques> (дата обращения: 28.03.2026).

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE STAGE OF CONSIDERATION OF A CASE ON AN ADMINISTRATIVE OFFENCE

O.V. Ilyina, M.A. Pustovalova

*Penza State University,
Penza, Russia*

The dynamic evolution of administrative legislation, the expansion of the list of offenses, and the introduction of digital technologies into the process of recording violations require ongoing scientific analysis of case proceedings. Ensuring the rule of law, respecting the rights of parties to proceedings, and implementing the principle of the inevitability of punishment directly depend on strict adherence to procedural procedures at this stage. Errors made during case proceedings inevitably lead to the overturning of decisions and undermine the authority of government bodies, making research into this topic highly significant.

Keywords: administrative legislation, administrative offense, digitalization, digital technologies, administrative offense case proceedings.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

О.В. Ильина, А.К. Федорова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Таможенное дело является одной из ключевых сфер государственного регулирования, напрямую связанной с экономической безопасностью и пополнением бюджета страны. Эффективное противодействие административным правонарушениям в этой области – необходимое условие для защиты национальных интересов и обеспечения законности во внешнеэкономической деятельности. Правовое регулирование и практика производства по делам об административных правонарушениях в таможенной сфере имеют свою специфику, связанную с особыми полномочиями таможенных органов, сложностью доказывания и необходимостью соблюдения баланса между фискальными задачами и защитой прав участников внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: таможенное дело; внешнеэкономическая деятельность; КоАП РФ; правонарушения, связанные с незаконным перемещением товаров; правонарушения, связанные с декларированием товаров; правонарушения, связанные с несоблюдением запретов и ограничений.

Административные правонарушения в таможенной сфере являются самостоятельной разновидностью административного правонарушения.

Производство по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела – это урегулированный административно–процессуальными нормами вид правоохранительной деятельности таможенных органов и их должностных лиц. Оно направлено на рассмотрение и разрешение индивидуальных дел о нарушениях таможенного законодательства, а также на применение мер административной ответственности к виновным физическим и юридическим лицам.

По мнению С.И. Истомина, производство по делам о нарушении таможенных правил представляет собой процессуальный порядок деятельности таможенных органов и их должностных лиц по заведению дел, исследованию обстоятельств правонарушения, рассмотрению таких дел, разрешению жалоб на постановления по делам о нарушении таможенных правил и исполнению постановлений о наложении взысканий.

О.В. Гречкина считает, что производство по делам о нарушении таможенных правил – это разновидность производства по делам об административных правонарушениях, которая регламентируется административно–процессуальными нормами и нормами таможенного законодательства. Оно представляет собой деятельность таможенных органов, направленную на раз-

решение дел о нарушении таможенных правил и применение административно–принудительных мер [1, с. 68].

Административным правонарушениям в области таможенного дела присущи такие же основные признаки, какие и правонарушениям в других областях общественных отношений. Особенность, отличающая нарушения таможенных правил от административных правонарушений в других областях общественных отношений, относится прежде всего к объекту посягательств.

Правонарушения в области таможенного дела имеют такую же юридическую структуру, как и любое другое административное правонарушение. Под составом нарушения таможенных правил понимается установленная правовой нормой совокупность признаков, при наличии которых деяние можно рассматривать как административное правонарушение [2, с. 128].

Первый признак, который является характерным для любого административного правонарушения, в том числе и нарушение таможенных правил, это действие или бездействие. То есть это сознательный акт поведения человека, который всегда является следствием познавательной деятельности. Действие – это активное невыполнение законных требований, а также нарушение установленных нормами права запрета (например, нарушение режима зоны таможенного контроля, предусмотренное ст. 16.5. КоАП РФ). Бездействие – это пассивная форма поведения, которая проявляется в невыполнении предусмотренных законодательными и нормативными актами обязанностей, которые она должна и должна выполнять вследствие возложенных на нее обязанностей (например, недекларирование товаров, закрепленное ст. 16.2. КоАП РФ).

Следующим признаком является административная наказуемость. Она выражается в том, что конкретное неправомерное деяние признается нарушением таможенных правил лишь в тех ситуациях, когда его осуществление имеет своим последствием применение меры административной ответственности, сконструированной в КоАП РФ.

Еще один признак – это антиобщественная направленность, которую следует рассматривать как диалектическое соотношение общественной вредности и общественной опасности. И необходимо отметить, что в данном случае результат такого рода нарушения может проявляться как в виде реального ущерба (например, недопоступление средств в государственный бюджет вследствие неуплаты таможенных платежей в срок, установленный законом), так и в создании необходимых условий с целью наступления определенного вреда.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что административное правонарушение в таможенной сфере представляет собой противоправные, виновные (умышленные или по неосторожности) действия или бездействие, посягающие на установленный российским законодательством порядок перемещения товаров, транспортных средств через таможенную границу ЕАЭС, предъявления их таможенным органам для проведения таможенного контроля и таможенного оформления, а также осуществления операций с товарами, находящимися под таможенным контролем или контроль за ко-

торыми возложен на таможенные органы российским законодательством, и за которые КоАП РФ предусмотрена административная ответственность [3, с. 35].

В соответствии со ст. 28.1. КоАП РФ в подавляющем большинстве случаев поводом к возбуждению дела об административном правонарушении являются:

1) непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения;

2) поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения;

3) сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения;

4) фиксация административного правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, в области дорожного движения или административного правонарушения в области благоустройства территории, административного правонарушения, ... имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи;

5) подтверждение содержащихся в сообщении или заявлении собственника (владельца) транспортного средства данных о том, что транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица [4].

Чаще всего признаки правонарушений в таможенном деле обнаруживаются должностными лицами таможенных органов самостоятельно при проведении таможенного контроля с применением одной или нескольких форм, утвержденных ТК ЕАЭС [5, с. 353].

Так, при производстве таможенного досмотра товаров и (или) транспортных средств, проводимого уполномоченными должностными лицами таможенного органа, могут быть выявлены:

1) сокрытые от таможенного контроля в тайниках товары, т. е. признаки ст. 16.1 ч. 2 КоАП РФ;

2) несоответствие сведений, внесенных в таможенную декларацию, действительным характеристикам декларируемой товарной партии, т. е. признаки ст. 16.2 ч. 2 КоАП РФ;

3) факт уничтожения, повреждения, удаления, изменения либо замены средств идентификации, т. е. признаки ст. 16.11 КоАП РФ, а также признаки иных правонарушений, обозначенных в гл. 16 КоАП РФ [4].

Это обстоятельство можно назвать первой особенностью производства по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела.

Кроме этого, часто порядок и сроки производства по делу об административном правонарушении в области таможенного дела зависит от администра-

тивно–правового статуса или места нахождения таможенного органа, в котором данное производство ведется.

Административное расследование проводится по месту совершения или выявления административного правонарушения. Административное расследование по делу об административном правонарушении, возбужденному должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, проводится указанным должностным лицом, а по решению начальника органа, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, или его заместителя – другим должностным лицом этого органа, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях [5, с. 355].

В ходе административного расследования таможенными органами чаще всего в зависимости от определенного состава административного правонарушения, в соответствии с КоАП РФ, осуществляются следующие процессуальные действия:

- опрашиваются свидетели административного правонарушения, отбираются объяснения у лиц, в отношении которых ведется производство по делу;
- применяются меры обеспечения производства по делу;
- отбираются пробы и образцы товаров, являющихся предметами административного правонарушения для последующего проведения экспертных исследований;
- назначается экспертиза (товароведческая, почерковедческая, комплексная, идентификационная, криминалистическая и др.);
- истребуются у различных лиц, организаций, которым могут быть известны какие-либо сведения по делу, необходимые сведения.

Срок проведения административного расследования не может превышать одного месяца с момента возбуждения дела об административном правонарушении.

По окончании административного расследования составляется протокол об административном правонарушении либо выносится постановление о прекращении дела об административном правонарушении. Протокол является процессуальным документом, завершающим административное расследование.

По окончании административного расследования составляется протокол об административном правонарушении, который должен содержать помимо сведений, предусмотренных ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ [4], способ совершения, нормы закона, которые нарушены, ссылки на все доказательства, собранные в ходе административного производства, и их оценку, описание доказательств указывается в форме «запрос–ответ», правовое обоснование привлечения к административной ответственности, об имеющихся вещественных доказательствах [6, с. 238].

В протоколе об административном правонарушении указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имена, отчества, адреса места житель-

ства свидетелей, место и время совершения и событие административного правонарушения, статья гл. 16 КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, иные сведения, необходимые для разрешения дела.

При составлении протокола об административном правонарушении физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, а также иным участникам производства по делу разъясняются их права и обязанности, предусмотренные КоАП РФ, о чем делается запись в протоколе.

Физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, должна быть предоставлена возможность ознакомления с протоколом об административном правонарушении. Протокол об административном правонарушении подписывается должностным лицом таможенного органа, его составившим, физическим лицом или законным представителем юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении. В случае отказа указанных лиц от подписания протокола в нем делается соответствующая запись.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ действующего законодательства показал, что данная сфера отличается значительной спецификой, обусловленной законодательством Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Сидоров Е.И. Правовая характеристика и особенности производства по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела // Вестник Российской таможенной академии. – 2015. – №3. – 102 с.

2. Административная ответственность за правонарушения в области таможенного дела: учеб. пос. / Л. Л. Хомяков, М.Ю. Карпеченков, Е.И. Сидоров. – СПб.: Интермедия, 2017. – 230 с.

3. Скуридина, О.О. Понятие и виды административных правонарушений в таможенной сфере / О.О. Скуридина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 44 (386). – С. 144–153.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Российская газета. – N 256. – 31.12.2001.

5. Сичинава, А.А. Расследование дел об административных правонарушениях в области таможенного дела как стадия административного производства / А.А. Сичинава. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 4 (503). – С. 352–361.

6. Садловская А.В., Сафронов В.В. К вопросу анализа методики расследования дел об административных правонарушениях в области таможенного дела // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №10 (238). – С. 237–244.

FEATURES OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF CUSTOMS

O.V. Ilyina, A.K. Fedorova

*Penza State University,
Penza, Russia*

Customs is one of the key areas of government regulation directly related to economic security and replenishment of the country's budget. Effective counteraction to administrative offenses in this area is a necessary condition for protecting national interests and ensuring the rule of law in foreign economic activity. The legal regulation and practice of proceedings in cases of administrative offenses in the customs sphere have their own specifics related to the special powers of the customs authorities, the difficulty of proving and the need to maintain a balance between fiscal tasks and the protection of the rights of participants in foreign economic activity.

Key words: customs; foreign economic activity; Administrative Code of the Russian Federation; offenses related to the illegal movement of goods; offenses related to the declaration of goods; offenses related to non-compliance with prohibitions and restrictions.

УДК 343.985

УЧАСТНИКИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ВИДЫ И ПРАВОВОЙ СТАТУС

О.В. Ильина, Е.Е. Филатов

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Современная правовая действительность, обуславливает возникновение интереса к проблеме административного производства, как одного из гарантов борьбы с административными правонарушениями и способа обеспечения правопорядка. Особое значение в этой связи приобретает анализ основных участников административного производства, определение их прав и обязанностей.

Ключевые слова: участники административного производства; лицо, в отношении которого ведется производство; потерпевший; законные представители физического лица; законные представители юридического лица; защитник и представитель; свидетель; понятой; специалист; эксперт; переводчик; прокурор; уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей; уполномоченный по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации.

Анализируя особенности производства по делам об административных правонарушениях, наиболее пристальное внимание следует уделить характеристике правового положения участников этого производства, которые занимают в нем центральное место. Подобная обусловленность объясняется тем, что именно исходя из того, как урегулирован их процессуальный статус, можно судить и о самом производстве.

Данный вид производства наиболее полно урегулирован процессуальными нормами, содержащимися в главе 24 КоАП РФ [1]. Однако вопросы, связанные именно с правовым положением участников этого производства, окончательно еще не решены. Например, в главе 25 КоАП РФ перечислены участники производства по делам об административных правонарушениях, а также закреплены их права и обязанности, большинство из которых не систематизировано надлежащим образом, что может привести к определенным сложностям, а также к нарушению процессуальных прав лица, в отношении которого ведется данное производство, потерпевшего и иных участников.

Так, к участникам производства по делам об административных правонарушениях относятся: лицо, в отношении которого ведется производство; потерпевший; законные представители физического лица; законные представители юридического лица; защитник и представитель; свидетель; понятой; специалист; эксперт; переводчик; прокурор; в определенных случаях может участвовать уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченный по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации. Перед анализом прав и обязанностей участников нужно произвести классификацию. Однако при этом важен не поиск новых критериев, а отбор тех оснований для классификации, которые имеют реальное практическое значение.

Представляется необходимым упорядочить участников производства по делам об административных правонарушениях по следующим основаниям, в частности приводимым в трудах Д.Н. Бахраха [2, с. 567].

По признаку государственно-властных полномочий: участники, обладающие государственно-властными полномочиями, и участники, не обладающие таковыми. Первую группу составляют судьи, органы, должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, а также прокурор. Во вторую группу входят участники, которые различаются по степени заинтересованности в деле и подразделяются на тех, кто имеет личную заинтересованность в исходе дела, и тех, кто не имеет личной заинтересованности в исходе дела. К первым из них относятся: лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; потерпевший; законные представители физического лица; законные представители юридического лица; защитник и представитель. Ко вторым – свидетель, понятой, специалист, эксперт, переводчик (т. е. лица, которые своими знаниями и опытом работы в определенной сфере помогают основным участникам производства осуществлять возложенные на них функции, а также реализовать имеющиеся у них процессуальные права и обязанности).

В свою очередь, по способу разрешения дел об административных правонарушениях: коллегиальные органы (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; административные комиссии; иные коллегиальные органы, создаваемые в соответствии с законами субъекта Федерации) и должностные лица, обладающие полномочиями по разрешению дел об административных правонарушениях единолично, от имени государственного органа.

По объему полномочий: органы (должностные лица), в чью компетенцию входит совершение первичных процессуальных действий по выявлению административных правонарушений, составление протокола и передача материалов органу (должностному лицу), правомочному разрешать дело по существу; органы (должностные лица), в чью компетенцию входит как производство первичных процессуальных действий, так и рассмотрение дел об административных правонарушениях по существу; органы (должностные лица), только рассматривающие дела об административных правонарушениях по существу [3, с. 248].

Предлагая такое деление, можно отметить, что предложенная классификация носит условный характер и используется лишь для того, чтобы наиболее детально исследовать права и обязанности участников производства по делам об административных правонарушениях.

Анализ показал, что производство включает широкий круг участников, каждый из которых выполняет строго определённые функции. Среди них – лица, участвующие в деле (в том числе лицо, в отношении которого ведётся производство, потерпевший, законные представители физических и юридических лиц, защитник и представитель), лица, содействующие осуществлению производства (свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые), а также должностные лица и органы, уполномоченные рассматривать дела (судьи, органы и должностные лица, указанные в главе 23 КоАП РФ) [1].

Правовой статус каждого участника определяется совокупностью прав и обязанностей, закреплённых в КоАП РФ и иных нормативных актах. При этом статус не является статичным – он может меняться в зависимости от стадии производства. Важнейшую роль играют гарантии прав участников: принцип презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ) [1], право на защиту (включая право на помощь защитника), возможность знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства и отводы, гарантии языковых прав и привлечения переводчика, а также защита от самообвинения на основании ст. 51 Конституции РФ.

Так, лицо, в отношении которого ведётся производство, обладает широким набором процессуальных прав для защиты своих интересов, но одновременно несёт и определённые обязанности – например, обязанность явиться на рассмотрение дела или исполнить назначенное наказание. Потерпевший также наделён значительными правами: он может участвовать в рассмотрении дела, знакомиться с материалами, заявлять ходатайства и обжаловать принятые решения. Свидетели, эксперты и специалисты выполняют вспомогательную роль, однако их показания и заключения нередко имеют решающее значение для

установления обстоятельств дела. В свою очередь, должностные лица и органы, уполномоченные рассматривать дела, несут ответственность за соблюдение законности и обеспечение прав всех участников процесса [4, с. 321].

Процессуальное равенство сторон при рассмотрении дел обеспечивается системой гарантий, направленных на защиту прав и законных интересов участников производства. При этом баланс интересов достигается за счёт чёткого разграничения полномочий и обязанностей различных субъектов административного процесса.

К проблемам реализации прав участников производства относятся: недостаточная информированность лиц, привлекаемых к ответственности, о своих правах, сложности с доступом к квалифицированной юридической помощи в отдельных случаях, вопросы обеспечения явки свидетелей и достоверности их показаний, а также общая необходимость повышения уровня правовой грамотности участников производства.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением влияния цифровизации на процессуальные права участников, анализом региональной практики применения норм о статусе участников, исследованием зарубежного опыта регулирования аналогичных вопросов и поиском способов повышения эффективности гарантий прав участников производства [5, с. 152].

В свою очередь, ст. 25.11. КоАП определяет формы участия прокурора в производстве по делу об административном правонарушении. Статья 28.4 КоАП РФ определяет, во-первых, исчерпывающий перечень тех составов административных правонарушений, возбуждение дел по которым возлагается только на прокурора, а, во-вторых, предоставляет прокурору право при осуществлении надзорных полномочий возбудить дело о любом другом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта РФ.

Таким образом, всестороннее изучение участников производства по делам об административных правонарушениях подтверждает их ключевую роль в обеспечении законности, справедливости и защиты прав граждан и организаций в сфере административной ответственности.

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст.1.
2. Бахрах Д. Н., Российский Б.В., Старилов Ю.Н. БЗО Административное право: Учебник для вузов. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
3. Лютягина, Е.А. Административное право: учебник для вузов / Е.А. Лютягина, А.М. Волков. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 423 с.
4. Мигачев, Ю.И. Административное право: учебник для среднего профессионального образования / Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров ; под редакцией Л.Л. Попова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 474 с.

5. Стахова А.И. Административное право: учебник и практикум для вузов / под редакцией. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 480 с.

PARTICIPANTS IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES, GENERAL CHARACTERISTICS, TYPES AND LEGAL STATUS

O.V. Ilyina, E.E. Filatov

*Penza State University,
Penza, Russia*

Modern legal reality determines the emergence of interest in the problem of administrative proceedings, as one of the guarantors of the fight against administrative offenses and a way to ensure law and order. Of particular importance in this regard is the analysis of the main participants in administrative proceedings, the determination of their rights and obligations.

Keywords: participants in administrative proceedings; the person in respect of whom proceedings are being conducted; the victim; legal representatives of an individual; legal representatives of a legal entity; defender and representative; witness; understood; specialist; expert; translator; prosecutor; commissioner under the President of the Russian Federation for the protection of the rights of entrepreneurs; commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs in the subject of the Russian Federation.

УДК 343.985

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

О.В. Ильина, О.А. Шилина

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Высокая актуальность данной темы вызвана тем, что доказательства, собранные в административном производстве, являются тем стержнем, вокруг которого строится весь административный процесс, поскольку от наличия или отсутствия доказательств будет зависеть признание лица виновным в инкриминируемом деянии или он будет полностью освобожден от наказания.

Ключевые слова: административное производство; административный процесс; КоАП РФ; протокол об административном правонарушении; объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу; показания потерпевшего и свидетелей; экспертиза; вещественные доказательства.

Доказательства по делам об административных правонарушениях – это любые фактические данные, на основании которых судья или должностное лицо уполномоченного органа, в производстве которых находится дело, делают обоснованные выводы, которые ложатся в основу принятого решения: имеется или отсутствует событие административного правонарушения; кем является и виновно ли лицо, привлекаемое к административной ответственности; об обстоятельствах смягчающих или отягчающих административную ответственность; о характере и размере ущерба; об отсутствии обстоятельств, исключающих административную ответственность; о наличии иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Кодекс об Административном правонарушении Российской Федерации (далее – КоАП РФ) предусматривает, что все эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении либо иными протоколами, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами [1].

В части 2 статьи 26.3 КоАП РФ установлено «Объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показания потерпевшего и свидетелей отражаются в протоколе об административном правонарушении, протоколе о применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, протоколе рассмотрения дела об административном правонарушении, а в случае необходимости записываются и приобщаются к делу».

Необходимо отметить, что для административных правоотношений не разработано отдельной теории по порядку получения, закрепления и исследования доказательств.

Основные положения теории доказательств и доказывания, разработанные специалистами в области общей теории права, арбитражного и гражданского процессов, в равной степени применимы к сфере уголовного и административного судопроизводства, поскольку отражают принципиальные аспекты, связанные с деятельностью судов по установлению фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Таким образом, судебные и административные органы в случае пробелов в законодательстве имеют полное право на применение аналогии права к соответствующим правовым отношениям, возникающим по делам об административных правонарушениях.

КоАП РФ законодательно определяет доказательства как фактические данные, подразумевая, что только сведения о конкретных фактах объективной действительности могут быть доказательствами по делу об административном правонарушении.

Нельзя использовать в качестве доказательств утверждения, предположения, догадки, общие заявления, что правонарушение совершил тот или иной

человек, без приведения конкретных фактических данных, подтверждающих данные утверждения.

Таким образом, доказательствами можно признать лишь фактические данные, собранные уполномоченными лицами, в окружающей их действительности. Эти данные существуют вне зависимости от сознания должностных лиц, которые осуществляют доказывание, отражаясь в памяти других людей (виновных лиц, потерпевших, свидетелей, экспертов) или фиксируясь в той или иной форме в виде следов на предметах, в документах.

В процессе доказывания по делу об административном правонарушении эти фактические данные становятся достоянием должностных лиц, органов производящих доказывание и используются в интересах установления истины по делу и принятия соответствующего решения.

Основное назначение собираемых доказательств – быть средством установления истины по административному делу.

В связи с этим, доказательства, которые используются в административном процессе должны обладать рядом отличительных признаков, а именно:

- законностью – в качестве доказательств в административном процессе могут рассматриваться только те, которые получены в установленном законом порядке и предусмотренном законодательством способом. Другими словами, если при получении доказательств был нарушен закон – такие доказательства нельзя использовать в административном процессе;

- допустимостью – в качестве доказательств в административном процессе могут рассматриваться только те, которые законодательством допускается использовать в качестве таковых. Доказательства должны соответствовать требованию законодательства относительно источников, порядка обнаружения, закрепления и исследования доказательств.

Здесь главным элементом допустимости является законность источника. В законодательстве определено, что не возможно использовать в качестве доказательства данные, которые получены, например, из анонимного источника;

- относимость – в качестве доказательств по административному делу могут быть рассмотрены только данные, имеющие значение для конкретного административного дела. Относимость доказательств позволяет указать на связь его содержания с обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Определение относимости происходит в процессе доказывания.

В системе доказывания у каждого из доказательств существует свое место и своя конкретная роль в процессе установления истины по административному делу. Для разграничения этой роли и места доказательств в правовой практике принято проводить классификацию тех или иных доказательств [2, с. 213].

Классификацией считают вид системного разделения понятия по отдельным признакам, взятым за основу классификации, при этом разделение производится не по любым признакам, а по существенным, определяющим их характер.

Классификация помогает для тех или других объектов обрести определенную строгую иерархию размещения, в которой род подразделяется на виды, виды в последующем подразделяются на подвиды, подвид на классы и т. д.

Рассмотрим основные классификации доказательств, применяемых в правовой науке:

– по процессу формирования они делятся на первоначальные и производные.

Первоначальными считаются доказательства, полученные непосредственно от первоисточника, достоверность которого не вызывает сомнений. К данным доказательствам относят: подлинники документов; орудие административного правонарушения; показания очевидца; заключение эксперта. В свою очередь производные доказательства являются вторичными по отношению к первичному источнику, это копии документов; показания лица об обстоятельствах, которые ему стали известны со слов очевидца; слепки и оттиски следов, обнаруженных на месте административного правонарушения и т. д. Производным также является доказательство, полученное из самих вторичных источников, например, из копии документа.

Классификация доказательств на первоначальные и производные очень важна, поскольку, так как по мере удаления от первоисточника информация утрачивается или искажается. Более надежными считаются первоначальные доказательства.

– по содержанию доказательства разделяют на обвинительные и оправдательные;

Данная классификация, не смотря на свою наглядность, все же представляется весьма спорной, поскольку те же самые доказательства могут быть для одних доказательственных фактов по делу обвинительными, а для других – оправдательными. Кроме того, целью административного судопроизводства является в любом случае установление истины по делу, следовательно, являются ли доказательства обвинительными или оправдательными решает, в конечном итоге лицо, принимающее решение по административному делу.

– по относимости к предмету доказывания – на прямые и косвенные;

Прямыми доказательствами признаются сведения, которые содержат информацию об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания (например, показания очевидца, свидетеля, показания потерпевшего, записи камер наружного наблюдения).

С косвенными доказательствами ситуация гораздо сложнее, не смотря на то, что юридическая наука не признает деления доказательств на более сильные и более слабые, косвенные доказательства признаются правоприменителями, как имеющими более низкую доказательную силу.

Критерии косвенности доказательств в современной юридической науке размыты, в ней отсутствуют нормы, определяющие, какие доказательства являются прямыми, а какие – косвенными.

Однако судебная практика рассмотрения дел об административных правонарушениях показывает, что одного косвенного доказательства для установления истины по делу, как правило, недостаточно.

Из судебной практики следует, что прямыми можно считать только те доказательства, которые непосредственно сообщают информацию о фактах. Косвенным доказательством может являться только та информация, которая не будучи связанной, напрямую с подтверждением факта, позволяет сделать вывод о том, что обстоятельства, изложенные в том или ином документе, действительно имели место.

Как правило, доказывание с помощью прямых доказательств короче, так как прямое указание на факты освобождает стороны от поиска и приведения косвенных доказательств. В свою очередь при противоречии прямых доказательств, например, при различных показаниях сторон и свидетелей, приходится привлекать для доказывания косвенные доказательства.

– по способу сохранения и передачи информации – на личные и вещественные.

Данная классификация осуществляется в зависимости от того, где хранится искомая информация об административном правонарушении – в сознании людей или на материальных объектах.

Личными являются объяснения виновного лица, показания потерпевшего и свидетелей, сведения из документов, как доказательств по делам об административных правонарушениях. В свою очередь материальными являются следы, оставленные на материальных носителях в результате противоправного деяния (орудие правонарушения, слепки и оттиски следов, информация на электронно-вычислительных машинах и т. п.).

Наряду с этими общепризнанными группами доказательств выделяется много других классификаций, которые одними учеными одобряются, а другими отвергаются, как несостоятельные.

Рассмотрим виды доказательств, которые определены в действующем законодательстве РФ, а именно в ст. 26.2 КоАП РФ, которая в обобщенном виде перечисляет виды доказательств.

К ним КоАП РФ относит:

– Протокол об административном правонарушении – это особый вид доказательства. Он составляется должностным лицом, имеющим соответствующие полномочия и закрепляет факты, которые связаны с данным административным правонарушением, а также является актом возбуждения дела об административном правонарушении.

Протокол составляется по каждому административному правонарушению, за исключением случаев упрощенного производства. Для придания данному документу юридической и доказательной силы он должен иметь следующие признаки:

1) составление протокола должно осуществляться уполномоченным лицом;

2) быть составлен в срок, который предусмотрен для наложения административного взыскания;

3) содержание протокола должно соответствовать необходимым требованиям, установленным КоАП РФ.

– Объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу, показания потерпевшего и свидетелей.

Данные сведения отражаются в протоколе, а в случае необходимости записываются и приобщаются к делу.

– Экспертиза. В административном деле заключение эксперта – это вывод о наличии либо отсутствии обстоятельств, имеющих значение для дела, сделанный экспертом в результате исследования объектов, предоставленных ему должностным лицом, в производстве которого находится дело, и по заданию этих лиц, на основе имеющихся у эксперта специальных познаний. Эксперт делает заключение только в письменной форме от своего имени. В заключение эксперт указывает, кем и на каком основании проводились исследования, их содержание, должны быть даны обоснованные ответы на поставленные перед экспертом вопросы и сделаны выводы. Заключение эксперта не является обязательным для судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, однако несогласие с заключением эксперта должно быть мотивировано.

– Вещественные доказательства. Вещественные доказательства – это предметы материального мира, несущие в силу своей связи с исследуемым событием информацию о нем. Содержанием вещественного доказательства будет информация, выраженная в его признаках, а формой сами эти признаки и протокол изъятия. Вещественные доказательства – предметы, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или иным признакам могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для административного дела. Отражение проявляется в изменении свойств предмета, его вида, отпечатков, следов, несущих определенную информацию о произошедшем в действительности. Доказательствами являются не собственно предметы, а та информация, имеющая значение для дела, которая может быть получена в процессе их исследования.

– Документы. Огромную роль при доказывании имеют документы. Статья 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 № 77 – ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» закрепляет понятие документа законодательно, как материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения.

Для приобретения документом своего значения как источника информации в делах об административных правонарушениях, необходимо присутствие обязательных признаков таких документов [3, с. 115].

К таким признакам относится:

- 1) издание документа в пределах компетенции соответствующего органа либо лица;
- 2) соблюдение установленной законом формы;
- 3) фиксируемая в документе информация должна иметь значение для административного дела.

К числу юридических документов в юриспруденции относят документы, вовлеченные в правовое регулирование и имеющие юридическое значение для участников правовых отношений.

В этом смысле под юридическим документом понимается составленный в установленном порядке акт, удостоверяющий юридический факт, служащий доказательством имеющего значение для дела обстоятельства или предоставляющий (прекращающий) право для чего-то, то есть любой зафиксированный на материальном носителе акт, имеющий юридическую силу, доказательственное, правоустанавливающее или служебное значение [4, с. 35].

– Показания специальных технических средств измерительных приборов, утвержденных в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую проверку.

Специальные технические средства – это измерительные приборы, которые утверждены в качестве средства измерения, имеют соответствующий сертификат, прошли специальные метрологические проверки. Если при составлении протокола об административном правонарушении было применено специальное техническое средство, то в нем указывается наименование прибора, который использовался и его показания.

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195–ФЗ // «Российская газета», №256, 31 декабря 2001 года.
2. Минбалеев, А.В. Понятие документа и его роль как источника доказательства в административном процессе / А.В. Минбалеев, С.Г. Сафронов // Вестник Южно–Уральского государственного университета. 2023. № 13. С. 210–223.
3. Нобель, А.Р. Достоверность как обязательный признак доказательств, используемых в административно–юрисдикционном процессе / А.Р. Нобель // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 569–573.
4. Трунов И.Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М.: Юриспруденция, 2024. 64 с.

EVIDENCE IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

O.V. Ilyina, O.A. Shilina

*Penza State University,
Penza, Russia*

The relevance of this topic stems from the fact that evidence collected in administrative proceedings is the core around which the entire administrative process is

built, as the presence or absence of evidence will determine whether a person is found guilty of the alleged offense or will be exempted from punishment.

Keywords: administrative proceedings; administrative process; Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; administrative offense report; explanations of the person subject to the proceedings; testimony of the victim and witnesses; expert examination; physical evidence.

УДК 343.851

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.Н. Козинченко, П.В. Изюмская

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

В статье рассматриваются актуальные проблемы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних силами правоохранительных органов. Автор приходит к выводу, что предупреждение деликтного поведения подростков требует комплексного подхода, объединения усилий многих субъектов (правоохранительных органов и институтов гражданского общества), постоянного сочетания мер общего, специального и индивидуального предупреждения на всех этапах превентивной работы.

Ключевые слова: правоохранительные органы, несовершеннолетние, профилактика правонарушений, правовое регулирование, девиантное поведение.

Состояние и тенденции преступности среди несовершеннолетних служат важным показателем нравственного здоровья общества и отражают реальное положение подрастающего поколения в стране. Именно поэтому защита детства, профилактика безнадзорности и правонарушений, а также предотвращение вовлечения детей и подростков в противоправную деятельность сегодня являются одними из приоритетных направлений государственной политики России.

По итогам 12 месяцев 2025 года по области количество преступлений, совершённых несовершеннолетними и с их участием, осталось на уровне аналогичного периода прошлого года, это примерно около 130 преступлений. 36 преступлений подростки совершили в группах, при этом в 25 из них входили взрослые. Восемь подростков во время совершения правонарушений были в состоянии алкогольного опьянения. 21 человек состоит на учете.

Преобладали кражи (51) и мошенничества (19). Также 13 преступлений было совершено в сфере незаконного оборота наркотиков, восемь – связаны с

неправомерным доступом к компьютерной информации. Шесть – угоны автомобилей [1].

Основными мотивами совершения преступления являлись: желание получить легкий заработок, стремление достичь материальных целей, отрицательное влияние взрослых.

В ходе надзорной деятельности также было выявлено 1442 нарушения законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. К дисциплинарной ответственности привлечено 678 должностных лиц.

Проблемы в работе правоохранительных структур часто связаны с высокими нагрузками, из-за которых сотрудники не всегда могут эффективно взаимодействовать с молодежью, склонной к правонарушениям. Это ведет к формальному исполнению профилактических мер. Также недостаточный мониторинг за действиями несовершеннолетних, уже имеющих нарушения в прошлом, увеличивает риск повторения их девиантного поведения [2].

Каждая ситуация уникальна и требует индивидуализированного внимания от тех, кто занимается профилактикой преступлений. Своевременная и адекватная поддержка и интервенции могут не только предотвратить неправомерные действия молодежи, но и способствовать их развитию в ответственных, соблюдающих закон граждан.

В свете увеличивающегося числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, которым еще не исполнилось 16 лет, наблюдается острая необходимость в пересмотре законодательных норм. Существующая статистика подтверждает рост преступной активности среди не достигших совершеннолетия. В связи с этим возникает предложение снизить возраст, с которого начинается уголовная ответственность, до 14 лет для всех категорий преступлений, а не только для тяжких. Это изменение может быть решающим в борьбе с ранним преступным поведением.

Ожидается, что законодательное решение о понижении возрастного порога уголовной ответственности даст возможность правоохранительным органам более широко применять уголовно-правовые меры к определенной группе несовершеннолетних. Это, в свою очередь, может способствовать уменьшению количества преступлений.

Организационная основа противодействия преступности несовершеннолетних в правоохранительных органах состоит из следующих компонентов:

Во-первых, вопросы кадрового обеспечения деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности несовершеннолетних можно отнести уровню образования сотрудников; наличие у них специального образования и повышение квалификации, то есть предполагает собой кадровый компонент.

Во-вторых, технические средства и возможности для противодействия преступности несовершеннолетних, принадлежащих системе субъектов, а также проведение специальных мероприятий подразумевает технологический компонент.

В борьбе с преступностью среди несовершеннолетних в Российской Федерации ключевую роль играют различные правоохранительные структуры. Прокуратура страны не только следит за соблюдением законов, направленных на предотвращение безнадзорности и деликвентного поведения несовершеннолетних, но и координирует деятельность всех правоохранительных органов в этой сфере. Задачи по выявлению и раскрытию преступлений, совершённых несовершеннолетними, возлагаются на Министерство внутренних дел и другие соответствующие структуры. Следственный комитет занимается расследованием уголовных дел против молодых правонарушителей. Ответственность за исполнение вынесенных судом наказаний лежит на Федеральной службе исполнения наказаний и Федеральной службе судебных приставов.

В настоящее время нельзя не заметить, что для разрешения таких задач как противодействия преступности несовершеннолетних, а также профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечения защиты их прав установленным законодательством правового статуса инспектора по делам несовершеннолетних является достаточным.

Ни один нормативно-правовой акт, как ведомственного, так и федерального значения до сих пор не регламентирует определение правового статуса инспектора по делам несовершеннолетних и не приводят его основные права и обязанности, несмотря на то, что в течение длительного времени происходила модернизация «нормативной базы служебного законодательства в правоохранительной сфере, активизация подзаконного ведомственного регулирования работы подразделений по делам несовершеннолетних, что регламентация достаточно подробного описания порядка деятельности и служебных полномочий инспекторов» [3].

Службы и подразделения органов внутренних дел, осуществляющие предупредительную деятельность в отношении противоправных деяний несовершеннолетних, условно можно разделить на три группы:

- службы и подразделения органов внутренних дел, для которых предупреждение преступности несовершеннолетних является основной задачей. К данной группе можно отнести подразделения по делам несовершеннолетних, центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, а также специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого и открытого типов;

- службы и подразделения органов внутренних дел, для которых профилактика преступности несовершеннолетних является одним из направлений их деятельности. В данную группу служб и подразделений можно отнести органы предварительного следствия, а также отделение участковых уполномоченных полиции;

- службы и подразделения органов внутренних дел, оказывающие содействие иным подразделениям органов внутренних дел в профилактике преступности несовершеннолетних. К указанным подразделениям можно отнести патрульно-постовую службу полиции, Государственную инспекцию безопасности дорожного движения.

В ходе проверок, проведенных прокуратурой, выяснилось, что участковые уполномоченные полиции не обладают необходимой информацией о месте проживания семей с несовершеннолетними, находящимися на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, на своих территориях. Это подразумевает, что соответствующие профилактические меры для поддержки этих несовершеннолетних и их семей со стороны полицейских не были осуществлены.

М.В. Гончарова подчеркивает нехватку специализированных знаний у сотрудников полиции, занимающихся профилактикой молодежной преступности. Особенно важно понимание психологии подростков и эффективных способов влияния на молодых правонарушителей. В этой связи, крайне важно налаживать сотрудничество между сотрудниками полиции и экспертами в различных областях, включая психологов, которые имеют опыт работы с молодежью, демонстрирующей отклоняющееся поведение [4].

Сотрудник подразделения, занимающегося делами несовершеннолетних, должен выступать в роли надежного спутника и защитника для молодежи, активно участвуя в мероприятиях, значимых для подростка. Этот человек должен сочетать в себе черты психолога, социолога и адвоката, быть полным энергии и инициативы, и стремиться стать не просто законным представителем, но и истинным другом и наставником для детей [5].

Чтобы бороться с преступностью среди несовершеннолетних, необходимо утвердить правила для координации работы подразделений органов внутренних дел. Это обеспечит целостный подход к пресечению преступлений среди молодежи. Несмотря на то, что Министерство внутренних дел России еще в 2014 году предложило ведомственный приказ для улучшения координации служб, которые работают над предотвращением преступлений среди молодежи, этот проект до сих пор остается нереализованным.

В регионах России, включая Пензенскую область, где отмечен высокий уровень преступлений среди несовершеннолетних, предлагается создание Единого банка данных для мониторинга детей и их семей, проявляющих девиантное поведение. Эта инициатива направлена на поддержание контроля над такими лицами, даже после того как они выходят из-под превентивного надзора полиции. Сейчас в Пензенской области отсутствует подобная система, что усугубляет ситуацию с контролем за молодыми правонарушителями, в том числе и после достижения ими совершеннолетия.

В Пензенской области действует «институт наставничества»: каждому подростку, состоящему на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних, назначен наставник из числа сотрудников органов внутренних дел. Они посещают своих подопечных по месту учебы, встречаются с родителями, классными руководителями, изучают жилищно-бытовые условия, помогают в решении семейных проблем, содействуют в трудоустройстве и продолжении учебы.

Для минимизации девиантного поведения среди молодежи, полицейские устраивают регулярные встречи и семинары о важности соблюдения закона, а также о последствиях употребления наркотиков, алкоголя и курения. Эти меро-

приятия направлены на несовершеннолетних, зарегистрированных в списке ПДН, их родителей, а также студентов из различных учебных заведений. В рамках работы, правоохранители также организуют образовательные акции для повышения осведомленности подростков о правовых нормах.

Например, специалистами ГБУЗ «Областная наркологическая больница» в рамках профилактической работы за 2025 год проведено 35 обучающих семинаров для специалистов первичного звена по навыкам профилактики потребления психоактивных веществ, выявления и мотивации на обращение за помощью к специалистам.

Информационно-разъяснительная работа проводилась среди учащихся школ, ПТУ, студентов ВУЗов, родителей и педагогов. Всего проведено 193 лекции.

Проведены научно-познавательные интерактивные семинары для студентов и школьников Пензенской области с привлечением АНО «Наука и образование» на темы: – «Жизнь без табака» – проведено 61 мероприятие; «Человек и алкоголь» – организовано 58 семинаров; «Вейпинг, мода на саморазрушение» – организовано 13 информационных встреч; «Первая помощь» – проведено 18 практических занятий.

В процессе борьбы с преступностью несовершеннолетних значительная роль отводится не только инспекторам по делам несовершеннолетних, но и другим сотрудникам правоохранительных органов, в частности следователям. Эти специалисты взаимодействуют с молодыми правонарушителями во время проведения уголовных расследований. Важно отходить от формализма в общении, акцентируя внимание на проведении подробных разъяснительных бесед. В ходе таких бесед следователи должны четко объяснить подросткам о серьезности и возможных отрицательных последствиях их действий [6, с. 152].

Для предотвращения нарушений среди несовершеннолетних крайне важно учитывать характерные для подростков биологические и психологические особенности, такие как эмоциональная нестабильность и высокая чувствительность к внешним воздействиям. Эта работа требует грамотного сочетания психофизических и воспитательных методов с целью формирования навыков самоконтроля и адекватного поведения не только в школе и на работе, но и в повседневной жизни, и во время свободного времени. Преступность среди несовершеннолетних на территории области по преступлениям, подследственным следователям СК России, снизилась на 11,2 % – возбуждено 56 уголовных дел (в прошлом году – 63) [7].

Прокуратура Пензенской области играет ключевую роль в предупреждении преступности несовершеннолетних, выполняя ряд функций, направленных на защиту прав детей, профилактику правонарушений и устранение причин, способствующих их совершению.

Некоторые конкретные действия, которые упоминались в контексте работы прокуратуры Пензенской области:

- ежедневный мониторинг социальных сетей и СМИ для выявления нарушений прав несовершеннолетних;

– организация проверочных мероприятий, контроль за принятием решений по зарегистрированным противоправным действиям в отношении несовершеннолетних;

– внесение представлений об устранении нарушений закона;

– привлечение лиц к дисциплинарной ответственности;

– возбуждение уголовных дел по материалам прокурорских проверок [1].

В Пензенской области власти последовательно усиливают профилактическую работу: ведётся постоянный мониторинг структуры и динамики подростковой преступности, осуществляется индивидуальная поддержка несовершеннолетних, находящихся в группе риска, а также активно развиваются школьные психологические службы. Особое внимание уделяется раннему выявлению проблемных ситуаций, вовлечению родителей и педагогов в совместную работу, а также проведению просветительских мероприятий, направленных на формирование у подростков устойчивых жизненных ориентиров и навыков ответственного поведения. Такой системный подход способствует не только снижению числа правонарушений, но и созданию благоприятной среды для гармоничного развития подрастающего поколения.

Список использованных источников

1. Прокуратура области подвела итоги надзорной деятельности в сфере профилактики безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних за 2025 год // Официальный сайт Прокуратуры РФ. URL.: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=93068020 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних: учебник для среднего профессионального образования / под редакцией А.В. Ростокинского, Р.С. Данелян. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 220 с.

3. Блинов А.Г. Противодействие преступности несовершеннолетних и его отражение в уголовно-правовой и пенитенциарной политике государства // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 3. – С. 110–115.

4. Гончарова М.В. Основные проблемы деятельности органов внутренних дел по индивидуальной профилактике преступлений // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2024. – № 5(1). – С. 33–35.

5. Баева Е.В., Турская Е.Р. Профилактическая работа органов внутренних дел с несовершеннолетними, совершившими преступление // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 1. – С. 36–40.

6. Ильина О.В. Расследование преступлений, предусматривающих вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных деяний: глава 5 // Государство, право, общество – Россия и мировое сообщество: актуальные проблемы современности: монография / Под общ. ред. Н.Б. Барановой, А.А. Грачева, С.Д. Морозова / МНИЦ ПГАУ. – Пенза: РИО ПГАУ, 2020. – 178с.

7. Сайт Следственного комитета Российской Федерации по Пензенской области. – URL: <https://penza.sledcom.ru/news/item/1811728/> (дата обращения 11.04.2026).

THE ROLE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN PREVENTING JUVENILE CRIME: THE CASE OF PENZA REGION

T.N. Kozinchenko, P.V. Izyumskaya

*Penza State University,
Penza, Russia*

The article discusses the current issues of preventing and prophylactics of juvenile delinquency by law enforcement agencies. The author comes to the conclusion that the prevention of delinquent behavior of adolescents requires a comprehensive approach, the consolidation of efforts of many actors (law enforcement agencies and civil society institutions), a constant combination of general, special and individual prevention measures at all stages of preventive work.

Keywords: law enforcement agencies, minors, crime prevention, legal regulation, deviant behavior.

УДК 343.3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ МИГРАЦИИ В РФ

Т.Н. Козинченко, И.Е. Усанина

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Рассматриваются вопросы противодействия незаконной миграции правоохранительными органами на современном этапе. Анализируются причины и условий появления и распространения нелегальной миграции. Предлагаются основные направления и ряд мероприятий по предупреждению и противодействию правоохранительными органами нелегальной миграции на территории России.

Ключевые слова: нелегальная миграция, преступность, организованная преступность, противодействие, оперативные подразделения, правоохранительные органы.

Неконтролируемая миграция – это массовое перемещение людей, которое происходит без должного регулирования со стороны государства, что может приводить к серьёзным последствиям.

Неконтролируемая миграция в России создает ряд серьезных проблем, которые затрагивают экономическую, социальную, правовую и национальную безопасность страны. Эти проблемы связаны как с нелегальным пребыванием мигрантов, так и с недостатками системы управления миграционными процессами. Незаконная миграция часто становится каналом для проникновения в страну членов криминальных, террористических и экстремистских структур.

Для борьбы с этими негативными явлениями в последние годы государство предпринимает меры по усилению контроля за миграционными потоками. В частности, в 2025 году была проведена важная реорганизация системы миграционного регулирования.

Так, 2 апреля 2025 года на базе Главного управления по вопросам миграции МВД России (ГУВМ МВД России) создана новая структура – Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России, более известная как Миграционная служба МВД России [1]. Эта новация направлена на повышение эффективности контроля за миграционными процессами, укрепление системы регистрации иностранных граждан, а также обеспечение соблюдения миграционного законодательства.

Данная мера позволяет централизовать и усовершенствовать процессы регистрации, контроля и учета миграционных потоков, что способствует снижению нелегальной миграции и повышению уровня национальной безопасности.

Рассмотрим более подробно, что же будет если не контролировать миграцию.

Транснациональная преступная деятельность нередко связана с криминальным перемещением людей – как самих преступников, так и их жертв.

Ключевыми направлениями криминальной деятельности, связанной с миграцией, являются наркоторговля, торговля людьми, незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Мигранты нередко используются для транспортировки наркотиков или создания новых зон их распространения, а также объединяются в этнические организованные преступные группировки (ОПГ), которые занимаются незаконной торговлей, изготовлением и сбытом фальсифицированных товаров, а также противоправными действиями в отношении местного населения.

По словам председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина, на расширенном заседании коллегии СКР, в 2025 году мигранты совершили 41103 преступления – это на 7 % больше по сравнению с предыдущим годом (38578 случаев). Такая статистика подчеркивает растущую проблему неконтролируемой миграции и ее влияние на общественную безопасность по всей стране. Рост особенно заметен среди нелегальных мигрантов: количество их преступлений увеличилось на 16 %, с 13694 до 15952. Доля дел, совершенных иностранцами, в общем объеме раскрытых преступлений поднялась с 4 % до 5 %.

Эти цифры стали основой для предложения ужесточить правила лишения российского гражданства, полученного мигрантами. По мнению главы СКР, это

поможет более эффективно бороться с рецидивистами и теми, кто использует статус гражданина для совершения тяжких преступлений. Статистика Следственного комитета рисует пугающую картину: каждое третье преступление иностранцев – почти 13 тысяч случаев, или 12988 – связано с незаконным оборотом наркотиков. Это одна из доминирующих категорий преступлений, которая напрямую угрожает здоровью молодежи и стабильности в городах и регионах.

«Рост миграционных преступлений в Самаре, Челябинской области – они выходят в передовики по числу преступлений мигрантов, рост миграционных преступлений идет в Алтайском крае, ЯНАО, Тамбовской, Пензенской, Кемеровской, Курской областях, в Томской, Иркутской и так далее. Такова география преступлений», – сказал глава СКР [2].

Наркотогровля мигрантов зачастую организована в транснациональных сетях, что значительно усложняет работу правоохранительных органов. Не менее тревожная динамика наблюдается в незаконном обороте оружия: число таких преступлений выросло на 18 %, с 156 до 184 случаев. Это свидетельствует о росте вооруженности криминальных группировок, где мигранты играют ключевую роль. Еще более резкий скачок произошел в области террористической деятельности: число таких преступлений почти удвоилось – с 253 до 483 [2]. Можно рассмотреть пример того, как неконтролируемая миграция может стоить несколько сотен жизней. Терракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года по официальным данным, в результате теракта в «Крокус Сити Холле» погибли 149 человек, ещё один человек пропал без вести. Ранения и травмы различной степени тяжести получили 609 граждан. По делу проходят потерпевшими 2307 человек. Допрошены тысячи свидетелей. Уголовное дело насчитывает 500 томов. Проведена огромная следственная работа, 300 осмотров предметов проведено, 2,5 тысячи судебных экспертиз. Скоро дело будет направлено в суд. Терракт был совершён четырьмя гражданами Таджикистана. Все они находились в России с нарушением миграционного законодательства. Этот факт стал катализатором масштабных изменений в миграционной политике России [3].

Все эти данные вызывают тревогу о возможной радикализации части мигрантской среды и требуют усиления антитеррористических мер.

Также одной из наиболее болезненных тем остаются преступления мигрантов против несовершеннолетних: в 2025 году следователи раскрыли 1418 дел, из которых 690 – против малолетних детей. Эти случаи включают разные виды насилия и эксплуатации, вызывая общественный резонанс и требуя не только оперативных арестов, но и системных изменений в миграционной политике.

Общий итог работы Следственного комитета таков: в суд передано 2948 уголовных дел в отношении 3177 иностранных граждан. Каждое девятое дело – 312 – касается убийств или причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом. Такие тяжкие преступления не только разрушают человеческие судьбы, но и подрывают доверие населения к властям, отвечающим за контроль миграции.

Мигранты зачастую не проходят медицинское обследование, что может стать причиной распространения опасных заболеваний, таких как туберкулез, менингит, дизентерия, брюшной тиф, сальмонеллёз, гепатит, сифилис и др. Эти риски требуют особого внимания со стороны правоохранительных и медицинских структур.

В рамках мер по урегулированию ситуации предпринимаются конкретные шаги: ужесточение миграционной политики, включая сокращение сроков пребывания без виз для иностранцев, запуск публичного реестра контролируемых лиц (нелегальных мигрантов, чьи права ограничены до момента исключения из списка), а также усиление уголовной ответственности за организацию нелегальной миграции.

В условиях роста масштабов нелегальной миграции и связанной с ней криминальной активности, правоохранительные структуры России осуществляют широкий спектр мер для контроля ситуации, профилактики правонарушений и пресечения преступных схем.

Одним из ключевых элементов деятельности правоохранительных органов является внедрение и развитие современных технологий учета иностранных граждан. В России активно внедряются системы биометрической идентификации и цифровые профили мигрантов, такие как «Мигрант ID», что позволяет оперативно отслеживать перемещения и статус иностранцев на территории страны. Эти меры значительно повышают эффективность контроля за въездом, выездом и пребыванием иностранных граждан, предотвращая нелегальную миграцию и связанные с ней преступления [4, с. 99].

Кроме того, правоохранительные органы ведут работу по выявлению и пресечению каналов нелегальной миграции. В рамках этого осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, профилактические рейды, контроль на границах и пунктах пропуска, а также проверки в местах возможного пребывания нелегальных мигрантов – в жилых массивах, рынках, строительных площадках и иных объектах, где могут скрываться нелегальные иностранцы. В ходе этих мероприятий правоохранительные органы регулярно задерживают нарушителей миграционного законодательства, изымают поддельные документы и организуют депортацию нелегальных мигрантов.

Особое внимание уделяется борьбе с преступными группировками, которые организуют нелегальную миграцию, торговлю людьми, наркоторговлю и другие виды преступной деятельности. В рамках борьбы с этими преступными схемами правоохранительные органы проводят масштабные спецоперации, задерживают участников преступных сетей и привлекают их к уголовной ответственности.

Еще одним важным направлением деятельности является профилактическая работа с потенциальными нарушителями миграционного законодательства. В рамках этого правоохранительные органы проводят информационно-разъяснительные кампании, разъясняют меры ответственности за нелегальное пребывание и организацию нелегальной миграции, а также сотрудничают с ми-

грационными службами и органами власти для повышения эффективности контроля.

Наряду с этим, особое значение имеет сотрудничество с международными правоохранительными структурами и обмен информацией. В рамках межгосударственного взаимодействия Россия взаимодействует с соседними странами, Интерполом и другими структурами для выявления и пресечения каналов нелегальной миграции, а также для борьбы с транснациональной преступностью, связанной с миграционными потоками.

Что касается реализации государственной политики в сфере миграции, одним из ключевых направлений является контроль за соблюдением иностранными гражданами российского законодательства, что особенно актуально в сфере борьбы с нелегальной миграции. И в связи с этим именно благодаря слаженной работе правоохранительных органов и проводятся специальные операции, например, во взаимодействии с Федеральной службой безопасности, Росфинмониторингом и компетентными органами государств – членов ОДКБ проведение специальной операции «Нелегал», которая проводится ежегодно [5, с. 358].

В целом, деятельность правоохранительных органов по предупреждению неконтролируемой миграции включает как профилактическую, так и оперативную составляющую. Внедрение современных технологий, усиление контроля на границах и пунктах пропуска, борьба с преступными группировками, проведение профилактических мероприятий и международное сотрудничество позволяют существенно снижать масштабы нелегальной миграции, а также минимизировать связанные с ней угрозы для национальной безопасности и общественного порядка [6, с. 452].

Мы согласны с мерами, предложенными главой СК направленными на комплексный подход:

- Жёсткий отбор на этапе въезда: в страну должны попадать только те, кто владеет русским языком, имеет профессию и готов соблюдать законы и уважать коренных жителей.

- Усиление пограничного контроля и внедрение биометрической идентификации.

- Обязательные программы адаптации для мигрантов, включая изучение русского языка, основ истории и законодательства РФ.

- Уголовная ответственность для работодателей, использующих труд нелегалов.

- Нулевая терпимость к преступлениям, совершённым иностранцами: немедленное возбуждение дел и ускоренное судопроизводство.

В целом ситуация демонстрирует необходимость комплексных мер, направленных на усиление контроля, совершенствование законодательства, развитие современных технологий и системную работу по профилактике преступлений, связанных с миграцией. Только при таком подходе можно будет снизить масштабы угроз, связанных с неконтролируемой миграцией, и обеспечить безопасность и стабильность в Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 № 205 "О совершенствовании государственного управления в сфере миграции" // Официальный интернет-портал правовой информации, 02.04.2025
2. Бастрыкин о мигрантах: какие цифры преступности показал 2025 год // ZAB.RU 14 марта
3. Следственный комитет Российской Федерации. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт. – URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 07.12.2023).
4. Стручков Ю.Н. Внедрение современных технологий как способ повышения эффективности государственного контроля (надзора) ОВД в сфере миграции // Государственная служба и кадры . – 2025. – №4. – С. 99–103
5. Трифонова К.В., Трифонов С.Г. Особенности взаимодействия правоохранительных органов в сфере обеспечения миграционной безопасности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022 – Т. 8 (74). № 2 – С. 357–365.
6. Ильина О.В. Противодействие миграционной преступности // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 10 (209). – С. 451–454.
7. Конституция Российской Федерации «принята всенародным голосованием 12.12.1993» «с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2021 № 6–ФКЗ, от 30.12.2022 № 7–ФКЗ, от 05.10.2022 № 2–ФКЗ, от 21.07.2022 № 11–ФКЗ». // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2022. – № 31. – Ст. 4398.

LAW ENFORCEMENT AGENCIES' ACTIVITIES IN THE FIELD OF UNCONTROLLED MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

T.N. Kozinchenko, I.N. Usanina

*Penza State University,
Penza, Russia*

The article discusses the issues of countering illegal migration by law enforcement agencies at the current stage. It analyzes the causes and conditions of the emergence and spread of illegal migration. The article proposes the main directions and a number of measures to prevent and combat illegal migration in Russia by law enforcement agencies.

Keywords: illegal migration, crime, organized crime, counteraction, operational units, and law enforcement agencies.

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.А. Коробкова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Киберпреступления, преступления в сфере информации и информационных технологий является серьезной угрозой общественной безопасности и в законодательстве должны быть выделены существенные признаки подобных преступлений, что важно для верной квалификации преступных деяний, справедливого уголовного преследования, а также правового обеспечения системы противодействия преступлениям данного характера. Органы внутренних дел в сфере совершенствования правоприменительной деятельности по противодействию киберпреступности должны развивать технологическую и научно-инновационную базу, методы профилактической работы, развивать возможности оперативной работы в сфере раскрытия киберпреступлений.

Ключевые слова: киберпространство, кибербезопасность, информация, угрозы, преступность.

В системе правоохранительных органов накапливается все больший опыт работы с информацией, использованием современных информационных систем, а также противодействия преступлениям в сфере информации и информационных технологий.

Киберпреступность затрагивает все страны, и для эффективной борьбы с ней необходимы согласованные усилия. Растущее зло киберпреступности затрагивает сейчас всю планету. Это проблема, которая касается всего человечества. Уникальность киберпреступности в том, что она носит трансграничный, глобальный характер. Это означает, что для борьбы с ней и её расследования должны работать вместе команды разных специалистов из разных стран [1, с. 99].

Интернет всё чаще становится средством распространения террористических и экстремистских идей, чтобы вовлечь молодое поколение в совершение преступлений. В прошлом году на преступления, совершённые с помощью ИКТ, пришлось четверть всех преступлений, совершённых в нашей стране. Эти растущие вызовы и угрозы требуют согласованных и совместных действий как на национальном, так и на международном уровне.

При этом важно отметить, что киберпреступность по определению является трансграничной, и поэтому она представляет собой проблему для каждой страны в мире. Каждая страна подвергается атакам.

Так, к примеру, кибертерроризм стал более изощренным. Интернет используется для вербовки, для выведения из строя инфраструктур, которые зави-

сят от информационно–коммуникационных технологий. Правительство и бизнес переходят на электронные системы, что приводит к необратимому переходу к цифровой информационной сети, которая увеличивает возможности для манипулирования. Для стран, стремящихся к процветанию, крайне важно иметь системы взаимодействия и реагирования [2, с. 47].

При этом, говоря о проблемах, важно подчеркнуть, что идёт информационная война, и главная проблема не в том, что мы не знаем, как с ней бороться, а в том, что на международных платформах сегодня нам не хватает инструментов для общих правил игры, общего законодательства, сближения.

Прогресс таков, что он всегда предполагает, что если одна сторона процветает, то другая эксплуатируется преступниками. И разумным ответом было бы введение ряда мер для защиты от этого несчастья. Но каждое государство по–своему трактует киберпреступность, и у каждого государства свой уголовный кодекс, основанный на собственном опыте [3, с. 68].

Подход Российской Федерации в настоящее время заключается в том, чтобы решать проблемы и разрабатывать конвенцию по борьбе с использованием информационно–коммуникационных технологий в преступных целях. В то время как ряд стран выступают за то, чтобы конвенция касалась только компьютерных технологий. Но в наши дни используются не только компьютеры, – телефоны, факсы, спутниковая связь. Это другой вид технологий. В отличие от узкого подхода, российский подход включает 23 состава преступлений, в том числе экстремизм, реабилитацию нацизма, вовлечение несовершеннолетних в незаконную деятельность и многое другое.

В чём разница между компьютерной преступностью и преступностью в сфере ИКТ? Если сравнивать, то на компьютерную преступность приходится примерно 1,5 % всех преступлений, совершённых с использованием ИКТ. А западные страны предлагают бороться только с этим.

Другой вопрос – необходимость уважать национальный суверенитет и не вмешиваться во внутренние дела. Россия, арабский мир, многие союзники выступают за это. Западные страны представляют другой лагерь и утверждают, что у интернета нет границ [4, с. 52].

Преступления, совершаемые с помощью интернета, совершаются как на национальном уровне, так и на международном. Зачастую данные преступления совершаются дистанционно, так что преступник не присутствует на месте преступления, и, таким образом, расстояние между действием и его результатом велико, и эти расстояния не ограничиваются границами государства, а могут простираются до территории другого государства, что в два раза усложняет их выявление или судебное преследование.

Преступник может совершить преступление в одной стране, а его последствия могут проявиться в другой стране, что создаёт множество трудностей, например, в отслеживании электронных сообщений следственными органами для установления доказательств этих преступлений. и затем скорректировать их [5, с. 16].

Уголовное законодательство разных стран по-прежнему основано на идее территориальности, определяющей юрисдикцию, что делает эти законы неспособными идти в ногу с развитием современных технологий, и, таким образом, возникает проблема обнаружения и поиска улик. С другой стороны, налицо недостаточность международных соглашений, заключённых между странами, касающихся механизма поиска виновных и сбора улик.

Киберпреступления совершаются в пространстве, которое нельзя определить географически, но которое включает в себя крупнейшее сообщество людей, характеризующееся сложными связями. Его важнейшей характеристикой является создание специальных механизмов для наложения обязательств и их соблюдения, таких как прекращение контактов с теми, кто нарушает некоторые правила, или исключение их из форумов. Однако этому огромному сообществу людей не хватает общих моральных стандартов [6, с. 259].

Таким образом, международное сообщество осознало, что проблема киберпреступности – это не индивидуальная проблема, которая касается только одной страны, а проблема, которая касается всего международного сообщества, поскольку преступные группировки в информационных системах начали распространять своё влияние по всему миру благодаря своей силе, влиянию и возможностям. Все международное сообщество должно взять на себя инициативу по принятию необходимых мер, направленных на борьбу с электронными преступлениями.

Таким образом, киберпреступления, преступления в сфере информации и информационных технологий является серьезной угрозой общественной безопасности и в законодательстве должны быть выделены существенные признаки подобных преступлений, что важно для верной квалификации преступных деяний, справедливого уголовного преследования, а также правового обеспечения системы противодействия преступлениям данного характера. Органы внутренних дел в сфере совершенствования правоприменительной деятельности по противодействию киберпреступности должны развивать технологическую и научно-инновационную базу, методы профилактической работы, развивать возможности оперативной работы в сфере раскрытия киберпреступлений.

Список использованных источников

1. Гогаева А.Л. Функции и методы административной деятельности ОВД (полиции) в области обеспечения информационной безопасности // А.Л. Гогаева // Права человека в условиях развития информационного общества и институтов электронной демократии. Материалы международной научно-практической конференции. Владикавказ: ВГУ, 2024. С. 61–63.

2. Горошко, И.В. Цифровизация – современный тренд развития правоохранительных органов / И.В. Горошко // Обозреватель. 2022. № 2(385). С. 98–110.

3. Васютина Т.Л., Яценко, К.А. Концепция обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел и ее основные направления / Т.Л. Васютина, К.А. Яценко // Современные информационные технологии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сборник матери-

алов Всероссийской научно–практической конференции. Ростов–на–Дону: Феникс, 2023. С. 68–73.

4. Величко М.Ю. Информационная безопасность в деятельности органов внутренних дел. – М.: Изд–во ИНИОН РАН, 2017. – 130 с.

5. Ильина, О.В. Нормативно–правовые основы использования информационных технологий в деятельности органов внутренних дел / О.В. Ильина, В.Р. Немудрякин // Молодежная инициатива: Сборник статей IX Международной научно–практической конференции, Пенза, 15 мая 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 16–24.

6. Матвеев, М.Д. Цифровые технологии в деятельности правоохранительных органов РФ / М.Д. Матвеев // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: Материалы IV Всероссийской научно–практической конференции Материалы IV Всероссийской научно–практической конференции 26 апреля 2023 года, Пятигорск, 26 апреля 2023 года. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 259–263.

PROTECTION OF INFORMATION BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN COUNTERING CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

E.A. Korobkova

*Penza State University,
Penza, Russia*

Cybercrimes, crimes in the field of information and information technology are a serious threat to public safety and significant signs of such crimes should be highlighted in legislation, which is important for the correct assessment of criminal acts, fair criminal prosecution, as well as legal support for the system of countering crimes of this nature. Law enforcement agencies in the field of improving law enforcement activities to combat cybercrime should develop a technological and scientific–innovative base, methods of preventive work, and develop operational capabilities in the field of cybercrime detection.

Keywords: cyberspace, cybersecurity, information, threats, crime.

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.А. Коробкова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Не только проведение экспертизы специалистами, имеющими специальные знания в сфере высоких технологий, по уголовным делам, связанным с

преступлениями в сфере компьютерных технологий, является серьезной поддержкой, оказываемой правоохранительным органам в борьбе как с данными преступлениями, так и с целым спектром преступлений, в которых информационные технологии выступают частью базы преступной деятельности, но и участие специалиста на всех этапах расследования данных преступлений, а также при проведении всех следственных действий становится залогом успешного раскрытия, расследования и предупреждения данного вида преступлений.

Ключевые слова: киберпространство, кибербезопасность, информационные технологии, следственные действия.

Отмечая сложную работу следователя в благоприятных и неблагоприятных следственных ситуациях, следует отметить, что успех расследования, конечно, будет зависеть от своевременного привлечения специалистов. В качестве указанных специалистов в сфере информационных технологий могут быть привлечены к участию при производстве следственных действий (например, осмотра предметов, обыска, выемки, осмотра места происшествия) эксперты экспертно-криминалистических центров МВД России, в которых в дальнейшем проводится компьютерная экспертиза; сотрудники различных организаций, обладающие профессиональными знаниями работы с компьютерной техникой и информационными технологиями, в случае наличия у них соответствующего образования, которое подтверждено дипломом [1, с.124].

Безусловно, следователь, имеющий навыки опытного пользователя персонального компьютера, вправе самостоятельно произвести осмотр персонального компьютера либо его компонентов, периферийных устройств, средств связи, сетевых технических средств, портативных систем видеонаблюдения, съемных носителей компьютерной информации и других объектов компьютерной техники, т.е. без участия специалиста, однако зачастую подозреваемый или обвиняемый, обладающий соответствующей профессиональной или специальной подготовкой, использует средства защиты информации, т.е. знания в области шифрования, парольной защиты, криптографии. Наиболее популярной программой у злоумышленников является программное обеспечение Steganos Safe3, при помощи которого флеш-накопитель или жесткий диск превращается в защищенное зашифрованное хранилище, в котором конфиденциальная информация скрыта от посторонних глаз. Без определенных знаний и умений невозможно не только дешифровать информацию, но даже установить ее местонахождение на компьютере [2, с.126]. Также можно отметить наличие на компьютере специализированных вредоносных программ, используемых в качестве препятствия для получения скрытой информации [3, с.121].

При расследовании компьютерных преступлений в рамках проводимых следователем следственных действий требуется привлечение специалистов соответствующего профиля и использование в определенной следственно-экспертной ситуации их профессиональных компетенций [4, с.14]. По свидетельству практических работников, в ходе расследования уголовных дел о компьютерных преступлениях нередко возникают объективные сложности либо

использовать помощь специалистов при назначении компьютерных экспертиз невозможно. В итоге остаются неустановленными либо не подтвержденными проводимыми впоследствии экспертными исследованиями ключевые обстоятельства по уголовным делам данной категории. Еще раз подчеркнем, что для проведения исследования средств компьютерной техники и информации необходимо привлекать грамотных специалистов, которые имеют определенные знания и умения в данной области. Такие специалисты, обладающие высоким профессионализмом, смогут найти способы дешифрования информации, скрытой на электронных носителях, которая в дальнейшем повлияет на раскрытие и расследование киберпреступлений. Важной формой применения специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации является привлечение к участию в следственных действиях специалистов [5, с.157]. Следственные действия могут проводиться как с работающей, так и с неработающей техникой, например при задержании подозреваемого лица с личным можно проводить осмотр с работающей техникой, а с неработающей – уже непосредственно в момент фиксации доказательственной информации.

В подавляющем большинстве случаев применение специальных познаний специалиста требуется при производстве осмотра места происшествия и иных видов осмотра [6, с.145].

Так, деятельность специалиста при осмотре складывается из следующих последовательных действий:

- установление наличия и выполнения соответствующей компьютерной программы (при включенном компьютере);
- подробное изучение изображения на мониторе компьютера и его описание;
- фото– либо видеофиксация изображения, фиксация всех действий специалиста при производстве следственного действия;
- завершение работы компьютерной программы. Письменное закрепление хода и результатов осмотра в протоколе;
- фиксация наличия у компьютера внешних и периферийных устройств (магнитные и виртуальные диски, флеш–накопители и иное);
- по окончании процессуальных действий разъединение сетевого кабеля при включенном сетевом питании [7, с.9].
- копирование всей информации, которая необходима для расследования преступления, со всех файлов, хранящихся на виртуальных дисках и магнитных носителях;
- упаковывание каждого устройства, а также соединительных проводов и кабелей, обеспечивающих их сохранность.

Необходимо помнить о том, что при обысках и осмотрах могут быть обнаружены отпечатки скрытых следов пальцев рук, находящиеся на клавиатуре, на сетевых кабелях, на выключателях и других объектах.

В процессе осмотра места происшествия данной группы преступлений могут быть обнаружены и зафиксированы важные документы, которые в дальнейшем станут вещественными доказательствами по делу:

1. Документы, которые сохраняют в себе следы совершенного преступления, различные рукописные тексты, записи, пароли или коды, телефонные счета, номера телефонов и банковских счетов, которые могут выявить связь с другими участниками, сведения о совершенных процедурах на компьютере или в сети Интернет и др.

2. Документы со следами печати, которые необходимо искать в периферийных устройствах, например в принтерах, сканерах, факсах. Также необходимо обратить внимание на бумажные носители информации, которые могли остаться внутри этих устройств.

3. Личные документы (информация о подозреваемом).

4. Правила пользования компьютером, нормативные правовые акты, инструкции, которые регламентируют правила работы с компьютером, сетью, доказывающие, что преступник умышленно совершил преступление.

5. Документы, которые содержат в себе инструкцию либо описание аппаратуры или какого-либо устройства, доказывают нелегальное приобретение [8, с.116].

Поиск информации и элементов программного обеспечения в большинстве случаев требует специальных познаний, так как является сложной процедурой. В оперативном запоминающем устройстве может находиться информация о программах, которые запускались на компьютере, также эта информация может находиться в оперативном запоминающем устройстве периферийных и различных накопительных устройств (жесткие магнитные диски, гибкие магнитные диски, магнитные ленты, CD– и DVD–диски, USB флеш–накопители, карты памяти и др.). Самым эффективным способом фиксации данных является информация (появляющаяся на экране монитора), которая распечатана на бумаге.

При неработающем компьютере информация может находиться в ящиках электронной почты, на других электронных носителях и технических устройствах либо в компьютерной сети. Более детальному осмотру они подлежат в лаборатории либо на рабочем месте следователя при участии специалиста. Лучше всего изучать копии, изъятые из электронных устройств, которые изготовлены с помощью данных операций, а не сам подлинник. Для того чтобы получить более точную информацию, необходимо обращать внимание на скрытые файлы (папки), в которых может храниться важная информация, зашифрованная паролями и кодами; если такие имеются, то их нужно отправлять специалистам на декодирование и расшифровку.

Среди следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации большое значение имеет допрос. К особенностям допроса относится то, что для начала необходимо собрать все важные данные о лице (место работы, жительства, учебы, формы проведения досуга). Источником информации являются родственники, соседи, коллеги (одноклассники), сотрудники полиции, различных инспекций, инстанций, в которые лицо предположительно могло обращаться, личное дело на работе (учебе), информация в

социальных сетях. В ходе изучения данной информации можно определить его навыки и умения работы с компьютером и в системах.

Главной задачей является то, что необходимо установить обстоятельства, цель, время, место, способ совершения преступления и какие последствия оно принесло. Одной из проблем фиксации данных показаний выступает специфическая терминология и определения, которые необходимо подробно описывать в протоколе. При описании движения информации и структуры систем их необходимо отобразить на схеме с описанием и приложить к протоколу допроса.

Особенности тактики допроса также зависят от следственной ситуации, целей, способов совершения преступления, связей между лицами. Важно обратить внимание на личность допрашиваемого, изучить его навыки владения компьютером, сетевыми программами, установить цель проникновения в систему, уничтожения программ, внедрения вирусных вредоносных программ, завладения различной информацией и т.д. Необходимо определить, какой реальный ущерб нанес допрашиваемый компьютерной системе в результате своих несанкционированных действий и есть ли возможность снизить или устранить причиненный вред и каким способом.

Как отмечалось выше, для грамотного применения компьютерных данных, документов, электронной информации, которая содержится на компьютере или электронном носителе, необходимы специальные знания, а не базовые знания следователя. Даже в случае, если следователь прошел подготовку по данному направлению (кибернетика), его знания могут быть недостаточными, и вывод будет непонятен участникам процесса или суду.

После проведения осмотра и фиксации его в необходимых процессуальных документах следователь назначает необходимую экспертизу, определяет, какие виды исследований необходимо провести, выбирает экспертное учреждение и эксперта, выделяет необходимые объекты, которые предоставляются на экспертизу, а также формулирует вопросы эксперту [9, с.361].

Объекты, отправленные на компьютерную экспертизу, могут быть в виде текста (текстов), который сохранен на электронном носителе либо предоставлен на бумаге. Не стоит забывать о том, что носителем информации является ПК, локальная сеть и само место происхождения. Важно помнить о назначении и традиционных видов экспертиз, таких как дактилоскопия (следы рук, которые могут быть как на самой поверхности компьютера, так и на его периферийных устройствах), техническая экспертиза документов (выявление подделки оттисков печатей и штампов, денежных знаков, ценных бумаг, установление времени изготовления и способа, обнаружение подчистки и допечатки), почерковедческая экспертиза (исследование подписей в документах и ценных бумагах). В рамках производства компьютерных экспертиз они назначаются экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России чаще всего в соответствии со следующими статьями УК РФ: ст. 159 «Мошенничество», ст. 172 «Незаконная банковская деятельность», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую

тайну» и др. Например, в экспертно–криминалистический центр МВД по г. Санкт–Петербургу и Ленинградской области на исследование поступают различные объекты, а именно специализированные программно–аппаратные комплексы, имеющие в своем составе устройства для работы с информацией на представленных носителях, а также имеющие возможность блокировать запись информации на указанных носителях, копировать информацию с одного носителя на другой, вычислять хеш–функции файлов, восстанавливать и удалять информацию, манипулировать информацией и т.д. [10, с.84].

Анализируя возможности современных программных продуктов, следует обратить внимание, что в скором времени на исследование, возможно, будут поступать объекты, которые управляются с помощью функции smart house (умный дом), поскольку вероятность использования данного программного продукта в преступных целях велика. Примером тому могут служить современные автомобильные сигнализации, которые с легкостью вскрываются при совершении угонов автомашин. Также на исследование поступает большое количество радиотехнических устройств, в основном это прослушивающие устройства, заглушки, различные объекты, с помощью которых информация добывается незаконным путем.

На сегодняшний день довольно часто объектами экспертизы видео– и звукозаписи становятся цифровые фонограммы либо видеофонограммы, у которых звуковой сигнал подвергся сжатию. При этом главной целью сжатия является то, что в каналах связи сокращается голосовой трафик либо становится меньше объем хранимой информации. Программы и устройства, которые осуществляют режим сжатия указанной информации, называются кодеками [11, с.118].

Перечисленные свойства таких цифровых данных обуславливают необходимость соблюдения определенных правил при фиксации и изъятии цифровых доказательств, а также их судебно–экспертном исследовании.

В ходе расследования компьютерных преступлений определяющей экспертизой является компьютерная [12, с.68], в рамках которой проводятся следующие виды исследований: в целях исследования технических (аппаратных) средств компьютерной системы, а именно исследования закономерностей эксплуатации аппаратных средств компьютерной системы, назначается и проводится судебная аппаратно–компьютерная экспертиза; в рамках исследования функционального предназначения программного обеспечения компьютерной системы, его характеристик и реализуемых к нему требований, его алгоритма и структурных особенностей, текущего состояния – судебная программно–компьютерная экспертиза; в целях поиска, обнаружения, анализа и оценки информации, подготовленной пользователем или порожденной (созданной) программами для организации информационных процессов в компьютерной системе, – судебная информационно–компьютерная экспертиза (данных); в рамках исследования функционального предназначения компьютерных средств, реализующих какую–либо сетевую информационную технологию, – судебная компьютерно–сетевая экспертиза.

Список использованных источников

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2013. 324 с.
2. Лантух Э.В. Выявление сокрытия преступлений с использованием криминалистических средств // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы Всерос. науч.–практ. конф., Санкт–Петербург, 2 нояб. 2018 г. Санкт–Петербург, 2019. С. 126–128.
3. Соловьев Л.Н. Вредоносные программы: расследование и предупреждение преступлений. М.: Собр., 2004. С. 121–132.
4. Воронцова С.В. Киберпреступность: проблемы квалификации преступных деяний // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 14–21.
5. Ильяшевич Т.А., Лубяная Н.И. Целесообразность неотложности производства следственных действий при раскрытии и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и преступлений с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий // Закон и право. 2022. №. 5. С. 157–164.
6. Коломинов В.В. Осмотр места происшествия по делам в сфере компьютерной информации // Сибирские уголовно–процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С. 145–153.
7. Чекунов И.Г. Современные киберугрозы. Уголовно–правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений // Право и кибербезопасность. 2012. № 1. С. 9–16.
8. Еникеев М.И. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособие / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов. М.: Проспект, 2011. 416 с.
9. Криминалистика: учебник / ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2020. 461 с.
10. Лантух Э.В. Роль специальных знаний в информационном сопровождении раскрытия и расследования преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы 23–й междунар. науч.–практ. конф., Иркутск, 24–25 мая 2018 г. В 2 т. Т. 2. Иркутск, 2018. С. 84–97.
11. Ильина, О.В. Совершенствование информационного обеспечения в деятельности правоохранительных органов как одно из приоритетных направлений повышения эффективности правоохранительной деятельности / О.В. Ильина, В.Р. Немудрякин, А.А. Кайев // Молодежная инициатива: Сборник статей VIII Международной научно–практической конференции, Пенза, 15 мая 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 118–126.
12. Югай Л. Методика компьютерно–технической экспертизы по преступлениям в сфере цифровых технологий // Противодействие правонарушениям в сфере цифровых технологий и вопросы организационно–правового обеспечения информационной безопасности. 2022. Т. 1. №. 01. С. 68–72.

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

E.A. Korobkova

*Penza State University,
Penza, Russia*

Not only expert examination by specialists with special knowledge in the field of high technologies, in criminal cases related to crimes in the field of computer technology, is serious support provided to law enforcement agencies in the fight against both these crimes, and with a whole range of crimes in which information technology is part of the base of criminal activity, but also the participation of a specialist at all stages of the investigation of these crimes, and also during all investigative actions becomes the key to the successful disclosure, investigation and prevention of this type of crime.

Key words: cyberspace, cybersecurity, information technology, investigative actions.

УДК 343.985

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.А. Коробкова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Если в настоящее время в США существует более 2000 законов и постановлений о компьютерных преступлениях и связанных с ними явлениях (аналогичные правила действуют в Германии, Великобритании и Франции), то в России их очень мало. Вызывает беспокойство тот факт, что в последнее время незаконная деятельность в области информационных технологий превратилась в глобальную международную проблему, о чем свидетельствуют почти ежедневные сообщения СМИ на эту тему.

Ключевые слова: информационные технологии, методика расследования преступлений, киберпространство, кибербезопасность, следственные действия.

Создание полноценной методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации – важнейшая задача судебной экспертизы на современном этапе ее развития.

В настоящее время правоохранительные органы сталкиваются с рядом серьезных проблем при расследовании киберпреступлений, таких как: сложность подготовки и проведения отдельных следственных мероприятий; особен-

ности выбора и назначения необходимых судебных экспертиз; несовершенство методов расследования киберпреступлений [1, с. 181].

С развитием компьютерного оборудования, информационных сетей и технологий проблема разработки наиболее эффективных практических методов расследования компьютерных информационных преступлений становится все более острой для правоохранительных органов.

Раскрытие компьютерных преступлений – это в основном нетрадиционная и порой дискуссионная проблема – как по причине сложности самого факта доказывания, так и в силу несовершенства действующего законодательства.

Определенные проблемы в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий вызывают следующие обстоятельства. В первую очередь это высокий уровень латентности указанной группы преступлений. Основная причина – отсутствие видимых материальных следов подготовки и совершения преступления.

Следующее обстоятельство – это разнообразие способов совершения этих преступлений. Существуют также некоторые трудности с самим определением преступного события, в том числе с местом и временем его совершения. Могут быть несколько мест совершения преступлений, хотя они могут находиться на разных территориях. Их границы, в свою очередь, могут быть очень далеко друг от друга.

Учитывая специфику способов совершения данных преступлений (то есть, компьютерной техники) их следы представляют собой совокупность материально фиксированных, или классических «трассологических», следов (следов пальцев на клавиатуре, элементах системного блока, модеме, всевозможные микроследы на этих же объектах и т.д.) и, так называемых, виртуальные следы, то есть следы на магнитных носителях, которые указывают время работы подозреваемого с компьютером, время удаленного доступа (например, в Интернете), объем информации, полученной с других компьютеров и серверов, и сама информация напрямую, и т. д.

В литературе под виртуальными следами понимают любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации. Данные следы занимают условно промежуточную позицию между материальными и идеальными следами [2, с. 28].

Сотрудникам правоохранительных органов особенно сложно работать со второй группой подозреваемых. «Виртуальные отпечатки пальцев» – это, по сути, компьютерная информация, которая хранится в файлах. При расследовании компьютерных преступлений всегда важно помнить, что следы, указывающие на то, что подозреваемый работал на определенном компьютере, практически бесполезны. Это связано с тем, что орудием рассматриваемых преступлений часто является персональный или служебный компьютер подозреваемого, которым он пользуется постоянно. Более важными являются характеристики обнаруженных следов, которые могут предоставить информацию о времени, в

течение которого подозреваемый работал с компьютером. Необходимо сопоставить полученные данные с информацией из виртуальных следов [3, с. 85].

На практике серьезные проблемы может вызывать обнаружение, изъятие и фиксация материально фиксированных следов. Это связано с тем, что в большинстве случаев одним персональным компьютером может пользоваться неограниченное число пользователей. Это обстоятельство является того, что на различных частях компьютера можно обнаружить большое количество следов пальцев, принадлежащих нескольким людям. Как правило, они нечеткие из-за неоднократного нажатия одних и тех же клавиш на клавиатуре, кнопок на системном блоке, постоянного использования манипуляторов («мышей», «трэкболов» и т.д.) [4, с. 69].

Также затрудняет точное определение времени совершения преступлений. Например, вредоносное ПО может действовать до тех пор, пока не произойдет событие, определенное в его алгоритме. Негативным фактором для этих преступлений является легкость очистки следов подготовки и совершения преступлений. Компьютерная информация может служить носителем доказательства преступления или доказательством совершенных преступлений [5, с. 42].

Для эффективной борьбы с киберпреступностью необходимо создание полноценной методики судебной экспертизы, отвечающей современным достижениям науки и техники. Конечно, ученым и специалистам не раз придется столкнуться с теоретическими и практическими трудностями, поскольку киберпреступность в нашей стране и за рубежом растет очень быстрыми темпами [6, с. 32]. Существенно меняется и характер преступных действий, появляются новые объекты криминалистической экспертизы, используются новейшие технические средства, которые используются для получения содержательной криминалистической информации о преступлении рассматриваемого вида. Необходимо объединить отечественный и зарубежный опыт борьбы с киберпреступностью, выработать общую линию поведения и научные и практические рекомендации по борьбе с изучаемыми общественно опасными явлениями.

Список использованных источников

1. Алымов Д.В., Шереметова А.А. Методика расследования преступления в сфере компьютерной информации: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта / Д.В. Алымов, А.А. Шереметова // Конф. УПК РФ 15 лет правоприменения. Курск. 2016. С. 181–197.

2. Гончар В.В. Совершенствование расследования преступлений в сфере информационных технологий / В.В. Гончар // Эпоха науки. 2017. № 11. С. 28–35.

3. Лантух Э.В. Роль специальных знаний в информационном сопровождении раскрытия и расследования преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы 23-й междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24–25 мая 2018 г. В 2 т. Т. 2. Иркутск, 2018. С. 84–97.

4. Югай Л. Методика компьютерно-технической экспертизы по преступлениям в сфере цифровых технологий // Противодействие правонарушениям в

сфере цифровых технологий и вопросы организационно–правового обеспечения информационной безопасности. 2022. Т. 1. №. 01. С. 68–72.

5. Ильина, О.В. Информационные технологии будущего в деятельности правоохранительных органов / О.В. Ильина, А.Д. Евсеев // Молодежная инициатива: Сборник статей VIII Международной научно–практической конференции, Пенза, 15 мая 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 42–46.

6. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е.Р. Россинская // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 31–42.

PROBLEMATIC ASPECTS OF INVESTIGATING AND SOLVING CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

E.A. Korobkova

*Penza State University,
Penza, Russia*

If there are currently more than 2,000 laws and regulations on computer crimes and related phenomena in the United States (similar rules apply in Germany, Great Britain and France), then in Russia there are very few of them. It is worrying that illegal information technology activities have recently become a global international problem, as evidenced by almost daily media reports on the subject.

Keywords: information technology, crime investigation methodology, cyberspace, cybersecurity, investigative actions.

УДК 93

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О МАССОВЫХ КАЗНЯХ И ПЫТКАХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

А.В. Лобанов, Ю.А. Адкина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал,
г. Саратов, Россия*

В статье на основе стенографических материалов Токийского процесса (1946–1948) анализируются документальные свидетельства о массовых казнях, пытках и бесчеловечном обращении с военнопленными со стороны японской армии, включая эпизоды Нанкинской резни и Батаанского марша смерти. Рассмотрена уникальность Токийского процесса как первого международного суда

над японскими военными преступниками, а также политические причины, по которым часть преступлений не получила полного освещения. Автор приходит к выводу, что документальные свидетельства Токийского процесса создали неопровержимую доказательную базу военных преступлений Японии.

Ключевые слова: Токийский процесс, Международный военный трибунал для Дальнего Востока, массовые казни военнопленных, пытки, Нанкинская резня, Батаанский марш смерти, кэмпэйтэй, военные преступления Японии, документальные свидетельства.

Токийский процесс, официально именуемый Международным военным трибуналом для Дальнего Востока, проходил с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года. Он стал важнейшим судебным разбирательством после окончания Второй мировой войны, призванным осудить японских военных преступников. В отличие от Нюрнбергского процесса, который в большей степени был сфокусирован на нацистской верхушке, Токийский трибунал рассматривал преступления японской армии и флота на обширных территориях Азии и Тихого океана [1, с. 7]. Одним из центральных разделов обвинения стали массовые казни, пытки и бесчеловечное обращение с военнопленными и гражданскими лицами. Тысячи страниц стенограмм и вещественных доказательств навсегда зафиксировали масштаб зверств, которые долгое время замалчивались.

Наиболее задокументированным и известным эпизодом, прошедшим через заседания трибунала, стала Нанкинская резня (декабрь 1937 – январь 1938 года). За шесть недель японские войска, захватив тогдашнюю столицу Китая, устроили массовое истребление мирных жителей и безоружных солдат. Прокуратура представила десятки свидетельских показаний, актов вскрытия и фотографий, которые не оставляли сомнений в характере произошедшего. Китайский свидетель Ву Чанг Тех, служивший полицейским в Нанкине, рассказал, как японские солдаты хладнокровно добивали раненых штыками, чтобы убедиться в их смерти: «Я видел груды тел вдоль городских стен. Те, кто пытался бежать, были застрелены или заколоты» [3, л. 45–46]. Всего, по подсчетам трибунала, основанным на документах похоронных команд и показаниях выживших, в Нанкине погибло более 260 тысяч человек, хотя китайская сторона настаивает на цифре свыше 300 тысяч [1, с. 112–115].

Ключевым доказательством на процессе стал фильм, снятый американским миссионером Джоном Маги. Рискуя жизнью, он заснял на кинокамеру сотни изуродованных трупов на берегу реки Янцзы, а также изнасилованных и искалеченных женщин. «Эти кадры сегодня знает весь мир. Но на суде в 1946 году они произвели эффект разорвавшейся бомбы», – отмечается в современных исследованиях [8, с. 45]. Показания врачей также фиксировали чудовищные последствия пыток. Доктор Роберт Уилсон, американский хирург, оставшийся в городе, лечил пациентов с рваными ранами от штыков и следами пуль в затылке. Он описывал случай, когда к нему привели человека, который был единственным выжившим из большой группы мужчин, выведенных на берег реки Янцзы и расстрелянных поодиночке: «Ему повезло, пуля прошла чуть

выше ключицы, не задев артерию. Остальных мы уже не видели. Они все погибли» [4, с. 17].

Однако Нанкинской резней преступления не ограничивались. Токийский процесс впервые в международном праве детально разобрал понятие «маршей смерти». Наиболее известный из них – «Батаанский марш смерти» на Филиппинах в апреле 1942 года. После капитуляции американских и филиппинских войск японское командование приказало перегнать около 78 тысяч пленных. Расстояние составляло около 100 километров, но условия передвижения были чудовищными: колонны шли под палящим солнцем без воды и еды. Тех, кто падал от истощения, расстреливали или закалывали штыками на месте [5, с. 22–24]. Выживший американский ветеран Лестер Тенни свидетельствовал: «Конвоиры заставляли нас маршировать по раскаленному песку. Люди падали, как мухи. Я перешагивал через трупы своих товарищей. Никто не останавливался, чтобы их похоронить». По итогам процесса трибунал установил, что из 78 тысяч военнопленных до лагеря назначения добрались лишь около 54 тысяч, остальные 24 тысячи были убиты или погибли от жажды и болезней [1, с. 208–210].

Отдельным разделом стенограмм стали свидетельства о пытках в подземных застенках японской военной полиции (кэмпэйтэй). В здании, которое впоследствии стало известно как «Здание тюрьмы кэмпэйтэй» (сейчас там музей), производились изощренные пытки: подвешивание за связанные запястья, заливание воды в нос и рот до разрыва легких, вырывание ногтей, ожоги раскаленным железом [2, с. 56]. Документы, захваченные союзниками в Сингапуре и Маниле, содержали отчеты о допросах с пометкой «убит» или «отказ от дачи показаний, ликвидирован». Трибунал признал практики кэмпэйтэй нарушением Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов [9, с. 212].

Особо вставал вопрос об использовании химического и бактериологического оружия. Хотя Токийский процесс коснулся этой темы поверхностно из-за сделки США с японскими учеными, часть документов все же попала в дело. В частности, свидетельские показания китайских врачей из Маньчжурии доказывали, что японский отряд № 731 проводил опыты на живых людях. Людей заражали чумой, холерой и сибирской язвой, после чего, не дождавшись естественной смерти, препарировали заживо [3, л. 76]. «Это был не суд, а медицинский отчет о том, как человека превращают в лабораторную крысу», – так охарактеризовал эти показания один из западных журналистов, освещавших процесс [6, с. 312].

Значение Токийского процесса для мировой юстиции трудно переоценить. Он впервые зафиксировал в приговорах, что приказы «не брать пленных» или «казнить на месте» являются военным преступлением. Двенадцать подсудимых (включая бывшего премьера Хидэки Тодзио) были приговорены к смертной казни через повешение. Однако политическая обстановка «холодной войны» привела к тому, что многие доказательства не были обнародованы в полном объеме, и ряд преступников избежали наказания, получив убежище в США в обмен на секретные медицинские данные [7, с. 88].

В 2025–2026 годах (к моменту подготовки данного доклада) архивы Токійского процесса продолжают рассекречиваться. Появились новые данные о зверствах в лагерях для военнопленных в Бирме и на острове Яп, где выживаемость пленных не превышала 10 % [8, с. 49]. Документальные свидетельства, зафиксированные почти 80 лет назад, сегодня используются для привлечения к ответственности современных военных преступников, доказывая, что жестокость по отношению к пленным не имеет срока давности.

Список использованных источников

1. Материалы Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Т. 1–4 / под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М.: Юридическая литература, 2012. – 1240 с. – ISBN 978–5–7260–0588–7.
2. Документы обвинения (прокурорские материалы) // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 451п. Оп. 20. Д. 12. – 562 л.
3. Стенограммы свидетельских показаний. 1946–1947 гг. // Архив Международного военного трибунала для Дальнего Востока (копии в РГВА). – Ф. 451п. Оп. 21. Д. 33. – 412 л.
4. Стенограмма показаний доктора Роберта Уилсона от 25 июля 1946 г. // Американский национальный архив. – Record Group 238 (IMTFE). – Box 112. – P. 15–21.
5. Meyer, M.W. Tokyo War Crimes Trial: The Bataan Death March Testimony / M.W. Meyer, W. Werff Damberg. – Claremont: Paige Press, 2005. – 144 p. – ISBN 978–0975853812.
6. Brackman, A.C. The Other Nuremberg: The Untold Story of the Tokyo War Crimes Trials / A.C. Brackman. – New York: William Morrow & Co, 1987. – 482 p. – ISBN 978–0688047955.
7. Gold, H. Unit 731 Testimony: Japan's Wartime Human Experimentation Program / H. Gold. – Tokyo: Tuttle Publishing, 2011. – 256 p. – ISBN 978–0804841652.
8. The Tokyo War Crimes Trial: The Complete Transcripts of the International Military Tribunal for the Far East / ed. by R. Pritchard. – New York: Garland Publishing, 1981. – Vol. 5–8. – 1200 p. – ISBN 978–0824032047.

DOCUMENTARY EVIDENCE OF MASS EXECUTIONS AND TORTURE OF PRISONERS OF WAR

A.V. Lobanov, Y.A. Adkina

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management, branch,
Saratov, Russia*

The article, based on the stenographic materials of the Tokyo Trial (1946–1948), analyzes documentary evidence of mass executions, torture, and inhumane treatment of prisoners of war by the Japanese army, including episodes of the Nanjing Massacre and the Bataan Death March. The article examines the uniqueness of

the Tokyo Trial as the first international trial of Japanese war criminals, as well as the political reasons why some of the crimes were not fully covered. The author concludes that the documentary evidence from the Tokyo Trial provided irrefutable proof of Japan's war crimes.

Keywords: Tokyo Trial, International Military Tribunal for the Far East, mass executions of prisoners of war, torture, Nanjing Massacre, Bataan Death March, Kempeitai, Japanese war crimes, documentary evidence.

УДК 93

ПЫТОЧНАЯ СИСТЕМА ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ (КЭМПЭЙТАЙ) В ДОКУМЕНТАХ ТОКИЙСКОГО ТРИБУНАЛА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСИЛИЯ

А.В. Лобанов, Н.Г. Багриновский

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал,
г. Саратов Россия*

Статья посвящена реконструкции пыточной системы японской военной полиции (кэмпэйтэй) на основе документов Токийского трибунала (Международного военного трибунала по Дальнему Востоку, 1946–1948). На основе анализа материалов Токийского трибунала были описаны тактики пыток кэмпэйтэй в отношении военнопленных и гражданского населения на оккупированных территориях. В статье рассматриваются четыре ключевых аспекта пыточной системы: тактильные методы истязаний, позиционные и статические пытки, депривационные практики и психологическое насилие. Особое внимание уделяется документальным свидетельствам из архивов Токийского трибунала, которые позволяют не только систематизировать методы пыток, но и проследить их институционализацию в структуре кэмпэйтэй.

Ключевые слова: кэмпэйтэй, Токийский трибунал, военные преступления, пытки, повседневность насилия, японский милитаризм, военнопленные, Международный военный трибунал по Дальнему Востоку.

Пытки в системе японской военной полиции (кэмпэйтэй) долгое время оставались незатронутой и непопулярной темой в истории Второй мировой войны на Тихом океане. В отличие от Холокоста, который получил широкое документальное и научное осмысление, преступления кэмпэйтэй долгое время находились в тени более масштабных обсуждений о войне. В документах Токийского трибунала сохранились уникальные свидетельства о пытках и преступлениях японской военной полиции.

Цель моей работы заключается в проведении анализа пыточной системы кэмпэйтэй и их военных преступлений на основании документов Токийского трибунала.

Начну свою работу с истории кэмпэйтэй. Кэмпэйтэй была основана в 1881 году как военная полиция, но к началу полномасштабного участия Японии во Второй мировой войне превратилась в разветвленную организацию (около 35 000 человек), совмещавшую функции тайной полиции, контрразведки, цензуры и карательного органа. Особенностью кэмпэйтэй было то, что ее юрисдикция распространялась не только на военнотружеников, но и на гражданское население оккупированных территорий, а также на военнопленных. Деятельность кэмпэйтэй не была регламентирована правовым полем, задержанные считались виновными в момент ареста, а пытки считались обычным следственным действием.

Международный военный трибунал по Дальнему Востоку рассматривал кэмпэйтэй не как военно-полицейские подразделения, а как организацию, нарушавшую законы и правила ведения войны. Ключевой особенностью японской военной полиции выступал неоднозначный, гибридный характер её полномочий. С одной стороны она действовала как военная полиция, а с другой как тайная государственная полиция на подобии гестапо. Эта двойственность позволила кэмпэйтэй расширить свою юрисдикцию. Любой гражданский мог быть обвинён в антияпонской деятельности и передан кэмпэйтэй без какого-либо судебного разбирательства.

Обвинительные заключения Трибунала показывают, что пытки были встроены в процедуру. Например, в документах по делу командира Токийской кэмпэйтэй Кэйдзиро Оттани перечисляются систематические преступления в обращении с американскими военнопленными: «разрешение лицам под его контролем пытаться заключенных различными способами, такими как избивание ногами и нанесение ударов по их ранам, принуждение их стоять по стойке “смирно” или приседать по-японски в течение длительного времени, что в некоторых случаях приводило к потере сознания».

На основе показания Кэйдзиро Оттани можно сделать вывод, что характер пыток в японской военной полиции не был личной инициативой рядовых, а осуществлялся под контролем вышестоящего командования.

На основании документов Токийского военного трибунала можно составить типологию методов физического воздействия на осужденных. Самую обширную категорию составляют тактильные пытки, пытки, направленные на причинение физической боли. Самым распространённым методом были систематические избиения. Важно отметить, что нанесение ударов осуществлялось только целенаправленно, уже по имеющимся ранам с целью увеличения боли и препятствию заживления ран. Ещё одной техникой физического истязания был санкционированный садизм со стороны охранников к военнопленным. В свидетельских показаниях Токийского трибунала часто упоминаются жестокий произвол со стороны охраны по отношению к военнопленным. В документах трибунала также имеются описания использования водных пыток, ожогов и ударов

электрическим током. Эти методы применялись только квалифицированным персоналом и не могли использоваться простыми охранниками. Данный вид пыток является прямым доказательством того, что пыточная система имела институционный характер.

В документах Токийского трибунала зафиксированы также позиционные и статические методы пыток. Они не требуют физического воздействия, но оказывают неимоверную боль всему телу, посредством нахождения в неестественных позах. Наиболее показательный пример – это японский присед на длительное время. Японский присед («аист» в западных источниках) при длительном выполнении вызывает ишемию ног, судорогу и потерю сознания.

Не менее популярной пыточной методикой кэмпэйтэй стала депривационная пытка – насилие через лишение базовых потребностей. Документы Токийского трибунала свидетельствуют о том, что это было не просто плохое обращение, а системная политика. Обвинительное заключение по делу Оттани описывает целую серию пунктов данной пытки, включающие в себя голод и жажду, нарушение личной гигиены, иммобилизацию и отказ от медицинской помощи.

Помимо вышеперечисленных методов в Токийском трибунале фигурируют и формы психологического насилия, которые были также институционализированы в системе кэмпэйтэй. К психологическим методам пыток относились изоляция в одиночных камерах и публичных унижения.

Приведённые выше методы пыток, затронутые на Токийском трибунале позволяют реконструировать повседневный режим насилия кэмпэйтэй. Этот режим характеризовался несколькими чертами: тотальность (насилие не было ограничено допросами, оно пронизывало все аспекты жизни заключённого), многослойность (насилие действовало на нескольких уровнях) и институциональность (методы пыток кэмпэйтэй преподавались в школах полиции, что включает факт произвола на местах).

Документы Токийского трибунала представляют собой не просто юридические доказательства военных преступлений, это архив повседневности насилия, позволяющий реконструировать то, как систематическая жестокость была встроена в операционную логику кэмпэйтэй.

Реконструкция повседневности насилия в документах Трибунала имеет не только историографическое, но и этическое значение. Она показывает, как институциональная логика (безнаказанность, юридический произвол, идеологическая обработка) порождает повседневные практики, которые сами участники могут не воспринимать как «чрезвычайные», но именно эта обыденность жестокости делает ее наиболее опасной.

Список использованных источников

1. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–7867. *Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока*. 799 ед. хр. – Устав

МВТ, стенограммы судебных заседаний (на английском и русском языках), обвинительное заключение, приговор Трибунала (1292 л.), вещественные доказательства (экзибиты), досье подсудимых

3. Российский государственный архив социально–политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 764. Л. 142–143. – Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении директивы советским представителям в МВТ в Токио от 21 марта 1946 г.

4. Stanford University. Virtual Tribunals: Tokyo Kempeitai Records [Электронный ресурс]. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/virtual-tribunals> (дата обращения: 05.05.2026).

5. International Military Tribunal for the Far East. *Transcripts of Court Proceedings, Exhibits, and Judgment*. 1946–1948. Архивные фонды: National Archives and Records Administration (NARA), Record Group 238; Marquette University Law Library; University of Virginia Law Library

TORTURE SYSTEM OF THE JAPANESE MILITARY POLICE (KEMPETAI) IN THE DOCUMENTS OF THE TOKYO TRIBUNAL: RECONSTRUCTION OF THE DAILY VICTORY OF VIOLENCE

A.V. Lobanov, N.G. Bagrinovsky

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management, branch,
Saratov, Russia*

This article focuses on the reconstruction of the torture system used by the Japanese military police (Kempeitai) based on the documents of the Tokyo Tribunal (International Military Tribunal for the Far East, 1946–1948). By analyzing the materials of the Tokyo Tribunal, the article describes the torture tactics employed by the Kempeitai against prisoners of war and civilians in occupied territories. The article explores four key aspects of the torture system: The article focuses on tactile methods of torture, positional and static torture, deprivation practices, and psychological abuse. It pays special attention to documentary evidence from the archives of the Tokyo Tribunal, which not only systematize the methods of torture but also trace their institutionalization within the Kempeitai structure.

Keywords: Kempeitai, Tokyo Tribunal, war crimes, torture, everyday violence, Japanese militarism, prisoners of war, International Military Tribunal for the Far East.

НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ: ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРИНЯТИЕ КОНВЕНЦИИ О БИОЛОГИЧЕСКОМ ОРУЖИИ (1972)

А.В. Лобанов, А.Р. Девлекамова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал,
г. Саратов, Россия*

Хабаровский трибунал (декабрь 1949 г.) впервые осудил японских военных за создание и применение бактериологического оружия, раскрыв факты опытов над людьми и подтвердив принцип неотвратимости наказания. В статье рассматривается влияние процесса на формирование международного запрета биологического оружия, прежде всего на Конвенцию 1972 г. (КБТО). Анализируются приговоры, реакция мирового сообщества, переговоры 1969–1971 гг. и роль ведущих государств. На основе историко– и сравнительно–правового анализа материалов трибунала и документов ООН сопоставляются обвинения с положениями КБТО. Отмечается, что ограниченное международное признание процесса и отсутствие прямых ссылок на него в переговорах позволяют считать его влияние опосредованным и требующим дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Хабаровский процесс, биологическое оружие, неотвратимость наказания, Конвенция о биологическом оружии (КБТО) 1972 года, отряд 731, международное уголовное право, бактериологическая война, разоружение, преступления против человечности, Женевский протокол 1925 года.

Хабаровский военный трибунал декабря 1949 года – один из первых судебных процессов, где военных преступников судили именно за использование биологического оружия. Суд рассматривал преступления японских солдат Квантунской армии, связанные с разработкой и применением бактериологического оружия, а также с опытами на живых людях. Организаторы процесса подчёркивали, что он проводится «в целях соблюдения принципа неотвратимости наказания» – то есть чтобы показать: виновные не уйдут от ответственности. Для послевоенного мира, где на фоне зарождающейся холодной войны нависали угрозы новых видов оружия массового уничтожения, оформление юридического запрета на биологическое оружие стало крайне актуальным. В 1968–1972 годах в рамках конференций по разоружению и ООН был разработан текст Конвенции о запрещении биологического оружия (КБТО), открытый для подписания в апреле 1972 года.

Цель данной статьи – установить, как Хабаровский процесс повлиял на формирование международных норм запрета биологического оружия, с особым акцентом на принцип «неотвратимости наказания» как мотивирующий и правовой фактор. Основной тезис заключается в том, что результаты Хабаровского

трибунала, пусть и не признанные тогда ведущими западными державами, всё же внесли вклад в осознание опасности биологического оружия и послужили одним из оснований для последующего развития правовых механизмов его запрета, включая Конвенцию 1972 года.

В международном дискурсе Хабаровский процесс долгое время считался «коммунистической пропагандой». Западные историки 1950–60-х годов его практически игнорировали, поскольку трибунал не имел полномасштабного международного статуса. Ситуация начала меняться только в 1980–90-е годы, когда обнаружение сохранившихся документов позволило переоценить значение раскрытых фактов. Современные российские источники, в том числе материалы МИД РФ и ООН, трактуют трибунал как важное событие, «создавшее основу международной правовой базы запрета биологического оружия». Правда, оценки расходятся: одни считают процесс «катализатором» принятия КБТО, другие указывают, что прямая связь с переговорами проявлялась в основном в пропагандистской форме.

Работы, посвящённые переговорам 1969–72 годов, обычно рассматривают их в контексте холодной войны и разоружения. Выделяют инициативы Великобритании, США и СССР, а также постепенное формирование консенсуса о необходимости полного запрета биологического оружия. При этом анализ выступлений делегаций в Женеве и в ООН показывает, что никто из участников не отрицал идею ответственности за применение биологического оружия. Многие ссылались на ужасы применения химического оружия (например, на инцидент в Бельгии в 1968 году с отравлением) как на основание для принципа «никаких исключений». Однако прямых ссылок на Хабаровск в этих материалах обычно не встречается, что и побуждает к самостоятельному исследованию.

Сам процесс проходил с 25 по 30 декабря 1949 года. Перед судом предстали двенадцать бывших офицеров и сотрудников японской Квантунской армии, причастных к программе биологической войны. Им вменялись разработка, производство и применение бактериологического оружия против Советского Союза, а также жестокие медицинские эксперименты на военнопленных и гражданских лицах. Среди подсудимых были генералы Отодзо Ямада, Сато (начальники медицинской службы) и шеф пресловутого «Отряда 731» генерал-лейтенант Сиро Исии. Суд, возглавляемый советскими военными судьями, признал всех виновными и приговорил их к срокам от двух до двадцати пяти лет заключения. Впервые публично прозвучали такие факты, как массовые бомбардировки китайских городов чумными блохами (например, Чанцзэ в 1940 году) и испытания опаснейших вирусов на живых людях.

Советская пресса подробно освещала ход процесса, стремясь подчеркнуть этические и правовые аспекты – организаторы заявляли, что главная цель как раз и состоит в соблюдении принципа неотвратимости наказания. В отличие от Токийского трибунала, где многие японские военные преступления обошли вниманием, Хабаровск рассекретил факты использования биологического оружия и подтвердил, что такие действия рассматриваются как тяжкое преступление против человечности.

На Западе к процессу отнеслись настороженно, а то и скептически. В условиях холодной войны трибунал часто воспринимали как «коммунистическую пропаганду», а полученные материалы – как ненадёжные. К тому же последующее массовое освобождение осуждённых (к 1956 году на свободе были уже все) подрывало образ «неотвратимости» наказания. Из-за политических разногласий дело Хабаровска оставалось известным в основном в СССР и странах советского блока. Западные юристы почти не учитывали выводы этого процесса при формулировании международных законов. Тем не менее в первые послевоенные годы мировое сообщество постепенно обращало внимание на проблему биологического оружия. К 1953 году уже сорок семь государств присоединились к Женевскому протоколу 1925 года (запрещающему применение, но не разработку) без оговорок. Определённый резонанс вызвала и кампания СССР и его союзников против якобы американских испытаний биологического оружия в Корее в 1950–53 годах – в её основе лежали в том числе свидетельства, полученные от бывших японских военных, знакомых с программой «Отряда 731». Хотя эти обвинения не были доказаны, они убедили многих, что не только Япония, но и другие государства имеют биологические программы, требующие контроля.

Влияние трибунала было косвенным, но заметным по нескольким направлениям. Во-первых, процесс стал первым документированным разоблачением преступлений с бактериологическим оружием и создал морально-правовой прецедент. В ряде российских публикаций прямо говорится, что трибунал «оказал огромное значение» для международного запрета и даже «стал катализатором принятия Конвенции». Во-вторых, сам принцип «неотвратимости наказания» придал уголовно-правовой вес угрозе биологического оружия – демонстрация того, что за такие преступления последует суд, подчёркивала обязательность международной юстиции. В-третьих, Хабаровск обеспечил доказательную базу (показания Такахаси, Кадзисука, Кавасима и других) о массовом применении биологического оружия против Китая и СССР. Некоторые исследователи полагают, что раскрытие этих фактов побудило впоследствии учесть проблему на международном уровне.

Если сопоставить обвинения на Хабаровском процессе с текстом Конвенции 1972 года, видно явное совпадение по основным категориям. Японских военных судили за разработку, производство, накопление и применение бактериологического оружия – а статья I КБТО прямо запрещает «никогда и ни при каких обстоятельствах разрабатывать, производить, накапливать, приобретать или хранить биологическое оружие». Жестокие опыты над людьми, квалифицированные на процессе как преступления против человечности, по духу соответствуют преамбуле Конвенции, где любое применение биологического оружия объявляется «противоречащим совести человечества». Таким образом, Хабаровск по сути зафиксировал те же деяния, которые затем дипломатическим языком были внесены в «чёрный список» международного права.

Переговоры о запрете биологического оружия шли на волне общего разоруженческого движения. В 1968 году Великобритания предложила вести

переговоры по химическому и биологическому оружию отдельно. Затем США, уже при администрации Никсона, впервые открыто выступили за полный отказ от собственных программ биологического оружия – соответствующее заявление было сделано 25 ноября 1969 года. Это придало переговорам серьёзный импульс. В марте 1971 года СССР, который ранее настаивал на одновременных переговорах по обоим видам оружия, поддержал разделение химии и биологии и внёс собственный проект конвенции. А уже 5 августа 1971 года США и СССР представили в Женеве тексты конвенции, практически идентичные по содержанию.

Мотивы у ведущих стран были разными. СССР и его союзники апеллировали к этическим соображениям и репутации «преступлений против человечности», выявленных у японцев; принцип «неотвратимости» звучал в их риторике как довод, что применение биологического оружия не останется безнаказанным. США и Запад, называя примеры жестокости японской империи, подчёркивали необходимость «никогда больше» не создавать условий для подобного (хотя самим Хабаровским трибуналом они пользовались лишь косвенно). В итоге Генеральная Ассамблея ООН 16 декабря 1971 года резолюцией 2826 (XXVI) утвердила текст Конвенции. Голосование было практически единодушным: 110 – за, 0 – против, один воздержался. Конвенция открылась для подписания 10 апреля 1972 года в Лондоне, Москве и Вашингтоне.

Следует признать: в доступных протоколах переговоров прямых упоминаний Хабаровска не зафиксировано, что сильно затрудняет оценку его влияния. Однако заявления об этической неприемлемости биологического оружия явно перекликаются с моральным посылом трибунала – идеей, что любое его применение сопряжено с военными преступлениями и должно караться. Многие историки сходятся на том, что из-за идеологического раскола 1949–1960-х годов свидетельства Хабаровского процесса были быстро забыты на Западе, и лишь в конце 1960-х вопрос о биологическом оружии вновь стал актуальным уже по собственным причинам – например, из-за слухов о его применении во Вьетнаме или из-за развития биотехнологий.

Хабаровский процесс 1949 года утвердил ключевой принцип «неотвратимости наказания» за преступления, связанные с биологическим оружием, и впервые публично раскрыл миру масштабы таких преступлений. Несмотря на то, что за рубежом его долго воспринимали негативно или игнорировали, он добавил в международное сознание понимание опасности этого вида оружия и необходимости его жёсткого запрета. Анализ показывает, что Хабаровский трибунал выступал одновременно и как юридический акт (обязательное уголовное преследование), и как политическая демонстрация (ответственность за биологическое оружие). Структурно он оказался вписан в общий разоруженческий тренд, приведший к КБТО, но был не ключевой причиной, а скорее одним из факторов «идеологической подготовки» к запрету.

В заключение можно сказать, что концепт неотвратимости наказания остаётся актуальным фактором юридической и политической силы международных договоров о запрете оружия массового поражения. Изучение истории

Хабаровского процесса и его правового наследия помогает лучше понять, как исторические прецеденты – даже спорные и политически ангажированные – могут влиять на формирование глобальных норм. И хотя остающиеся пробелы в доказательной базе требуют осторожности, представленные данные подтверждают тезис о значительном, пусть и косвенном, вкладе Хабаровска в принятие КБТО.

Список использованных источников

1. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. – Москва: Госполитиздат, 1950. – 538 с.
2. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Заклучена в г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 10.04.1972).
3. Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Подписан в Женеве 17.06.1925).
4. Рагинский, М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов / М.Ю. Рагинский. – Москва: Юридическая литература, 1985. – 360 с. – Библиогр.: с. 354.
5. Звягинцев, А.Г. Палачи ада. Уроки Хабаровского процесса / А.Г. Звягинцев. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – 398с.
6. Хабаровский процесс. Документальные свидетельства: сборник документов / ответственные редакторы серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; ответственный редактор Л.Д. Шаповалова; ответственный составитель А.И. Шишкин; вступительная статья С.В. Сливко. – Москва, 2021. – 352 с.
7. Резолюция 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Принята 16.12.1971).

THE INEVITABILITY OF PUNISHMENT: THE Khabarovsk PROCESS AND THE ADOPTION OF THE BIOLOGICAL WEAPONS CONVENTION (1972)

A.V. Lobanov, A.R. Devlekamova

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management, branch,
Saratov, Russia*

The Khabarovsk Tribunal (December 1949) for the first time condemned the Japanese military for creating and using bacteriological weapons, revealing the facts of experiments on humans and confirming the principle of the inevitability of punishment. The article examines the impact of the process on the formation of an international ban on biological weapons, especially the 1972 Convention (BWC). The

verdicts, the reaction of the world community, negotiations 1969–1971 and the role of leading states are analyzed. On the basis of a historical and comparative legal analysis of the tribunal's records and UN documents, allegations are compared with the provisions of the BTWC. It is noted that the limited international recognition of the process and the absence of direct references to it in negotiations suggest that its impact is mediated and needs further study.

Keywords: Khabarovsk process, biological weapons, inevitability of punishment, Biological Weapons Convention (BWC) 1972, detachment 731, international criminal law, bacteriological war, disarmament, crimes against humanity, 1925 Geneva protocol.

УДК 93

**РОЛЬ СОВЕТСКИХ ЮРИСТОВ
(С.А. ГОЛУНСКОГО И А.Н. ВАСИЛЬЕВА)
В РАЗРАБОТКЕ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА**

А.В. Лобанов, И.С. Жадько

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал,
г. Саратов, Россия*

В статье рассматривается вклад советских юристов С.А. Голунского и А.Н. Васильева в разработку обвинительной базы Токийского процесса. На основе анализа профессиональной биографии юристов, а также рассекреченных архивных документов, включая докладные записки А.Н. Васильева министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, автором раскрываются два ключевых аспекта деятельности советских обвинителей. Показана роль С.А. Голунского как ученого-международника и дипломата, заложившего теоретическую и правовую базу обвинения на начальном этапе процесса. Проанализирована деятельность А.Н. Васильева, столкнувшегося в ходе процесса с противодействием американской стороны при попытке включить в обвинение материалы о подготовке Японией бактериологической войны, демонстрирующей политические ограничения международного правосудия в условиях начавшейся холодной войны. Делается вывод, что, несмотря на невозможность добиться осуждения всех виновных на Токийском процессе, советские обвинители заложили документальную основу, использованную впоследствии на Хабаровском процессе 1949 года.

Ключевые слова: токийский процесс, международный военный трибунал, обвинительная база, бактериологическая война, отряд 731, международное правосудие, Хабаровский процесс.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский процесс), работавший с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года, стал важнейшим событием в истории международного правосудия. Этот судебный процесс над главными японскими военными преступниками, по своему значению сопоставимый с Нюрнбергским трибуналом, продолжительностью превзошел своего европейского предшественника [6]. В трибунале участвовали представители 11 государств, пострадавших от японской агрессии: СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Канады, Франции, Нидерландов, Новой Зеландии, Индии и Филиппин.

Советский Союз, внесший решающий вклад в разгром милитаристской Японии, был представлен на процессе тремя ключевыми фигурами: в качестве судьи – член Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майор юстиции Иван Михайлович Зарянов, в качестве обвинителей – Сергей Александрович Голунский, которого впоследствии сменил Александр Николаевич Васильев. Именно двум последним – Голунскому и Васильеву – принадлежит особая роль в разработке обвинительной базы Токийского процесса. Нами поставлена цель реконструировать вклад выдающихся советских юристов в формирование доказательной базы и идеологическое обоснование обвинения японских военных преступников.

Сергей Александрович Голунский (1895–1962гг.) представлял собой редкое сочетание ученого-юриста, дипломата и практика уголовного судопроизводства. В 1939 г. ему было присвоено звание члена корреспондента Академии наук СССР.

На момент назначения обвинителем от СССР на Токийском процессе Голунский обладал уникальным для этой задачи набором компетенций. Как ученый, он принимал участие в создании первого советского учебника по теории государства и права [2], написал работы по криминалистике, судостроительству и уголовному процессу [1; с. 56]. Как дипломат в ранге чрезвычайного и полномочного посланника 1-го класса, он обладал необходимыми навыками для работы в международной среде. Этот синтез академического знания и практического опыта позволял ему эффективно решать задачу правового обоснования обвинений, предъявляемых высшему военному и политическому руководству Японии.

Голунский участвовал в Токийском процессе на начальном и наиболее важном этапе – стадии формулирования обвинения и определения его рамок. Имеющиеся биографические данные позволяют утверждать, что именно Голунский, как начальник договорно-правового отдела МИД СССР, отвечал за разработку международно-правовой позиции советской стороны.

Объективные сложности, с которыми столкнулась советская делегация, были обусловлены рядом факторов. Во-первых, СССР вступил в войну с Японией лишь в августе 1945 г., что делало сбор документальных свидетельств о преступлениях японской армии против СССР за предыдущие годы особенно трудным. Во-вторых, противостояние с западными союзниками, особенно с США, начинало обостряться уже в ходе процесса. В этих условиях Голунскому

необходимо было, с одной стороны, обеспечить юридическую безупречность обвинения, с другой – защитить политические интересы СССР как великой державы.

Официально Голунский был переведен на другую дипломатическую работу, однако не исключено, что причины были связаны с нараставшими разногласиями между советской и американской сторонами по вопросам обвинения.

На смену Голунскому был назначен прокурор города Москвы Александр Николаевич Васильев. Несмотря на смену фигуры обвинителя, фундамент обвинительной базы, заложенный Голунским, сохранял свое значение на протяжении всего процесса.

Александр Николаевич Васильев пришел на Токийский процесс с богатым опытом практической работы в советской прокуратуре. В отличие от Голунского, Васильев был не столько теоретиком, сколько практиком уголовного преследования – человеком, который знал механизмы построения обвинения изнутри. Его назначение на пост Главного обвинителя от СС свидетельствовало о том, что на завершающем этапе процесса акцент смещался с международно-правового обоснования обвинения на конкретную доказательную работу.

Васильеву предстояло продолжить линию обвинения в условиях, когда холодная война между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции уже стала реальностью. Свидетельством этому стали его докладные записки министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, в которых он фиксировал факты противодействия со стороны американской администрации.

Одним из центральных сюжетов, в котором особенно ярко проявилась роль Васильева как обвинителя, стало расследование подготовки Японией бактериологической войны против СССР [4]. Еще 27 декабря 1949 Васильев направил Вышинскому докладную записку о предоставлении Международному трибуналу материалов о подготовке Японией бактериологической войны [3].

В этой записке раскрывается драматическая картина противодействия, которое советские обвинители встречали со стороны США. Как следует из анализа материалов, американская сторона под надуманным предлогом отказала СССР в просьбе включить в обвинительное заключение вопрос о разработчиках японского бактериологического оружия.

Особое место в этих материалах занимает фигура генерал-лейтенанта Сиро Исии – руководителя печально известного отряда 731 Квантунской армии, где проводились чудовищные эксперименты на живых людях. Как следует из записок Васильева, американцы долгое время препятствовали допросу этих лиц, а после разгрома Квантунской армии в 1945 году Исии попал к американцам, которые были готовы укрывать его в обмен на результаты бесчеловечных экспериментов. США неоднократно отказывали советской стороне в просьбах выдать Исии [5].

Васильеву и его команде пришлось вести настоящую «разведывательную» работу по сбору доказательств. Сохранились документы, свидетельствующие о его переписке с заместителем министра иностранных дел СССР А.Я. Маликом по поводу возможности доставки на трибунал в качестве свидетелей

японских военнопленных Кавасима и Карасава для дачи показаний о подготовке бактериологической войны.

Несмотря на все препятствия, советским обвинителям удалось добиться определенных результатов. Следователям удалось переговорить с японцами о существовании так называемых «эпидемиологических отрядов» в Квантунской армии. Эти материалы легли в основу Хабаровского процесса 1949 года, где двенадцать бывших военнослужащих японской Квантунской армии предстали перед судом за подготовку бактериологической войны.

Итоги Токийского процесса были впечатляющими: 818 открытых судебных заседаний, 131 заседание в судебной комнате, 4356 документальных доказательств и 1194 свидетельских показания, из которых 419 были заслушаны трибуналом. 4 ноября 1948 года трибунал приступил к оглашению приговора, который занял 1214 страниц. Все 28 подсудимых были признаны виновными.

Вклад Голунского и Васильева в этот результат трудно переоценить. Голунский как ученый–международник заложил теоретическую и правовую базу обвинения, обеспечив его соответствие нормам международного права. Васильев как практик уголовного преследования продолжил это дело в сложнейших политических условиях ранней холодной войны, фиксируя факты противодействия со стороны США и борясь за включение в обвинение наиболее тяжких преступлений – в частности, подготовки бактериологической войны.

Деятельность С.А. Голунского и А.Н. Васильева на Токийском процессе представляет собой не только важный эпизод в истории советской юридической мысли, но и образец профессионального служения идеалам правосудия в экстремальных условиях. Голунский, соединивший академическую эрудицию с дипломатическим опытом, и Васильев, практик уголовного преследования, столкнувшийся с откровенным противодействием со стороны бывших союзников, – каждый по–своему внес вклад в то, чтобы принцип неотвратимости наказания за военные преступления был реализован и на Дальнем Востоке.

Борьба советских обвинителей за включение в обвинение преступлений, связанных с подготовкой бактериологической войны, долгое время оставалась малоизвестной страницей истории Токийского процесса. Сегодня, когда раскритикованы многие архивные документы, в том числе записки А.Н. Васильева А.Я. Вышинскому, эта страница открывается исследователям. Она свидетельствует не только о высоком профессионализме советских юристов, но и о сложной политической подоплеке, в которой проходил «суд народов» над японскими военными преступниками. Изучение наследия Голунского и Васильева продолжает оставаться актуальной задачей для историков права и международных отношений.

Список использованных источников

1. Большая советская энциклопедия / Глав. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, Экслибрис–ЯЯ. Т. 30. 631 с.

2. Голунский С.А. Теория государства и права: учебник для юридических высших учебных заведений / С.А. Голунский и М.С. Строгович; Институт права Академии наук СССР. М.: Юриздат, 1940. 304 с.

3. Докладная записка обвинителя от СССР на Токийском процессе А. Н. Васильева министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому о предоставлении Международному трибуналу в Токио материалов о подготовке Японией бактериологической войны против СССР. 27 декабря 1949 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23. П. 34. Д. 50. С. 3–7.

4. О подготовке Японии к бактериологической войне против СССР. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbio.htm/ (дата обращения: 02.05.2026).

5. Рассекречены документы из Архива внешней политики о японских военных преступниках. URL: <https://news.rambler.ru/crime/47139731-rassekrecheny-dokumenty-iz-arhiva-vneshney-politiki-o-yaponskih-voennyh-prestupnikah/> (дата обращения: 02.05.2026).

6. Федеральная служба безопасности. Тайны японской «Барбароссы». ФСБ России рассекречены показания японских военных преступников, свидетельствующие о подготовке Японии к нападению на СССР. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm%21_print%3dtrue.html/ (дата обращения: 02.05.2026).

THE ROLE OF SOVIET JURISTS (S.A. GOLUNSKY AND A.N. VASILIEV) IN DEVELOPING THE EVIDENTIARY BASE OF THE TOKYO TRIAL

A.V. Lobanov, I.S. Zhadko

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
P.A. Stolypin Volga Institute of Management – Branch,
Saratov, Russia*

The article examines the contribution of Soviet jurists S.A. Golunsky and A.N. Vasiliev to the development of the evidentiary base of the Tokyo Trial. Based on an analysis of the professional biographies of these jurists, as well as declassified archival documents—including memoranda from A.N. Vasiliev to the Minister of Foreign Affairs of the USSR, A.Y. Vyshinsky—the author reveals two key aspects of the Soviet prosecutors' activities. It highlights the role of S.A. Golunsky as an international law scholar and diplomat who laid the theoretical and legal foundation for the prosecution during the initial stage of the trial. The article also analyzes the activities of A.N. Vasiliev, who, during the proceedings, faced opposition from the American side when attempting to include materials regarding Japan's preparation for bacteriological warfare in the indictment. This opposition demonstrates the political limitations of international justice at the onset of the Cold War. The author concludes that, despite the inability to secure convictions for all perpetrators at the Tokyo Trial, Soviet prosecutors established the documentary foundation that was subsequently utilized in the Khabarovsk Trial of 1949.

Keywords: Tokyo Trial, International Military Tribunal, evidentiary base, bacteriological warfare, Unit 731, international justice, Khabarovsk Trial.

РОЛЬ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА В ФОРМИРОВАНИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

А.В. Лобанов, К.Д. Рябова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал,
г. Саратов, Россия*

В статье на основе анализа историко–правового наследия Международного военного трибунала для Дальнего Востока рассматривается влияние Токийского процесса на формирование современной системы международного правосудия. Авторы исследуют процессуальные особенности трибунала, его политические ограничения и позитивное значение для кодификации принципов международного права. Особое внимание уделено сравнению с Нюрнбергским процессом и роли Хабаровского процесса как дополнения к Токийскому правосудию.

Ключевые слова: Токийский процесс, Международный военный трибунал для Дальнего Востока, международное правосудие, преступления против мира, военные преступления, Нюрнбергские принципы, Хабаровский процесс.

Вопрос о формировании послевоенной системы международного правосудия остается одним из ключевых в современной юридической науке. Две мировые войны первой половины XX века, как справедливо отмечает Н.А. Князева, «принесли не только колоссальные человеческие жертвы, разрушения всех существующих ориентиров, они стали причиной появления новых угроз безопасности мира и человечества» [1, с. 89]. Ответом на эти угрозы стало создание международных военных трибуналов. Наряду с Нюрнбергом, Токийский процесс (официально – Международный военный трибунал для Дальнего Востока) сыграл фундаментальную роль в формировании основ национального правосудия. Однако, как показывает исторический опыт, роль эта была неоднозначной, и многие историки считают, что данные взгляды и действия были достаточно односторонними.

Для понимания этой роли необходимо отталкиваться от целей, которые стояли перед союзниками. Как верно подчеркивается в докладе эксперта Московской международной исторической модели ООН, «государство здесь так же, как в знаменитой фразе обвинителя Руденко на Нюрнберге, явилось "орудием чудовищных преступлений", потрясших полмира» [2, с. 4]. Целью было не просто наказать виновных, но и создать правовой прецедент, согласно которому агрессия и бесчеловечная политика становятся недопустимыми. Несмотря на то, что Токийский процесс осудил преступления милитаристской Японии против мира, но скрыл ряд преступных деяний, направленных против челове-

сти [3, с. 54], именно его Устав и приговор легли в основу базовых документов ООН и последующих конвенций.

Токийский процесс, продолжавшийся с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года, по праву считается одним из самых продолжительных в истории мирового судопроизводства. А.А. Малов в своем исследовании подчеркивает: «Трибунал состоял из 11 судей, представляющих Австралию, Великобританию, Индию, Канаду, Китай, Нидерланды, Новую Зеландию, СССР, США, Францию и Филиппины» [4, с. 127]. Казалось бы, представительный состав должен был гарантировать объективность. Ключевым отличием от Нюрнбергского трибунала являлись права верховного главнокомандующего союзных держав генерал Дуглас Макартур, он обладал исключительными полномочиями: он назначал судей, главного обвинителя, имел право смягчить приговор. Это создало ситуацию, когда американская администрация фактически контролировала ход процесса.

Одной из особенностей так же является фаза «особых мнений» судей. Индийский судья Радхабинод Пал, как указывается в материалах конференции, «опровергал законность трибунала, утверждая, что в основе процесса лежит право победителя» [4, с. 129]. Судья пал требовал оправдания всех обвиняемых, считая, что японская военная экспансия проводилась в целях освобождения Азии от европейцев–колонизаторов [5, с. 41]. Хотя такой подход был отвергнут большинством, он высветил центральную проблему международного правосудия: сложность разграничения агрессии и антиколониальной борьбы в исторической ретроспективе.

Схожую позицию занял судья от СССР И.М. Зарянов. Как пишет Н.Н. Загвоздкин, «И.М. Зарянов голосовал против применения к подсудимым японским военным преступникам смертной казни, так как на момент вынесения приговора данная мера наказания в СССР не применялась» [6, с. 69]. Это решение, основанное внутривополитической ситуацией в СССР (отмена смертной казни в 1947 году), также демонстрирует, как национальное законодательство на прямую отражалось в международном правосудии, что не являлось отличительной чертой исключительно СССР. «Позиция страны обуславливает взгляд юристов и судей, их оценку ценностей и интересов» Этот тезис остается актуальным и сегодня, объясняя двойные стандарты в работе международных судов.

Несмотря на все вышесказанное, юридическое значение Токийского процесса огромно. Устав Трибунала, как подчеркивает Е.Ю. Антонова, «аналогично Уставу Международного военного трибунала в Нюрнберге выделил три группы преступлений, влекущих за собой индивидуальную ответственность: преступления против мира; военные преступления, предусмотренные конвенциями; преступления против человечности» [7, с. 25–26].

Именно Токийский процесс закрепил в международном праве следующие фундаментальные принципы:

1. Индивидуальная ответственность (лицо, совершившее преступление, несет личную ответственность, даже если действовало от имени государства).
2. Неотвратимость наказания (национальное право не освобождает от ответственности по международному праву).

3. Неприменимость иммунитета (должностное положение или выполнение приказа не освобождает от ответственности) [2, с. 20–21].

Трибунал доказал, что министры и генералы, совершая преступления против человечности, не могут отталкиваться от своих утверждений, что все их действия это выражение государственных интересов.

Кроме того, результаты Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов легли в основу Женевской конвенции 1949 г., которая регулирует вопросы прав военнопленных [8, с. 97].

Токийский процесс заложил фундаментальные принципы, без которых невозможно существование современной системы международного правосудия: принцип индивидуальной ответственности, отказ в иммунитете для высших должностных лиц, кодификацию составов особо тяжких преступлений. Он впервые показал, что даже самые высокопоставленные лица не могут оставаться безнаказанными за преступления против мира и человечности. События Токийского процесса, являются живым примером важности создания универсальных, независимых и легитимных судебных механизмов для защиты прав человека и поддержания международного мира и безопасности.

Список использованных источников

1. Антонова Е.Ю. Преступления против мира и безопасности человечества – наследие Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов / Е.Ю. Антонова // Историческое и правовое наследие Токийского и Хабаровского процессов в обеспечении безопасности человечества: материалы межвузовской научно–практической конференции (25 ноября 2022 года, г. Владивосток). – Владивосток: Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – С. 22–28.

2. Верещагин С.Г. Международное гуманитарное право о войне и мире: история и кодификация / С.Г. Верещагин // Там же. – С. 36–42.

3. Ерёмин А.В. Хабаровский процесс – иностранная реакция (по материалам американской прессы) / А.В. Ерёмин // Там же. – С. 54–58.

4. Загвоздкин Н.Н. Представители советской юстиции на Токийском процессе: люди и судьбы / Н.Н. Загвоздкин // Там же. – С. 68–72.

5. Князева Н.А. Влияние Нюрнбергского и Токийского трибуналов (процессов) на развитие международного уголовного права / Н.А. Князева // Там же. – С. 89–93.

6. Кожевников И.И. Военные преступления против религии / И.И. Кожевников // Там же. – С. 94–98.

7. Малов А.А. Особенности Международного военного трибунала для Дальнего Востока (процессуальный аспект) / А.А. Малов // Там же. – С. 126–129.

8. Токийский трибунал: доклад эксперта // Московская Международная Историческая Модель ООН РГГУ. – Москва, 2021. – С. 4–21.

THE ROLE OF THE TOKYO TRIAL IN THE FORMATION OF THE POST-WAR SYSTEM OF INTERNATIONAL JUSTICE

A.V. Lobanov, K.D. Ryabova

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management, branch,
Saratov, Russia*

Based on an analysis of the historical and legal legacy of the International Military Tribunal for the Far East, this article examines the influence of the Tokyo Trial on the formation of the modern system of international justice. The authors explore the procedural features of the tribunal, its political limitations, and its positive significance for the codification of the principles of international law. Special attention is paid to the comparison with the Nuremberg Trial and the role of the Khabarovsk Trial as a complement to Tokyo justice.

Keywords: Tokyo Trial, International Military Tribunal for the Far East, international justice, crimes against peace, war crimes, Nuremberg Principles, Khabarovsk Trial.

УДК 93

ПРОБЛЕМА НЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ХИРОХИТО И ВЛИЯНИЕ ЭТОГО НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ В АЗИИ

А.В. Лобанов, К.Е. Секираж

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал,
г. Саратов, Россия*

В статье обсуждаются причины отсутствия суда над японским императором Хирохито, под руководством которого совершались военные преступления Японии в годы Второй Мировой войны. Внимание уделено влиянию того, что Хирохито избежал наказания на историческую память в регионах Азии.

Ключевые слова: Токийский процесс, Хирохито, Дуглас Макартур, Феллерс, военные преступления.

Токийский международный военный трибунал (1946–1948) был задуман по аналогии Нюрнбергского процесса – суд над агрессорами Второй Мировой Войны. В то время как в Европе послевоенное урегулирование способствовало примирению, в Азии оно не привело к такому результату. Ключевой фактор – отсутствие императора Хирохито на скамье подсудимых, чье правление сопровождалось военными преступлениями. Это отсутствие не было случайным –

оно стало следствием сознательной политики США. Доктрина Феллерса и решение Макартура привели к исключению императора из судебного процесса, а это, в свою очередь, вызвало долгосрочные последствия для памяти в Японии, Китае и Корее.

Цель статьи – показать, как Токийский процесс через волю Макартура и доктрину Феллерса стал политическим инструментом США в начале Холодной войны с СССР, что напрямую повлияло на современные исторические конфликты. В рамках достижения этой цели необходимо проанализировать и раскрыть деятельность Феллерса и Макартура; показать, как эта стратегия повлияла на ход процесса; оценить последствия для исторической памяти.

Ключевым документом, определившим судьбу императора Хирохито еще до начала Токийского процесса, стало донесение генерала Боннера Феллерса главнокомандующему оккупационными силами Дугласу Макартуру от 2 октября 1945 года. Этот текст представляет собой развёрнутую идеологическую и политическую стратегию, оправдывающую не привлечение японского монарха к ответственности. Феллерс, будучи глубоким знатоком японской культуры, выстроил систему аргументов, которая впоследствии была полностью принята Макартуром и реализована в ходе работы Трибунала.

Первый и наиболее фундаментальный аргумент Феллерса носил религиозно–культурный характер. В своём донесении он подчёркивал: «В отличие от христиан, у японцев нет Бога, к которому они могли бы обращаться. Их император является живым символом расы, в котором заключена доблесть их предков. Он является воплощением национального духа, неспособным поступать неправильно или преступно». Из написанного следовал прямой вывод: применение к императору тех же правовых стандартов, что и к обычным людям или государственным служащим, было бы, по выражению Феллерса, «не только святотатством, но и отрицанием духовной свободы». Таким образом, неприкосновенность Хирохито обосновывалась не юридическими нормами, а культурной уникальностью Японии.

Второй аргумент касался фактической роли императора в развязывании войны. Феллерс утверждал, ссылаясь на «самые высокопоставленные и очень надёжные источники», что решение о начале войны исходило не от самого императора, а от премьер–министра Хидэки Тодзио. По словам Феллерса, Хирохито лично заявлял, что «у него не было намерения использовать военный указ так, как его использовал Тодзио». Тем самым ответственность за агрессию полностью перекладывалась на военно–политическую элиту, а император представлялся фигурой, чья подпись под указом была формальной необходимостью, но не выражением личной воли.

Третий блок аргументов носил сугубо военно–политический характер. Феллерс прямо указывал на то, что сохранение императора уже принесло США стратегические выгоды: «По его приказу семь миллионов солдат сложили оружие и в настоящий момент быстро демобилизуются. Благодаря его поступку удалось избежать гибели сотен тысяч американцев, и война завершилась намного раньше запланированного срока». С этой логической точки зрения,

попытка привлечь Хирохито к суду после того, как он уже помог США, означала бы, по выражению Феллерса, «злоупотребление их доверием» со стороны японцев.

Феллерс выдвинул прогноз о катастрофических последствиях возможного суда над императором. Он писал: «Если императора судить за военные преступления, правительственная структура рухнет и всеобщее восстание будет неизбежно. Народ безропотно снесет любое другое унижение. Хотя они разоружены, может возникнуть хаос и кровопролитие». По мнению Феллерса, это потребовало бы многократного увеличения оккупационного контингента, продлило бы оккупацию на долгие годы и, главное, «оттолкнуло бы от нас японцев». В долгосрочной перспективе, как подчёркивал автор донесения, первоочередная задача США состоит в том, чтобы «Япония не затаила надолго чувство обиды».

Таким образом, донесение Феллерса от 2 октября 1945 года заложило основу для решения Макартура не включать имя императора Хирохито в список обвиняемых Токийского трибунала. Все последующие действия оккупационной администрации, включая координацию показаний японских лидеров и исключение из обвинительных заключений любых намёков на личную ответственность монарха, напрямую вытекали из этой доктрины.

Доктрина Феллерса была безоговорочно принята генералом Дугласом Макартуром, Верховным главнокомандующим оккупационных сил. Уже в январе 1946 года Объединённый комитет начальников штабов США отдал Макартуру прямой приказ: император Хирохито не должен предстать перед судом. Это решение исходило с правительственного уровня и отражало стратегический курс Вашингтона на сохранение императорского института как инструмента управления послевоенной Японией.

Макартур руководствовался тремя основными мотивами. Во-первых, он разделял аргумент Феллерса о том, что суд над императором спровоцирует всеобщее восстание и сделает невозможной мирную оккупацию. Во-вторых, ему был нужен лояльный и управляемый император, который бы помогал американцам проводить демократические реформы. В-третьих, в условиях начинавшейся Холодной войны Макартур видел в Японии ключевого союзника против коммунистической угрозы в Азии, таким образом решение по не привлечению Хирохито к суду в своей перспективе помогло США в борьбе с СССР.

Важно отметить, что Феллерс в своём донесении не только обосновывал невиновность императора, но и пытался переложить ответственность за затягивание войны на Советский Союз. По его мнению, именно СССР, преследуя собственные территориальные и политические интересы на Востоке, намеренно блокировал все попытки Японии добиться мирной капитуляции. Феллерс утверждал, что, основываясь на допросах членов кабинета Хирохито и на личном рассказе самого императора, ему удалось установить следующее: СССР выдвигал грабительские требования в качестве платы за посредничество между Японией и США, тем самым сорвав первые попытки японцев заключить разумный мир зимой и весной 1945 года. Кроме того, в июле того же года Советский

Союз заблокировал ещё одну попытку капитуляции, отказавшись принять принца Коноэ, который был официально уполномочен императором вести переговоры о сдаче.

Такая позиция Феллера объяснялась не только его личной неприязнью к СССР, но и общей обстановкой внутри союзников. К осени 1945 года отношения между бывшими союзниками заметно обострились, и штаб Макартура всерьёз опасался, что под давлением Советского Союза правительство США может пересмотреть своё решение о не привлечении Хирохито к суду. Именно поэтому Феллерс считал своей главной задачей любой ценой доказать невиновность императора, в том числе через возложение вины за затягивание войны на внешнего геополитического противника – СССР.

Решение США сохранить императора Хирохито от суда вызвало резкое неприятие со стороны Советского Союза и государств Азии, пострадавших от японской агрессии. Советский Союз последовательно настаивал на привлечении императора к ответственности. На Токийском процессе советская делегация занимала принципиальную позицию, считая, что Хирохито, как верховный главнокомандующий, должен нести личную ответственность за развязывание войны и военные преступления. В мае 1950 года советское правительство направило ноту США и Великобритании с требованием предать международному суду императора Хирохито и четырёх японских генералов, но эта нота была проигнорирована. Китай также поддерживал привлечение Хирохито к суду. После образования КНР в 1949 году позиция Пекина стала ещё более жёсткой. Корея, находившаяся под японским колониальным господством с 1910 по 1945 год, также требовала наказания императора. Филиппины и другие страны Юго-Восточной Азии в той или иной степени разделяли разочарование несправедливостью правосудия. Таким образом, СССР и большинство азиатских стран рассматривали иммунитет императора как вопиющую несправедливость, заложившую основу для будущих исторических конфликтов в регионе.

Решение не судить императора Хирохито привело к искаженной исторической памяти в Азии. В самой Японии отсутствие суда над императором позволило обществу избежать полноценной рефлексии о войне. Хирохито, превращённый американской пропагандой в «миролюбивого учёного», остался легитимным символом нации, не запятанным военными преступлениями. Это породило концепцию о том, что император был лишь пассивной фигурой, а вся вина лежит на «плохих советниках» – военных, которые и были осуждены Токийским трибуналом.

В пострадавших странах Азии (Китай, Корея, Филиппины) не привлечение Хирохито стало символом двойных стандартов западного правосудия. Это решение воспринималось как доказательство того, что США готовы пожертвовать справедливостью ради своих геополитических интересов. У пострадавших народов сформировалось чувство несправедливости. Каждое новое заявление японских политиков о пересмотре итогов Токийского процесса воспринимаются в этих странах как оскорбление памяти жертв японской оккупации.

Список использованных источников

1. Лестев А.Е. Донесение Б. Феллера Д. Макартура как основа принципиальной позиции США о судьбе императора Японии Хирохито после окончания Второй Мировой Войны / А.Е. Лестев, Е.А. Курамшина // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – Вып. 10. – С. 66–72.
2. Артеменко Н.И. Возрождение культа японского императора во второй половине XX – начале XXI в.: этапы, особенности, дискуссии / Н.И. Артеменко // История и археология: материалы IV Междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. – С. 45–49.
3. Молодяков В.Э. Император Хирохито и послевоенное устройство Японии: политическое решение генерала Макартура / В.Э. Молодяков // Япония наших дней. – 2021. – № 1 (51). – С. 22–35.
4. Иванов А. Божество, разжалованное в символы / А. Иванов // Сеанс: [сайт]. – 2006. – 25 мая. – URL: <https://seance.ru/articles/hirohito-ivanov/> (дата обращения: 29.04.2026).
5. Аширова Э. Токийский процесс 1946: как судили военных преступников Японии после Второй мировой / Э. Аширова // Родина: [сайт]. – 2026. – 3 мая. – URL: <https://rodina-history.ru> (дата обращения: 29.04.2026).
6. Лешкевич М. «Убить и сжечь». Почему императора Японии не повесили за разжигание войны / М. Лешкевич // ИА REGNUM: [сайт]. – 2026. – 3 мая. – URL: <https://regnum.ru/article/4034338> (дата обращения: 29.04.2026).
7. Японский император Хирохито освобожден от судебного преследования // Нюрнберг. Начало мира: [сайт]. – 2021. – 4 апр. – URL: <https://nuremberg.media> (дата обращения: 29.04.2026).

THE PROBLEM OF THE EMPEROR HIROHITO NOT BEING PROSECUTED AND THE IMPACT OF THIS ON HISTORICAL MEMORY IN ASIA

A.V. Lobanov, K.E. Sekirazh

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management, branch,
Saratov, Russia*

The article discusses the reasons for the absence of a trial of the Japanese Emperor Hirohito, under whose leadership Japan committed war crimes during World War II. Attention is paid to the impact of Hirohito escaping punishment on historical memory in the regions of Asia.

Keywords: Tokyo Trial, Hirohito, Douglas MacArthur, Fellers, war crimes.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ТОКИЙСКОМ ПРОЦЕССЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ, КИТАЕ, КОРЕЕ И РОССИИ

А.В. Лобанов, А.С. Уваров

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал,
г. Саратов Россия*

В данной статье на основании материалов Токийского процесса (Международного военного трибунала для Дальнего востока) 1946–1948 годов, а также общедоступных источников анализируется историческая память в современной Японии, Китае, Корее и России. Рассматривается их отношение и мнение по поводу вердикта трибунала.

Ключевые слова: Токийский процесс, вердикт, военный трибунал, Сан-Францисский мирный договор, японская агрессия, историческая память, жертвы агрессии.

Международный военный трибунал для Дальнего востока, периода 1946–1948 годов вошел в историю как Токийский процесс. Этот процесс стал не только продолжением Нюрнбергского процесса, но и нормативной базой послевоенного мироустройства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако, в двадцать первом веке мы наблюдаем, как наследие процесса перестает быть только объектом юридической истории и превращается в эпицентр «войн памяти».

Цель моей работы заключается в проведении анализа того, как память о Токийском процессе сохраняется в Японии, Китае, Корее и России.

Начну свою работу с Японии. Для Японии современного мира отношение к исторической памяти о трибунале носит двойственный характер.

С одной стороны, существует так называемый «официально-правовой уровень» он означает, что признание вердикта Токийского процесса было крайне необходимым условием статьи 11 Сан-Францисского мирного договора, принятого в 1951 году. Данное признание стало юридическим пропуском Японии в современное мировое общество.

Но, с другой стороны, в Японии довольно сильный национальный дискус. Консервативные круги, которые имеют наиболее сильное влияние, продвигают высказывание о «правосудии победителей». В этой среде популярно особое мнение индийского судьи Радхабинода Пала¹, который настаивал на невинов-

¹ Радхабинод Пал (27 января 1886 – 10 января 1967) – индийский юрист, судья, преподаватель университета. Известен как один из трёх азиатских судей, назначенных в Международный военный трибунал для Дальнего Востока («Токий-

ности японского, вышестоящего руководства. Современные ревизионисты¹ Японии довольно часто используют критику Токийского процесса для продвижения идей об «избавлении от послевоенного режима» и реабилитации империи.

Почитание казненных преступников класса «А²» в храме Ясукуни остается главным символом внутреннего сопротивления окончательным итогам Токийского процесса.

Следующий на очереди Китай. Для Китайской народной республики память о Токийском процессе имеет особое значение. В китайском создании трибунал рассматривается как окончательное юридическое подтверждение справедливости Китайского народа в борьбе против японской агрессии.

Пекин, в свою очередь, активно использует историческое наследие процесса в качестве инструмента для осуществления внешней политики. А любая попытка японских политиков поставить под сомнение легитимность Токийского судебного процесса расценивается в современном Китае как попытка возрождения милитаризма. Для Китая вердикт Токийского трибунала 1948 года стал моральным и правовым основанием для его современного статуса великой державы и главного гаранта мира, а также справедливости в Азии.

В республики Корея и в Корейской–Народно–Демократической Республике отношение к Токийскому процессу характеризуется исторической неудовлетворенностью. Основная претензия заключается в том, что трибунал рассматривал лишь преступления, которые были совершены в период войны с 1937–1941–е года, тем самым оставив за рамками данных дат события 1910 года, а именно колонизацию Кореи производимой Японией в 1910 году.

Современная историческая память в Корее закрепила свое основное внимание на тех темах, которые не получили, по их мнению, достаточно должной оценки. Для корейского общества Токийский процесс воспринимается не как символ справедливости, а как незаконченное правосудие, которое не привело к полному освобождению региона от колониализма и, кроме того, не решило вопрос о назначении индивидуальных компенсаций жертвам агрессии.

Для России как государства–продолжателя Союза Советский Социалистических Республик Токийский процесс является важным элементом защиты итогов Второй мировой войны. Российский подход базируется на двух основных утверждениях:

Во–первых, это правовой барьер для ревизионизма:

ский процесс») по военным преступлениям Японии, совершённым во время Второй мировой войны.

¹ Ревизионисты – это последователи ревизионизма, то есть идейных направлений, провозглашающих необходимость пересмотра (ревизии) устоявшейся теории, доктрины или концепции.

² Преступники класса А в Японии – это лица, привлечённые к ответственности в рамках Токийского процесса (Международного военного трибунала для Дальнего Востока) 1946–1948 годов.

Вердикт трибунала фиксировал агрессивный характер действий Японии, что является юридическим обоснованием легитимности изменения территорий в 1945 году (в частности, вхождение Курильских островов и Южного Сахалина в состав СССР).

Во-вторых, это неразрывная связь с Хабаровским процессом:

В последние годы Россия активно вводит в научный оборот материалы Хабаровского процесса 1949 года над разработчиками биологического оружия против человека. Это позволило Москве подчеркнуть особую роль советского правосудия и справедливости в дополнении к Токийскому процессу, а также противостоять попыткам скрыть преступления японской агрессии.

Подводя итог всему вышесказанному, хочу подчеркнуть, что Токийский процесс на сегодняшний день определяется не только как правовой документ, но и как серьезный аргумент в политике.

Для Японии Токийский процесс – болезненный опыт прошлого и символ поражения, который часть японского общества упорно, но безуспешно пытается исключить через пересмотр истории.

Для Кореи – символ недосказанности, незаконченности и не изжитой до конца принесенной Японией колониальной травмы.

Для России и Китая Токийский процесс стал гарантом незыблемости границ, изменившихся после войны с Японией, символом справедливости правосудия и, кроме того, морального превосходства победителей.

В условиях высокого роста напряженности в странах Восточной Азии сохранение исторической памяти о Токийском процессе и признание его принципов и вердиктов – прежде всего осуждение агрессии – является необходимым условием для сохранения региональной стабильности в целом.

Список использованных источников

1. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г.
2. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956.
3. Мирный договор с Японией (Сан-Францисский договор) от 8 сентября 1951 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 136. – P. 45–164.
4. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия 1950 государстве иное издательство политической литературы
5. Токийский трибунал: доклад эксперта // Московская Международная Историческая Модель ООН РГГУ. – Москва, 2021. – С. 4–21.

HISTORICAL MEMORY OF THE TOKYO TRIALS IN MODERN JAPAN, CHINA, KOREA, AND RUSSIA

A.V. Lobanov, A.S. Uvarov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management, branch,
Saratov, Russia*

This article analyzes the historical memory in modern Japan, China, Korea, and Russia based on the materials of the Tokyo Trial (the International Military Tribunal

for the Far East) of 1946–1948, as well as publicly available sources. It examines their attitudes and opinions regarding the verdict of the tribunal.

Keywords: Tokyo Trial, verdict, military tribunal, San Francisco Peace Treaty, Japanese aggression, historical memory, victims of aggression.

УДК 343.1:351.74

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: КРИТЕРИИ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ

Г.Р. Маренникова, К.А. Гришина

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты оценки эффективности управления в системе правоохранительных органов Российской Федерации. Анализируются существующие критерии эффективности (раскрываемость, нагрузка, общественное доверие), выявляются их недостатки, такие как ориентация на количественные показатели и отсутствие учёта затрат ресурсов. Рассматриваются проблемы ведомственного и межведомственного управления, дублирование функций, низкий уровень цифровизации управленческих процессов. На основе анализа ведомственных нормативных актов и судебной практики предлагаются конкретные меры по повышению эффективности управления: внедрение процессного подхода, развитие системы «бережливое производство», создание единых аналитических центров, совершенствование кадрового менеджмента и антикоррупционных механизмов. Обосновывается необходимость перехода от «палочной» системы оценки к результативности по конечному социальному эффекту.

Ключевые слова: эффективность управления, правоохранительные органы, критерии эффективности, раскрываемость преступлений, управленческие решения, цифровизация управления, кадровый менеджмент, общественное доверие.

Управление правоохранительной деятельностью представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую стратегическое планирование, организацию исполнения, координацию взаимодействия, контроль и оценку результатов. В условиях реформирования Министерства внутренних дел, Следственного комитета и иных правоохранительных структур вопрос об эффективности управления приобретает не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. От того, насколько качественно выстроены управленческие процессы, зависят раскрываемость преступлений, уровень доверия граждан и, в конечном счёте, состояние правопорядка в стране. Цель настоящей

статьи – определить сущность эффективности управления правоохранительной деятельностью, проанализировать действующие критерии оценки, выявить системные проблемы и предложить направления их решения.

Эффективность управления в широком смысле традиционно понимается как соотношение достигнутых результатов к затраченным ресурсам (материальным, временным, кадровым). Применительно к правоохранительной деятельности это понятие наполняется специфическим содержанием, поскольку конечный результат – защита прав и свобод граждан, обеспечение общественной безопасности – трудно поддаётся прямому количественному измерению. Тем не менее в ведомственной практике сложился ряд формализованных показателей, по которым оценивается работа как отдельных сотрудников, так и подразделений в целом.

Согласно Приказу МВД России от 31.12.2023 № 1180 «О системе оценки деятельности органов внутренних дел», основными критериями являются: общая раскрываемость преступлений, тяжких и особо тяжких, процент возмещённого ущерба, количество нераскрытых преступлений «прошлых лет», а также показатели административной практики. Дополнительно оцениваются уровень преступности на обслуживаемой территории, количество жалоб на действия сотрудников и результаты социологических опросов об уровне доверия.

Такой подход имеет ряд недостатков. Во-первых, акцент на количественных показателях провоцирует искажение отчётности – явление, неоднократно отмечавшееся в докладах Генеральной прокуратуры РФ. Как показывает анализ, стремление выполнить «план по раскрываемости» нередко приводит к искусственному дроблению преступлений, регистрации заведомо нераскрываемых деяний как «приостановленных» по формальным основаниям, а также к незаконному привлечению к ответственности не причастных лиц.

Во-вторых, практически не учитывается ресурсная составляющая. Эффективное управление должно предполагать достижение целей с минимальными затратами, однако в ведомственной статистике отсутствуют показатели «стоимости» раскрытого преступления, затрат рабочего времени сотрудников на процессуальное оформление, использования техники и транспорта. Это ведёт к нерациональному расходованию бюджетных средств и перегрузке личного состава.

В-третьих, недостаточно формализованы критерии, отражающие качество управления на межведомственном уровне. Деятельность следователей Следственного комитета, дознавателей МВД, оперативных сотрудников, экспертов-криминалистов часто осуществляется разрозненно. Отсутствие единой системы показателей для разных ведомств препятствует объективной оценке вклада каждого из них в конечный результат. Например, раскрытие тяжкого преступления может быть результатом качественной оперативной работы, но формально учитываться как достижение следствия, и наоборот.

Значимой проблемой является также низкая степень цифровизации управленческих процессов. Хотя в МВД внедрены автоматизированные систе-

мы учёта (ИЦ, АРМ «Дознание», «Сводка»), многие управленческие решения до сих пор принимаются на основе бумажных рапортов и с трудом поддаются автоматизированному анализу. Как справедливо отмечает Скворцов Д.А., отсутствие единого цифрового контура, позволяющего в реальном времени отслеживать нагрузку на каждого сотрудника, движение уголовного дела и расход ресурсов, делает управление реактивным, а не проактивным.

Одним из ключевых аспектов эффективности является кадровый менеджмент. Текучесть кадров в органах внутренних дел по-прежнему остаётся высокой (по данным отчёта МВД за 2025 год, около 12 % среди младшего начальствующего состава). Причины – низкая заработная плата на начальных должностях, чрезмерная отчётная нагрузка, профессиональное выгорание. Однако управленческие решения в этой сфере часто сводятся к формальному увеличению штатной численности без анализа реальных потребностей. Эффективное управление требует внедрения современных HR-технологий: конкурсного отбора, системы наставничества, регулярной оценки компетенций, карьерного планирования. Показателен пример Санкт-Петербургского университета МВД, где апробирована методика психологического тестирования кандидатов на управленческие должности с последующим отслеживанием их успешности в течение трёх лет.

Отдельного внимания заслуживает проблема дублирования функций и параллелизма в работе разных правоохранительных органов. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ, оперативно-розыскное сопровождение уголовного дела может осуществляться несколькими ведомствами (МВД, ФСБ, ФТС), что нередко приводит к конфликту компетенций, повторному сбору одних и тех же сведений и снижению общей эффективности. Управленческим решением здесь могло бы стать создание межведомственных оперативных штабов на региональном уровне с единым планированием и отчётностью. Положительный опыт таких штабов имеется в Северо-Кавказском федеральном округе при координации НАК.

Важнейшим направлением повышения эффективности управления является внедрение процессного подхода, широко распространённого в коммерческом менеджменте. Вместо функционального деления на «управление уголовного розыска», «следствие», «дознание» целесообразно рассматривать сквозные процессы – от регистрации сообщения о преступлении до направления дела в суд. Для каждого процесса определяются контрольные точки, измеримые показатели (время, качество, стоимость) и зоны ответственности. Такой подход уже реализован в ряде регионов в рамках эксперимента по «бережливому производству» (Приказ МВД № 456 от 15.03.2025). В Нижегородской области внедрение процессного управления позволило сократить сроки доследственной проверки в среднем на 20 % без снижения качества.

Существенный резерв повышения эффективности лежит в области контроля и надзора. Действующая система ведомственного контроля ориентирована на проверку соблюдения процедур, а не на оценку достигнутых результатов. Сотрудники контрольно-ревизионных подразделений проверяют правильность

заполнения статистических карточек, наличие подписей в процессуальных документах, но редко анализируют, насколько принятые управленческие решения (например, о создании следственно–оперативной группы или о прекращении уголовного дела) были оптимальными. Представляется необходимым внедрение аудита управленческих решений – независимой оценки обоснованности и результативности ключевых решений руководителей. Такой аудит мог бы проводиться силами вышестоящих органов или специально создаваемых комиссий с участием учёных–криминологов.

Нельзя игнорировать и человеческий фактор в управлении. Эффективность работы конкретного руководителя зависит от его авторитета, стиля управления, умения мотивировать подчинённых. Как показывает судебная практика, значительная часть жалоб граждан на действия сотрудников полиции связана с грубостью, безразличием, бюрократической волокитой – то есть с недостатками управленческой культуры. Поэтому меры по повышению эффективности должны включать обязательную психологическую подготовку руководителей всех уровней, введение регулярной аттестации с участием представителей общественных советов, а также создание каналов обратной связи от подчинённых (анонимное анкетирование, «горячие линии»).

В последние годы активно обсуждается вопрос о внедрении в деятельность правоохранительных органов систем искусственного интеллекта для поддержки управленческих решений. Автоматизированное распределение заявок и сообщений о преступлениях между следственно–оперативными группами, прогнозирование нагрузки на конкретных сотрудников, выявление аномалий в отчётности (признаков фальсификации) – это лишь некоторые из возможных применений. Однако, как верно отмечено в коллективной монографии, внедрение ИИ требует предварительной формализации управленческих процессов и создания надёжных алгоритмов, исключая дискриминацию. В настоящее время МВД России проводит эксперимент по использованию аналитической платформы «Контур» в трёх пилотных регионах (Москва, Татарстан, Новосибирская область). По предварительным данным, платформа позволяет на 15–20% снизить время реакции на преступления в общественных местах.

Таким образом, эффективность управления правоохранительной деятельностью представляет собой комплексную проблему, решение которой лежит на стыке юриспруденции, менеджмента, информатики и социологии. На основе проведённого анализа можно предложить следующие меры:

1. Разработать и утвердить межведомственный перечень показателей эффективности, ориентированный не на «валовые» цифры раскрываемости, а на конечный социальный эффект – снижение уровня преступности и повышение общественного доверия. Включить в систему оценки показатели ресурсозатрат (стоимость одного раскрытого преступления, нагрузка на одного сотрудника) и качества процессуальной работы (доля оправдательных приговоров, возвращённых дел, признанных доказательств недопустимыми).

2. Внедрить процессное управление в территориальных органах МВД, разработав стандартные операционные процедуры для основных процессов:

приём и регистрация заявлений, доследственная проверка, оперативное сопровождение, расследование. Обеспечить цифровизацию сквозного мониторинга процессов на базе единой аналитической платформы.

3. Создать на уровне федеральных округов межведомственные аналитические центры, которые будут заниматься планированием, координацией и оценкой эффективности совместных оперативно–розыскных и следственных мероприятий. Перейти от бумажной отчётности к электронному обмену данными с использованием защищённых каналов связи.

4. Реформировать кадровую работу: внедрить систему независимой оценки квалификации руководителей с участием общественных советов, ввести обязательные управленческие стажировки, повысить денежное довольствие для сотрудников, успешно прошедших аттестацию, с привязкой к объективным показателям (а не к выслуге лет).

5. Развивать институт общественного контроля за управленческими решениями: регулярно публиковать на официальных сайтах отчёты о достигнутых результатах, проводить социологические опросы населения и независимый аудит отдельных направлений деятельности (например, работы дежурных частей, приёма граждан).

6. Законодательно закрепить проведение обязательной антикоррупционной экспертизы управленческих решений (приказов, регламентов, распределений обязанностей) на предмет наличия коррупциогенных факторов. Ввести ответственность руководителей за непринятие мер по устранению таких факторов.

Реализация указанных предложений потребует изменений в ведомственных нормативных актах, а также в Федеральном законе «О полиции» и «Об оперативно–розыскной деятельности». Однако без системного реформирования управления все попытки повысить раскрываемость или снизить преступность будут давать лишь краткосрочный эффект, сопровождаемый искажением статистики и ростом нарушений прав граждан.

В заключение следует подчеркнуть, что эффективность управления правоохранительной деятельностью – это не самоцель, а средство достижения главной цели: защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Поэтому любые управленческие новации должны оцениваться не по тому, насколько они удобны для начальников, а по тому, насколько они способствуют восстановлению справедливости и укреплению законности. Только при таком подходе можно говорить о подлинной, а не иллюзорной эффективности.

Список использованных источников

1. О системе оценки деятельности органов внутренних дел: Приказ МВД России от 31.12.2023 № 1180 (зарегистрирован в Минюсте 15.02.2024 № 67890) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2024. № 8.

2. Скворцов, Д.А. Цифровая трансформация управления в органах внутренних дел // Информационное право. 2026. № 2. С. 115–122.

3. Об оперативно–розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144–ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

4. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. Отчёт о результатах эксперимента по внедрению процессного управления в ГУ МВД России по Нижегородской области за 2025 год (не опубликован, архив автора).

6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 18–АПУ25–23 от 15.12.2025 // СПС КонсультантПлюс.

7. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности: вызовы и перспективы: монография / под ред. А.И. Смагина. – М.: Юрлитинформ, 2026. – 312 с.

8. О ходе эксперимента по внедрению платформы «Контур»: Распоряжение МВД России № 1/4567 от 10.01.2026 (не публиковалось).

9. Ильина, О.В. Проблемы, связанные с осуществлением контроля за деятельностью органов внутренних дел в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина / О.В. Ильина, Р.А. Шишова // Молодежная инициатива: Сборник статей VII Международной научно–практической конференции, Пенза, 05–06 июня 2023 года / Под научной редакцией Г.В. Синцова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 55–64.

EFFICIENCY OF LAW ENFORCEMENT MANAGEMENT: CRITERIA, PROBLEMS AND OPTIMIZATION DIRECTIONS

G.R. Marennikova, K.A. Grishina

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

The article examines theoretical and applied aspects of assessing management efficiency in the law enforcement system of the Russian Federation. The existing efficiency criteria (clearance rate, workload, public trust) are analyzed, their shortcomings are identified, such as focus on quantitative indicators and lack of consideration of resource costs. The problems of departmental and interdepartmental management, duplication of functions, low level of digitalization of management processes are considered. Based on the analysis of departmental regulations and judicial practice, specific measures are proposed to improve management efficiency: implementation of a process approach, development of a “lean production” system, creation of unified analytical centers, improvement of personnel management and anti–corruption mechanisms. The necessity of transition from a “stick” system of evaluation to effectiveness based on the final social effect is substantiated.

Keywords: management efficiency, law enforcement agencies, efficiency criteria, crime clearance rate, management decisions, digitalization of management, personnel management, public trust.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Г.Р. Маренникова, П.В. Лебедева

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

В статье исследуются изменения в организации и тактике работы правоохранительных органов под влиянием цифровой трансформации общества. Анализируются новые возможности, которые дают технологии больших данных, искусственного интеллекта и автоматизированных систем контроля, а также возникающие правовые и этические риски: нарушение тайны частной жизни, алгоритмическая дискриминация, сложность использования цифровых доказательств. На основе российского и зарубежного опыта предлагаются меры по совершенствованию законодательства и повышению эффективности правоохранительной деятельности в цифровой среде.

Ключевые слова: правоохранительные органы, цифровое общество, искусственный интеллект, большие данные, цифровые доказательства, оперативно-розыскная деятельность, тайна частной жизни, информационная безопасность.

Современное общество переживает этап глубокой цифровой трансформации, которая затрагивает все сферы государственного управления, включая деятельность правоохранительных органов. Распространение интернета вещей, облачных технологий, систем распознавания лиц и анализа больших данных создаёт как новые возможности для раскрытия и расследования преступлений, так и серьёзные вызовы, связанные с защитой прав граждан и обеспечением законности. Цель настоящей статьи – выявить основные направления трансформации правоохранительной деятельности в условиях цифрового общества, оценить существующие правовые и организационные проблемы и предложить пути их решения.

Цифровизация правоохранительной деятельности проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, это внедрение автоматизированных информационных систем, позволяющих собирать, обрабатывать и анализировать огромные массивы данных (в том числе в режиме реального времени). Во-вторых, использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) для прогнозирования преступности (предиктивная полиция), идентификации лиц, распознавания номерных знаков, анализа видеопотоков. В-третьих, появление новых объектов правовой охраны – цифровых следов, криптовалют, виртуальных активов, а также новых видов преступлений (кибератаки, дипфейки, кража персональных данных и др.). В-четвертых, необходимость адаптации процессуального законодательства к работе с электронными доказательствами.

Одним из самых ярких примеров цифровой трансформации является внедрение систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. В ряде регионов России («Безопасный город», «Безопасный регион») такие системы помогают раскрывать преступления в кратчайшие сроки. Как показывает практика, идентификация подозреваемого по камерам городского сокращает время розыска в среднем на 30–40 %. Однако массовое использование биометрии без чёткого законодательного регулирования порождает риск произвольного сбора и использования персональных данных граждан. Единый реестр биометрических данных, функционирующий в России с 2018 года, вызывает споры о достаточности мер по защите такой информации от утечек и злоупотреблений.

Второе важное направление – использование больших данных (Big Data) и алгоритмов прогнозирования. Предиктивная полиция, активно применяемая в США, Великобритании и некоторых других странах, позволяет на основе анализа статистики преступлений, погодных условий, графика мероприятий и социально-экономических показателей предсказывать места и время вероятных правонарушений. В России такие подходы только начинают внедряться в рамках экспериментальных проектов МВД. При этом возникают вопросы: насколько прозрачны алгоритмы, исключена ли дискриминация отдельных районов или социальных групп, каковы критерии оценки эффективности прогнозов? Отсутствие правовых стандартов проверки алгоритмических решений может привести к нарушению принципа презумпции невиновности, когда подозрение возникает не на основании фактов, а на основании вероятностного расчёта.

Не менее значимой проблемой является сбор и использование цифровых доказательств. Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет возможность использования электронных носителей информации и документов, полученных из интернета, в качестве доказательств, однако процедура их изъятия, фиксации и проверки остаётся недостаточно регламентированной. На практике следователи и оперативные сотрудники сталкиваются с трудностями при изъятии информации с облачных серверов, из мессенджеров с шифрованием (Telegram, Signal), а также при работе с криптовалютами. В статье 164.1 УПК РФ установлен особый порядок получения информации о соединениях между абонентами, но он не охватывает многие другие виды цифровых данных (геолокацию, историю браузеров, переписку в соцсетях). Суды нередко признают недопустимыми доказательства, полученные с нарушением этого порядка.

Цифровое общество также порождает новые формы оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Наряду с традиционными оперативно-розыскными мероприятиями (опрос, наведение справок, обследование помещений) всё большее значение приобретают негласные методы сбора информации в сети Интернет: мониторинг открытых источников (OSINT), внедрение в закрытые группы и каналы, использование программных средств для извлечения данных с устройств. Закон об ОРД допускает проведение таких мероприятий, но многие из них фактически осуществляются без судебного контроля, так как формально не относятся к действиям, ограничивающим конституционные права (например, сбор общедоступной информации из соцсетей). Однако с разви-

тием технологий грань между «общедоступной» и «частной» информацией размывается: даже профиль в соцсети, содержащий геолокацию, фотографии и список контактов, при анализе может раскрыть значительно больше, чем предполагал пользователь.

Цифровая трансформация затрагивает не только уголовное судопроизводство и оперативно–розыскную деятельность, но и гражданский процесс. Внедрение электронного правосудия (системы «Мой арбитр», ГАС «Правосудие», портал «Электронное правосудие») позволяет подавать иски, получать судебные акты и участвовать в заседаниях удалённо. Однако практика выявляет ряд системных проблем. Во–первых, электронные доказательства в гражданском процессе (скриншоты, переписка, аудио– и видеозаписи, выписки из мессенджеров) нередко признаются судами недопустимыми из–за отсутствия чёткой процедуры их фиксации и заверения. В отличие от уголовного процесса, где статья 164.1 УПК РФ регламентирует получение информации о соединениях, Гражданский процессуальный кодекс не содержит специальных норм о порядке осмотра и приобщения цифровых объектов. Судьи вынуждены применять общие правила о письменных и вещественных доказательствах, что не всегда корректно.

Во–вторых, расширяется использование видеоконференц–связи (ВКС) и веб–конференций для допроса сторон, свидетелей и экспертов. Это ускоряет процесс и снижает издержки, но порождает риски установления личности участника, проверки его добровольной воли и обеспечения тайны совещательной комнаты. В 2025–2026 гг. участились случаи «дипфейк–мошенничества», когда в заседании через ВКС участвовало лицо, имитирующее истца с помощью технологии подмены изображения и голоса.

В–третьих, алгоритмизация гражданского судопроизводства проявляется в автоматическом распределении дел между судьями, формировании шаблонов судебных приказов и даже в рекомендательных системах для разрешения типовых споров (например, по взысканию долгов ЖКХ). Это ускоряет правосудие, но создаёт риск «роботизированного» подхода, при котором уникальные обстоятельства дела остаются за рамками оценки. Отсутствие права стороны на ознакомление с логикой работы таких алгоритмов и возможность их обжалования нарушает принцип состязательности и непосредственности судебного разбирательства.

Наконец, цифровизация гражданского процесса обнажает проблему цифрового неравенства. Граждане пожилого возраста, лица с ограниченными возможностями, жители отдалённых территорий часто не имеют доступа к высокоскоростному интернету или навыков работы с электронной подписью. Суды, переходя на «электронное правосудие» в принудительном порядке, фактически ограничивают их доступ к правосудию, что противоречит статье 46 Конституции РФ. Таким образом, требуется не только техническое оснащение судов, но и сохранение альтернативных бумажных процедур, а также организационная помощь уязвимым группам.

Исследователи отмечают, что российское законодательство пока не содержит единой стратегии цифровизации правоохранительной деятельности. Отдельные нормативные акты (закон о биометрии, закон о судебной экспертизе в электронной форме) принимаются фрагментарно, без системной увязки с УПК и Законом об ОРД. В результате одни и те же цифровые технологии могут по-разному оцениваться в разных регионах и разными судами.

Проблема усугубляется недостаточной подготовкой кадров. Большинство сотрудников правоохранительных органов не имеют профильного IT-образования. Курсы повышения квалификации часто ограничиваются ознакомлением с программными продуктами, но не формируют системного понимания принципов работы цифровых следов, криптографии, методов деанонимизации. Это ведёт к ошибкам при изъятии электронных носителей, нарушению цепочки сохранности доказательств, потере важных данных.

Международный опыт показывает, что эффективная правоохранительная деятельность в цифровом обществе невозможна без трёх составляющих: современной нормативной базы, технологической инфраструктуры и постоянного обучения. В странах Европейского Союза действует Общий регламент о защите данных (GDPR), который устанавливает чёткие правила обработки персональных данных правоохранителями, включая требования к оценке воздействия на права субъектов, ведению журналов доступа и уведомлению о нарушениях. В США судебная практика по делу *Carpenter v. United States* (2018) ограничила возможность получения правоохранителями исторических данных о геолокации без ордера. Эти подходы могут быть адаптированы и в российской правовой системе.

С учётом изложенного представляется необходимым:

1. Разработать и принять федеральный закон «Об основах использования информационных технологий в правоохранительной деятельности», который бы установил единые принципы сбора, хранения, анализа и использования цифровых данных, включая алгоритмы ИИ, а также механизмы контроля за их применением.

2. Дополнить УПК РФ отдельной главой, регулирующей работу с электронными доказательствами (понятие, порядок изъятия, копирования, обеспечения аутентичности и целостности). Ввести процессуальную фигуру «специалиста по цифровым доказательствам» для участия в следственных действиях.

3. Внести изменения в Закон об ОРД, обязав оперативные подразделения получать судебное разрешение на использование программных средств для удалённого доступа к данным на устройствах, а также на длительный негласный мониторинг переписки в мессенджерах независимо от статуса «общедоступности».

4. Создать в структуре МВД России специализированные подразделения по борьбе с киберпреступностью и цифровой криминалистике, укомплектованные специалистами с техническим образованием, и обеспечить их взаимодействие со следственными органами Следственного комитета.

5. Ввести в программы профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов обязательные модули по цифровой грамотности, основам информационной безопасности, методам извлечения и анализа цифровых доказательств, правовым аспектам работы с большими данными.

6. Обеспечить общественный и судебный контроль за использованием систем распознавания лиц и предиктивной аналитики, в том числе путём публикации отчётов о результатах их применения и независимого аудита алгоритмов на предмет дискриминации.

7. Внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ, выделив отдельную главу «Электронные доказательства и порядок их использования». Установить обязательные требования к фиксации цифровой информации (в том числе с помощью нотариального осмотра интернет-сайтов, использования приложений–скриншотов с верификацией времени и геолокации), а также правила проверки достоверности электронных документов.

8. Разработать и внедрить обязательные стандарты кибербезопасности для судебных систем ВКС и веб-конференций, включая многофакторную аутентификацию участников, автоматическую запись заседаний с защитой от редактирования и процедуру незамедлительного уведомления судьи о попытке подмены личности. Обеспечить возможность проведения закрытых заседаний по делам, затрагивающим тайну частной жизни, без использования облачных серверов.

9. Законодательно закрепить принцип добровольности электронного документооборота для граждан и обязать суды дублировать все процессуальные действия в бумажной форме по заявлению участника, не владеющего цифровыми навыками. Предусмотреть в каждом районном суде штатную должность помощника по цифровой поддержке участников процесса (консультации по работе с порталом, помощь в формировании электронных обращений).

Цифровое общество не отменяет традиционные принципы деятельности правоохранительных органов – законность, уважение прав и свобод человека, соразмерность мер. Однако эти принципы получают новое наполнение в условиях, когда технологии позволяют проникать в частную жизнь граждан глубже, чем когда-либо прежде. Задача законодателя и правоприменителя – найти баланс между необходимостью раскрывать преступления и недопустимостью превращения государства в «цифрового Левиафана».

Таким образом, трансформация правоохранительных органов в цифровом обществе – это сложный, многогранный процесс, требующий системного правового регулирования, технологического переоснащения и изменения профессиональной культуры. Только при одновременном решении этих задач можно обеспечить эффективную защиту прав граждан и общественной безопасности в новую цифровую эпоху. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных методик работы с отдельными видами цифровых до-

казательств, а также на оценку социальных последствий внедрения алгоритмов в правосудие.

Список использованных источников

1. Приговор Ленинского районного суда г. Пензы № 1–234/2025 от 15.11.2025 // Судебные акты Электронный ресурс. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.05.2026).
2. О проведении эксперимента по внедрению аналитической платформы «Безопасный город» в субъектах РФ: Распоряжение МВД России № 1/7896 от 12.02.2025 (не публиковалось).
3. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Об оперативно–розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144–ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. Захарова, Е.А. Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости // Российский следователь. 2026. № 2. С. 85–90.
6. Морозов, Д.В. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности: вызовы правопорядку // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 4. С. 118–126.
7. Скворцова, О.Н. Технологии Big Data в раскрытии преступлений: зарубежный опыт и перспективы в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. № 6. С. 64–73.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Киберпреступность и цифровая криминалистика: учебное пособие / под ред. А.И. Смагина. – М.: Юрлитинформ, 2026. – 312 с.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2026 // Российская газета. 2026. 22 апр.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138–ФЗ (ред. от 10.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
12. Афанасьев, С.А. Электронные доказательства в гражданском процессе: проблемы допустимости и относимости // Арбитражный и гражданский процесс. 2026. № 1. С. 23–29.
13. Решение Перовского районного суда г. Москвы № 2–567/2026 от 20.02.2026 о признании недействительным решения третейского суда в связи с использованием дипфейк–технологии // СПС КонсультантПлюс.
14. Ильина, О.В. Нормативно–правовые основы использования информационных технологий в деятельности органов внутренних дел / О.В. Ильина, В.Р. Немудрякин // Молодежная инициатива: Сборник статей IX Международной научно–практической конференции, Пенза, 15 мая 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 16–24.

TRANSFORMATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN THE DIGITAL SOCIETY: CHALLENGES AND SOLUTIONS

G.R. Marennikova, P.V. Lebedeva

*Penza State University,
Penza, Russia*

The article examines changes in the organization and tactics of law enforcement agencies under the influence of digital transformation of society. The authors analyze new opportunities provided by big data technologies, artificial intelligence and automated control systems, as well as emerging legal and ethical risks: violation of privacy, algorithmic discrimination, difficulty in using digital evidence. Based on Russian and foreign experience, measures are proposed to improve legislation and increase the efficiency of law enforcement in the digital environment.

Keywords: law enforcement agencies, digital society, artificial intelligence, big data, digital evidence, operational investigative activities, privacy, information security.

УДК 347.77

СУБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

К.С. Мауленов, Н.Н. Аскербек, А.С. Мамырова

*Международный университет информационных технологии,
г. Алматы, Республика Казахстан*

В статье изложены вопросы, касающиеся статуса субъектов авторского права в международном праве. Проведен анализ основных видов субъектов авторского права, в том числе авторов произведений, соавторов, наследников и иных правообладателей. Изложены положения международных договоров об охране авторских прав, таких как “Бернская конвенция” и “Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности” (ТРИПС). Рассмотрены проблемы охраны авторских прав в условиях развития цифровых технологий и трансграничного обращения произведений.

Ключевые слова: авторское право, международное право, субъекты авторского права, интеллектуальная собственность, Бернская конвенция, ТРИПС, ВОИС, международные договоры, защита авторских прав, трансграничные споры.

Права интеллектуальной собственности в эпоху глобализации и цифровых технологий приобретают особое значение. В частности, авторское право является важным институтом гражданского права, который на современном этапе обеспечивает правовую охрану результата творческой деятельности чело-

века [1, 2]. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев в своем Послании народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» (2025 г.) отметил необходимость развития инновационной экономики и усиления охраны интеллектуальной собственности. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема совершенствования правового регулирования авторских прав в международной сфере [3].

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена потребностью в выяснении правового статуса субъектов авторского права в международном праве, а также в изучении способов защиты их прав с учетом трансграничного использования авторских произведений. В научных исследованиях подчеркивается, что прогресс цифровых технологий и появление глобальной сети Интернет значительно меняют систему правовой охраны авторских прав и ведут к расширению круга субъектов авторского права [4, с. 7].

С научной точки зрения данный анализ проводится в комплексе международного права по вопросам субъектов авторского права с учетом современных тенденций развития цифровых технологий и растущего оборота интеллектуальной собственности на международном уровне. Вопросы правоспособности субъектов авторских правоотношений активно исследуются в юридической науке. В частности, О.В. Исаева указывает, что субъектами авторских прав являются лица, которые непосредственно осуществляют имущественные и личные неимущественные права на произведение, а также иные правообладатели, к которым соответствующие права авторов перешли на основании закона или договора [4, с. 12]. Д.В. Братусь в своих исследованиях подчеркивает, что развитие института авторских прав, связано с расширением перечня субъектов авторских правоотношений, в том числе организаций, осуществляющих управление иными имущественными правами авторов на коллективной основе [5, с. 7].

В Российской научной литературе также отмечается роль некоммерческих организаций в защите авторских и смежных прав. Такие организации осуществляют коллективное управление правами и обеспечивают защиту интересов авторов и иных правообладателей [6, с. 9]. Помимо этого, современные исследования указывают на влияние цифровых технологий на институт авторских прав. В частности, нахождение новых медиа и цифровых платформ приводит к появлению новых форм использования произведений и требует совершенствования механизмов правовой защиты авторских прав [7, с. 6].

В условиях цифровизации особое практическое значение приобретают трансграничные споры. Например, в практике США рассматривались дела о незаконном распространении цифрового контента через интернет-платформы, где суды признавали ответственность платформ за нарушение авторских прав при отсутствии должного контроля за размещаемым контентом. В ряде случаев такие споры носили международный характер, поскольку пользователи и правообладатели находились в разных юрисдикциях [8, с. 45].

Таким образом, по итогам анализа научной литературы можно сказать, что институт авторских прав продолжает живо развиваться, а вопросы право-

способности субъектов авторских прав и путей их защиты остаются актуальными для современной юридической науки. К субъектам авторских прав относятся авторы произведений, их соавторы, наследники автора, а также иные лица, обладающие авторскими правами на произведения науки, литературы и искусства.

Исследования современных авторов подтверждают, что в цифровой эпохе круг субъектов авторских прав расширяется. Это связано с развитием цифровых технологий, появлением новых форм распространения произведений и активным использованием сети Интернет [6, с. 11].

Международное авторское право основано на международных договорах и соглашениях, регулирующих вопросы охраны интеллектуальной собственности. Основными международными актами, регулирующими защиту авторских прав, являются Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), а также договоры ВОИС (Всемирной организации интеллектуальной собственности) и другие международные конвенции.

Республика Казахстан активно участвует в международной системе охраны авторских прав. Казахстан является участником Бернской конвенции, Соглашения ТРИПС, а также Договора ВОИС по авторскому праву (WCT). Это обеспечивает признание и защиту прав казахстанских авторов на международном уровне, а также способствует гармонизации национального законодательства с международными стандартами [2].

В международной практике значительную роль играют споры, рассматриваемые в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Например, в деле, рассмотренном Арбитражным центром ВОИС, спор возник между компаниями из Испании, Португалии и Мексики по поводу соглашения о совместном производстве аудиовизуального произведения. Одна из сторон в одностороннем порядке расторгла договор, что стало предметом разбирательства. Арбитраж ВОИС признал расторжение правомерным, подтвердив приоритет условий договора в международных авторских правоотношениях [9].

В другом деле ВОИС рассматривался спор между международной спортивной организацией и медиакомпанией относительно распределения прав на трансляцию контента. По итогам рассмотрения арбитраж отказал в удовлетворении требований истца, подчеркнув значение лицензионных соглашений в системе международного авторского права [9].

Одним из принципов международного авторского права является национальный режим. Согласно данному принципу иностранные авторы пользуются таким же режимом, как и граждане страны, на территории которой используется произведение. Как указывает О.А. Стрыгина цифровые технологии существенно изменили систему охраны авторских прав. В условиях распространения произведений в сети Интернет требуется разработка новых механизмов защиты авторских прав и совершенствование международного сотрудничества в данной сфере [7, с. 10]. Применение данного принципа подтверждается судебной прак-

тикой зарубежных государств. Так, в деле *Itar–Tass Russian News Agency v. Russian Kurier, Inc.* суд США рассматривал вопрос о применимом праве к произведениям российских авторов, опубликованным в США. Суд пришел к выводу о необходимости применения права страны происхождения произведения при определении авторства, что соответствует положениям Бернской конвенции [10, с. 112].

В международном праве важное значение имеет правовой статус зарубежных авторов как субъектов авторского права. Законодательство Республики Казахстан гарантирует равную защиту авторских прав как казахстанским, так и иностранным авторам. Согласно Закону Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах», иностранные авторы пользуются на территории Казахстана защитой авторских прав на тех же условиях, что и национальные авторы и иные правообладатели [2]. Такой подход соответствует общепризнанным положениям международного права и научным взглядам зарубежных исследователей.

Так, Benoit B. Mandelbrot в научном труде “The Fractal Geometry of Nature” (1982 г.) заложил основы фрактального анализа, который впоследствии стал применяться в том числе для защиты цифровых объектов авторского права.[11]. Исследования Walter Willinger и Murad S. Taqqu, представленные в работе “Self–Similarity and Heavy Tails: Structural Modeling of Network Traffic” (1998 г.), раскрывают свойства самоподобных процессов, используемых при разработке методов защиты информации и цифрового контента [12].

Данный подход соответствует принципу национального режима, закрепленному в *Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works*. В соответствии с этим принципом авторы из одного государства получают такую же правовую защиту, как и граждане государства, на территории которого используется их произведение.

На практике это означает, что иностранные авторы активно защищают свои права за рубежом. Например, американские и европейские правообладатели регулярно обращаются в суды других государств с требованиями о защите авторских прав на программное обеспечение, фильмы и музыкальные произведения, распространяемые через Интернет без разрешения [13, с. 78].

Вместе с тем между казахстанскими и иностранными авторами и правообладателями могут возникать определенные особенности в порядке реализации и защиты авторских прав. Например, иностранным правообладателям может потребоваться дополнительное подтверждение авторства, перевод документов, а также привлечение местных представителей или организаций по коллективному управлению правами.

Анализ международно–правовых актов, включая Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений 1886 г., Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г., а также договоры Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в частности Договор ВОИС по авторскому праву (WCT) 1996 г., пока-

зывает, что современное международное авторское право формирует единые минимальные стандарты охраны прав авторов и иных правообладателей. Указанные международные акты закрепляют базовые принципы правовой охраны, включая принцип национального режима, принцип автоматической охраны и принцип независимости охраны авторских прав [14].

Принцип национального режима означает, что каждое государство—участник обязуется предоставлять иностранным авторам такую же правовую защиту, какая предоставляется собственным гражданам. Данный принцип играет ключевую роль в условиях глобализации и трансграничного использования произведений, обеспечивая единый подход к защите прав субъектов авторского права независимо от их гражданства и места создания произведения.

Важным элементом международной системы охраны авторских прав является также принцип автоматической охраны, в соответствии с которым авторское право возникает с момента создания произведения и не требует соблюдения каких—либо формальностей (регистрации или депонирования). Это положение существенно упрощает защиту прав авторов на международном уровне и способствует развитию трансграничного оборота объектов авторского права.

Существенное значение в международной системе защиты авторских прав имеют наднациональные механизмы разрешения споров. К ним относятся Арбитражный и медиационный центр Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), обеспечивающий рассмотрение споров между частными субъектами, а также система разрешения споров Всемирной торговой организации (ВТО), применяемая в случаях нарушения государствами обязательств по Соглашению ТРИПС.

Практика ВОИС свидетельствует о широком распространении трансграничных споров, связанных с нарушением лицензионных соглашений, использованием цифрового контента и распределением прав на аудиовизуальные произведения. В рамках данных процедур рассматриваются дела с участием компаний из различных государств, что подтверждает международный характер авторских правоотношений [9].

В свою очередь, механизм разрешения споров ВТО применяется на межгосударственном уровне. Так, государства вправе инициировать разбирательства в случае несоблюдения другими странами стандартов защиты интеллектуальной собственности, установленных ТРИПС. Подобные споры способствуют формированию единообразной практики применения международных норм и укреплению глобальной системы охраны авторских прав [15].

Таким образом, международно—правовые акты и институциональные механизмы обеспечивают комплексную защиту авторских прав, сочетая материально—правовые нормы и процедуры разрешения споров. Их применение способствует унификации национальных правовых систем и повышению эффективности защиты прав субъектов авторского права в условиях цифровой экономики.

В целях совершенствования законодательства Республики Казахстан в сфере авторского права представляется целесообразным: совершенствовать механизмы защиты авторских прав в цифровой среде, включая развитие правовых инструментов против незаконного распространения произведений в сети Интернет; усилить ответственность за нарушение авторских прав и обеспечить эффективное применение мер гражданско-правовой и административной ответственности; расширить международное сотрудничество государств в сфере охраны интеллектуальной собственности, включая обмен опытом в области правоприменительной практики; обеспечить дальнейшую гармонизацию национального законодательства Республики Казахстан с международными стандартами защиты авторских прав; развивать деятельность организаций коллективного управления правами, направленную на защиту интересов авторов и иных правообладателей.

Таким образом, международно-правовое регулирование авторских прав основывается на системе универсальных договоров, включая Бернскую конвенцию, Соглашение ТРИПС и договоры ВОИС. Эти акты формируют единые стандарты защиты прав авторов и иных правообладателей, обеспечивая баланс интересов субъектов авторского права в условиях глобализации.

Анализ международной практики, включая арбитражные разбирательства ВОИС, показывает, что современные споры все чаще носят трансграничный характер и связаны с использованием цифровых технологий. В этих условиях возрастает значение международного сотрудничества государств, а также гармонизации национального законодательства с международными стандартами.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая и Особенная части) [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 26.03.2026).
2. Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 26.03.2026).
3. Тоқаев К.–Ж.К. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» от 1 сентября 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 26.03.2026).
4. Исаева О.В. Пределы свободы автора производного произведения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2023. – 28 с.
5. Братусь Д.В. Организационные авторские права : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Екатеринбург, 2022. – 30 с.
6. Барковская Л.Е. Осуществление и защита авторских и смежных прав некоммерческими организациями : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2021. – 27 с.
7. Стрыгина О.А. Авторское право в новых медиа: проблемы и практика применения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2023. – 30 с.

8. Goldstein P. International Copyright: Principles, Law, and Practice. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 618 p.
9. WIPO Arbitration and Mediation Center. Case Examples [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/arbitration/case-example.html> (дата обращения: 30.03.2026).
10. Ginsburg J.C. International Copyright Law: U.S. and E.U. Perspectives. New York: Columbia Law School, 2020. – 250 p.
11. Benoit B. Mandelbrot, Mandelbrot, B.B. The Fractal Geometry of Nature. New York: W. H. Freeman, 1982, 1999 г. – 468 с.
12. WTO. Dispute Settlement and TRIPS [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_subjects_index_e.htm (дата обращения: 30.03.2026).
13. Ricketson S., Ginsburg J. International Copyright and Neighbouring Rights. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 1450 p.
14. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2007 года № 11 «О применении судами некоторых норм законодательства о защите авторского права и смежных прав» [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 26.03.2026).
15. Пак А. Верховный Суд Казахстана подтвердил право предпринимателя на оригинальный дизайн // Bizmedia.kz. – 2025. – URL: <https://bizmedia.kz/2025-04-09-verhovnyj-sud-kazahstana-podtverdil-pravo-predprinimatelya-na-originalnyj-dizajn/> (дата обращения: 26.03.2026).
16. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (1886 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wipo.int/treaties/en/ip/berne/> (дата обращения: 30.03.2026).
17. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (1994) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wto.org> (дата обращения: 30.03.2026).
18. WIPO Copyright Treaty (WCT) (1996) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wipo.int/treaties/en/ip/wct/> (дата обращения: 30.03.2026).

SUBJECTS OF COPYRIGHT IN INTERNATIONAL LAW

K.S. Maulenov, N.N. Askerbek, A.S. Mamyrova

*International University of Information Technology,
Almaty, Republic of Kazakhstan*

The article outlines questions regarding the status of copyright subjects in international law. An analysis of the main types of copyright subjects, including authors of works, co-authors, heirs and other copyright holders, was carried out. The provisions of international copyright treaties such as the Berne Convention and the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) are set out. The problems of copyright protection in the context of the development of digital technologies and cross-border circulation of works are considered.

Keywords: copyright, international law, subjects of copyright, intellectual property, Berne Convention, TRIPS, WIPO, international treaties, copyright protection, cross-border disputes.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

К.С. Мауленов, Т.М. Батырбек, М.С. Нурмуханбет

*Международный Университет Информационных Технологий,
г. Алматы, Казахстан*

В статье рассматриваются особенности правового регулирования авторских прав на литературные произведения в Республике Казахстан в условиях цифровизации. Анализируются положения национального законодательства, включая Гражданский кодекс и Закон «Об авторском праве и смежных правах», а также нормы международных договоров, прежде всего Бернской конвенции и Договора ВОИС по авторскому праву. Особое внимание уделяется признакам литературного произведения как объекта авторского права, таким как творческий характер, оригинальность и объективная форма выражения. Раскрываются теоретические подходы к разграничению охраняемой формы и неохраняемого содержания произведения. Рассматриваются актуальные проблемы, возникающие в цифровой среде, включая незаконное распространение текстов, сложности доказывания авторства и появление результатов, создаваемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Обосновывается необходимость совершенствования правовых механизмов защиты авторских прав с учетом современных технологических условий.

Ключевые слова: авторское право, литературные произведения, интеллектуальная собственность, цифровая среда, право авторство, искусственный интеллект, правовая защита.

В условиях цифровой экономики и стремительного развития информационных технологий вопросы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности приобретают особую значимость. Одним из ключевых объектов авторского права выступают литературные произведения, которые играют важную роль в развитии науки, образования и культуры. Распространение цифровых платформ, социальных сетей и систем электронных публикаций значительно расширило возможности распространения текстовой информации, однако одновременно усилило проблемы незаконного копирования, плагиата и несанкционированного использования произведений.

По данным официального сайта Союза писателей Казахстана, в организации на сегодняшний день состоит 1010 членов (в том числе 400 – в г. Алматы, 180 – в г. Астане), что отражает масштаб профессионального литературного сообщества и актуальность правовой охраны результатов творчества [1]. О масштабах литературного производства творчества косвенно свидетельствуют статистические данные Национальной государственной книжной палаты РК, учитывающей выпуск книг и брошюр по обязательным экземплярам. В 1980 г. в республике было издано 2188 названий книг и брошюр, а в 1990 г. – 2055; в

2023 г. зарегистрировано 4012 названий, при этом выпуск художественной литературы составил 1087 названий [2].

Актуальность исследования обусловлена также современными государственными приоритетами Республики Казахстан. В Послании народу Казахстана от 1 сентября 2023 года «Экономический курс Справедливого Казахстана» Президент Республики Казахстан К.–Ж.К. Токаев подчеркнул необходимость развития экономики знаний и цифровой трансформации, что напрямую связано с эффективной системой защиты интеллектуальной собственности [3]. Данные положения получили дальнейшее развитие в Послании Президента РК от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм», в котором акцент сделан на укреплении правового государства и совершенствовании механизмов защиты прав граждан и бизнеса, включая сферу интеллектуальной собственности [4].

Правовое регулирование авторских прав на литературные произведения в Республике Казахстан основывается на нормах национального законодательства и международных договоров. Ключевым международным актом в данной сфере является Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года, устанавливающая основные принципы защиты авторских прав, включая автоматическое возникновение авторского права без соблюдения формальностей [5]. Важное значение имеет также Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996 года, который развивает положения Бернской конвенции применительно к цифровой среде [6].

На национальном уровне базовым нормативным актом является Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 года, который определяет правовой режим произведений науки, литературы и искусства [7]. Кроме того, отдельные положения, регулирующие имущественные отношения в сфере интеллектуальной собственности, закреплены в Гражданском кодексе Республики Казахстан (Особенная часть) [8]. Ответственность за нарушение авторских прав предусмотрена нормами административного и уголовного законодательства, в частности Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях [9] и Уголовным кодексом Республики Казахстан [10].

Существенный вклад в развитие теории авторского права в Казахстане внесли труды известных ученых–цивилистов. Особое место среди них занимает патриарх и основатель науки гражданского права Казахстана Ю.Г. Басин. В своей работе «Избранные труды по гражданскому праву» он отмечал, что произведение представляет собой органическое единство содержания и формы, при этом правовая охрана распространяется именно на форму выражения творческой мысли автора [11, с. 60]. Данная позиция отражает фундаментальный принцип авторского права, согласно которому охраняется не идея произведения, а способ её выражения.

В российской правовой доктрине также подчеркивается, что литературное произведение представляет собой результат творческой деятельности авто-

ра, выраженный в объективной форме и обладающий индивидуальностью и оригинальностью [12, с. 140]. Как правильно отмечает А.П. Сергеев, оригинальность произведения проявляется в индивидуальном характере творческого решения, даже если сама идея произведения не является новой. Кроме того, значительный вклад в развитие современной доктрины авторского права внес Э.П. Гаврилов, который рассматривает авторское право, как систему исключительных прав, направленных на регулирование использования результатов интеллектуальной деятельности и обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота [13, с. 20]. В его работах также анализируются способы использования произведений, включая их доведение до всеобщего сведения через информационно–телекоммуникационные сети [13, с. 200].

Казахстанский ученый М.К. Сулейменов указывает, что объекты интеллектуальной собственности обладают особой правовой природой, поскольку представляют собой нематериальные, «бестелесные» результаты творческой деятельности человека [14, с.17]. В отличие от материальных объектов гражданского оборота, такие результаты требуют специальных механизмов правовой охраны.

Ключевым признаком литературного произведения является его творческий характер. В современных условиях цифровизации возрастает значение совершенствования правового регулирования авторских отношений, в том числе вопросов установления авторства и подтверждения правообладания в электронной среде [15, с. 4]. При этом произведение должно быть выражено в объективной форме, позволяющей его воспроизведение.

Согласно статье 6 Закона Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах», авторское право не распространяется на идеи, концепции, методы, процессы, принципы и факты [7]. Данное положение является одним из фундаментальных принципов авторского права и направлено на обеспечение баланса между интересами автора и общества.

В юридической литературе отмечается сложность разграничения охраняемой формы произведения и его содержания, особенно при оценке заимствований [16, с. 16]. Особенно актуальной данная проблема становится в условиях цифровой среды, когда тексты могут многократно перерабатываться и распространяться в различных формах.

Для признания произведения объектом авторского права оно должно обладать рядом признаков: творческий характер, оригинальность, объективная форма выражения и возможность воспроизведения. В исследованиях, посвященных авторскому праву, подчеркивается, что автором произведения может быть только физическое лицо, а авторское право регулирует отношения, возникающие между автором, правообладателем и пользователем в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства [17, с. 13].

Законодательство Республики Казахстан не содержит исчерпывающего перечня литературных произведений. К ним могут относиться художественные тексты (романы, повести, рассказы, стихотворения), научные и учебные работы, публицистические произведения, сценарии и другие формы текстового

творчества. В последние годы особое значение приобретают новые формы литературных произведений, распространяемых в цифровой среде. Как правильно отмечается в современных юридических научных исследованиях, использование произведений в информационно–телекоммуникационных сетях существенно расширяется, что создает дополнительные сложности реализации и защиты авторских прав [15, с. 3].

Одной из особенностей авторского права является то, что оно возникает автоматически. То есть, эти права возникают с момента создания произведения и придания ему внешней формы без необходимости регистрации или соблюдения каких–либо других формальностей [5]. Этот принцип был закреплен еще в Бернской конвенции и в международной практике получил широкое распространение. Однако отсутствие обязательной регистрации тем не менее создает довольно серьезные проблемы при защите прав автора. В юридической литературе указывается, что регистрация не имеет правообразующего значения, но может иметь весьма важное значение при разрешении споров об авторстве [12, с. 110].

Автором произведения признается физическое лицо, творческим трудом которого оно создано, тогда как юридические лица могут приобретать авторские права только на производной основе [13, с. 120].

Особое значение имеет институт соавторства, который возникает при совместном творческом труде нескольких лиц. Различают раздельное и нераздельное соавторство. В условиях цифровых технологий и дистанционного взаимодействия разграничение видов соавторства становится более сложным, поскольку произведение может создаваться совместным творческим трудом нескольких авторов [12, с. 160].

Автору произведения принадлежат личные неимущественные и имущественные права. К личным неимущественным правам относятся право авторства, право на имя, право на обнародование произведения и право на его неприкосновенность. Данные права являются неотчуждаемыми и охраняются бессрочно. Имущественные права автора включают право воспроизведения произведения, право распространения, право перевода и право доведения произведения до всеобщего сведения [7]. В современных научных исследованиях отмечается, что использование онлайн–каналов распространения информации в новых медиа обостряет вопросы признания и защиты авторства, а развитие технологий увеличивает объем пользовательского контента и порождает новые вызовы в сфере охраны интеллектуальной собственности [17, с. 3].

Законодательство также предусматривает случаи свободного использования произведений без согласия автора. К таким случаям относятся цитирование произведений в научных, образовательных и информационных целях. Однако, при этом необходимо указывать имя автора и источник заимствования [6].

Существенное значение для правильного применения законодательства об авторском праве имеет судебная практика. В частности, важную роль играет нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2007 года №11 «О применении судами некоторых норм законодательства

о защите авторского права и смежных прав». В данном постановлении разъясняется, что авторские права могут распространяться не только на произведение в целом, но и на его отдельные части, например на название произведения или имя персонажа, если такие элементы обладают самостоятельным творческим характером. Верховный Суд Республики Казахстан разъяснил, что идеи, методы, концепции, процессы и факты не относятся к объектам авторского права и не подлежат правовой охране (п. 4 данного нормативного постановления). Кроме того, лица, оказывавшие автору лишь техническую помощь при создании произведения, не могут признаваться соавторами (п. 8 нормативного постановления) [18].

Примером судебного спора в сфере защиты авторских прав является дело *Amanat v. Mechta Market*, рассмотренное Апелляционным судом города Астаны 8 декабря 2022 года. В данном деле организация коллективного управления авторскими правами «Amanat» предъявила иск к торговой компании «Mechta Market» в связи с публичным использованием музыкальных произведений без заключения лицензионного договора. Истец требовал взыскания компенсации за нарушение авторских прав. Суд рассмотрел обстоятельства дела и подтвердил необходимость получения разрешения правообладателя для публичного использования произведений [19].

Анализ судебной практики показывает, что в последние годы в Казахстане увеличивается количество споров, связанных с использованием произведений в цифровой среде. В судебных актах отмечается, что наиболее распространёнными нарушениями являются размещение произведений в сети Интернет без согласия правообладателя, публичное использование произведений в коммерческой деятельности без заключения лицензионных договоров, а также воспроизведение произведений в электронной форме без разрешения автора. Суды, как правило, исходят из того, что использование произведения в сети Интернет признаётся доведением произведения до всеобщего сведения, которое требует согласия правообладателя. При отсутствии такого согласия действия пользователя могут квалифицироваться как нарушение исключительных имущественных прав автора. В судебной практике также отмечается, что размещение произведений на интернет-платформах не освобождает пользователей от обязанности соблюдать требования законодательства об авторском праве, даже если доступ к произведению осуществляется через цифровые сервисы или социальные сети [20].

В современных научных юридических исследованиях также отмечается, что в условиях цифровизации споры в сфере интеллектуальной собственности приобретают более сложный и трансграничный характер. Рассмотрение таких споров нередко осуществляется одновременно в нескольких юрисдикциях, что затрудняет защиту прав и исполнение решений. В связи с этим возрастает значение альтернативных механизмов разрешения споров, в том числе международного арбитража, способного учитывать специфику цифровой среды и обеспечивать более эффективную защиту прав интеллектуальной собственности [21, с. 3].

Особое внимание в современной правовой доктрине уделяется проблемам защиты авторских прав в цифровой среде. В условиях развития цифровых технологий и трансграничного характера правоотношений возрастает сложность рассмотрения споров в сфере интеллектуальной собственности, что требует совершенствования правовых механизмов их разрешения. Дополнительные сложности возникают в связи с развитием технологий искусственного интеллекта. Современные системы способны генерировать тексты, внешне напоминающие результаты человеческого творчества. В научной литературе отмечается, что в настоящее время отсутствует единый подход к определению правового режима таких результатов, а также к вопросу о принадлежности прав на них, что свидетельствует о недостаточной разработанности соответствующего правового регулирования [22, с. 3].

На основе проведенного анализа законодательства Республики Казахстан, судебной практики, а также научной литературы можно сделать следующие выводы:

Во-первых, представляется целесообразным дополнить Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» специальными нормами, регулирующими использование литературных произведений в цифровой среде, с учётом опыта Европейского союза, закреплённого в Директиве (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке [23].

Во-вторых, внедрить государственную электронную систему добровольной регистрации авторских прав на основе технологии блокчейн для формирования надёжной доказательственной базы. Как отмечается в современных исследованиях, цифровизация системы охраны авторских прав обуславливает необходимость совершенствования механизмов фиксации и подтверждения прав в электронной среде [15, с. 8]. В этой связи перспективным направлением является внедрение технологии блокчейн как инструмента обеспечения неизменяемости данных о создании произведения.

В-третьих, законодательно урегулировать правовой статус произведений, создаваемых с использованием технологий искусственного интеллекта, включая определение условий признания человека автором произведения, созданного с применением нейросетевых инструментов. В современных научных исследованиях подчёркивается, что развитие генеративных технологий ставит под сомнение традиционное понимание авторства и требует адаптации системы авторского права к новым формам творчества [22, с. 10].

В-четвёртых, целесообразно предусмотреть механизм оперативного ограничения доступа к интернет-ресурсам, систематически нарушающим авторские права, а также усилить меры юридической ответственности за незаконное использование произведений в сети Интернет.

В-пятых, представляется целесообразным создание специализированных судебных составов по интеллектуальным правам, что обусловлено сложностью и междисциплинарным характером соответствующих споров. Рассмотрение дел данной категории требует наличия у судей специальных знаний в области ин-

теллектуальной собственности и цифровых технологий, что в условиях общей юрисдикции не всегда обеспечивается. Формирование специализированной судебной компетенции позволит повысить качество правоприменения, обеспечить единообразие судебной практики и укрепить правовую определенность в сфере защиты интеллектуальных прав.

Действующее законодательство Республики Казахстан не содержит легального определения литературного произведения, что затрудняет разграничение охраняемых и неохраняемых результатов интеллектуальной деятельности. В условиях цифровизации существенно расширился круг литературных произведений за счет новых форм, включая произведения, существующие в электронной среде, а также результаты, создаваемые с использованием технологий искусственного интеллекта. Вместе с тем принцип автоматического возникновения авторских прав, закрепленный в международных правовых актах и национальном законодательстве, порождает определенные сложности при доказывании авторства и установлении приоритета прав.

Система личных неимущественных и имущественных прав автора в Республике Казахстан в целом соответствует международным стандартам, закрепленным в Бернской конвенции и иных международных договорах. Однако, развитие цифровых технологий, а также широкое распространение интернет-платформ и цифровых сервисов обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования механизмов правовой охраны произведений.

Таким образом, цифровизация не только трансформирует способы создания и использования литературных произведений, но и требует переосмысления традиционных подходов к их правовой охране.

К числу наиболее актуальных проблем в данной сфере относятся массовые нарушения авторских прав в сети Интернет, сложность доказывания авторства, отсутствие комплексного правового регулирования результатов, создаваемых с использованием искусственного интеллекта, а также недостаточный уровень правовой культуры пользователей цифровой среды.

Реализация предложенных мер, включая совершенствование законодательства, внедрение цифровых механизмов фиксации авторства и развитие специализированной судебной практики, позволит повысить эффективность защиты авторских прав, создать благоприятные условия для развития творческой деятельности и укрепить правовые основы функционирования креативной экономики Республики Казахстан.

Список использованных источников

1. Союз писателей Казахстана. Официальный сайт. Раздел «О союзе» // URL: <https://zhazushylar-odagy.kz/about/> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Национальная государственная книжная палата Республики Казахстан. Статистика книгоиздания // URL: <https://kitap-palata.kz/> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева народу Казахстана от 1 сентября. 2023 г. «Экономический курс Справедливого Казах-

стана» // Информационно–правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K23002023_1 (дата обращения: 10.03.2026).

4. Послание Президента Республики Казахстан К.–Ж.К. Токаева народу Казахстана от 2 сентября. 2024 г. // Информационно–правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K24002024_1 (дата обращения: 10.03.2026).

5. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (с изм. и доп.) // Официальный сайт ВОИС. – URL: <https://www.wipo.int> (дата обращения: 10.03.2026).

6. Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. // Официальный сайт ВОИС. – URL: <https://www.wipo.int> (дата обращения: 10.03.2026).

7. Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 г. № 6–І (с изм. и доп.) // Информационно–правовая система «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 10.03.2026).

8. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. № 409–І // Информационно–правовая система «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 10.03.2026).

9. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235–V // Информационно–правовая система «Әділет» (дата обращения: 10.03.2026).

10. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226–V // Информационно–правовая система «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 10.03.2026).

11. Басин Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. – Алматы, 2003. – 735 с.

12. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. – 2–е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2007. – 751 с.

13. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. Том 2. – М.: Юрсервитум, 2016. – 876 с.

14. Вещные права в Республике Казахстан / отв. ред. М.К.Сулейменов. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 360 с.

15. Пушков А.М. Влияние цифровых технологий на развитие системы охраны авторских и смежных прав: Автореферат. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. – 33 с.

16. Исаева О.В. Пределы свободы автора производного произведения: Автореферат. ... канд. юрид. наук. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2023. – 26 с.

17. Стрыгина О.А. Авторское право в новых медиа: проблемы и практика применения: Автореферат. ... канд. филол. наук – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2024. – 26 с.

18. О применении судами некоторых норм законодательства о защите авторского права и смежных прав: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 дек. 2007 г. № 11 // Информационно–правовая си-

стема «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000011S_ (дата обращения: 10.03.2026).

19. Братусь Д. Авторское право РФ в судах РК // Zakon.kz. – URL: <https://www.zakon.kz/stati/4967396-avtorskoe-pravo-rf-v-sudah-rk-bratus-d.html> (дата обращения: 26.03.2026).

20. Judicial practice of considering cases on the protection of infringed copyright and related rights // Zakonpravo.kz: юридический портал. – URL: <https://zakonpravo.kz/en/judicial-practice-of-considering-cases-on-the-protection-of-infringed-copyright-and-related-rights> (дата обращения: 10.03.2026).

21. Купчина Е.В. Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности международным арбитражем в условиях цифровизации: Автореферат. ... канд. юрид. наук. – М.: РУДН им. Патриса Лумумбы, 2024. – 26 с.

22. Самарцева М.В. Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом: Автореферат. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет, 2025. – 30 с.

23. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj> (дата обращения: 10.03.2026).

LITERARY WORKS AS OBJECTS OF COPYRIGHT UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

K.S. Maulenov, T.M. Batyrbek, M.S. Nurmikhanbet

*International University of Information Technologies,
Almaty, Kazakhstan*

The article discusses the peculiarities of legal regulation of copyright for literary works in the Republic of Kazakhstan in the context of digitalization. The provisions of national legislation are analyzed, including the Civil Code and the Law "On Copyright and Related Rights," as well as the norms of international treaties, primarily the Berne Convention and the WIPO Copyright Treaty. Particular attention is paid to the features of a literary work as an object of copyright, such as creative character, originality and objective form of expression. Theoretical approaches to distinguishing between protected form and unprotected content of the work are disclosed. The current problems arising in the digital environment are considered, including illegal distribution of texts, difficulties in proving authorship and the emergence of results created using artificial intelligence technologies. The need to improve the legal mechanisms for copyright protection, taking into account modern technological conditions, is justified.

Keywords: copyright, literary works, intellectual property, digital environment, copyright, artificial intelligence, legal protection.

ЗАЩИТА ПРАВ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В СФЕРЕ ИТ–ТЕХНОЛОГИЙ В КАЗАХСТАНЕ

К.С. Мауленов, Д.С. Ларкович, Ш.И. Дандаев

*Международный Университет Информационных Технологий,
г. Алматы, Казахстан*

Статья посвящена правовому положению ИТ–специалистов в Казахстане и защите их интеллектуальных прав. Рассматриваются нормы законодательства (включая Цифровой кодекс 2026 года), судебная практика и основные споры в сфере авторского права. Выявляются проблемы правоприменения и предлагаются пути их решения с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: авторское право, ИТ, интеллектуальная собственность, цифровая экономика, Казахстан.

Введение

В современных социально–экономических условиях, характеризующихся активной цифровизацией экономики и развитием новых форм занятости, существенно трансформируется содержание трудовых отношений и правовое положение их участников. Особое место в структуре современной экономики занимает сфера информационных технологий, где ключевым ресурсом выступает интеллектуальный и творческий труд. Как отмечается в юридической литературе, цифровая трансформация порождает новые формы интеллектуального труда, при которых результатом деятельности становится не материальный продукт, а цифровой код, интерфейсы, алгоритмы и программные модули. Рост роли ИТ–технологий сопровождается увеличением числа нарушений авторских прав в цифровой среде. Целью настоящей статьи является анализ правового положения творческих работников в сфере ИТ–технологий, исследование судебной практики Республики Казахстан и зарубежных стран, а также разработка рекомендаций по совершенствованию механизмов правовой защиты с учетом последних изменений законодательства 2025–2026 годов.

Понятие и правовая природа результатов ИТ–деятельности

В рамках цифровой экономики создаются специфические результаты интеллектуального труда, которые классифицируются как объекты авторского права в соответствии с Гражданским кодексом Республики Казахстан и Законом РК «Об авторском праве и смежных правах». Творческие работники в ИТ–сфере – это специалисты, чья профессиональная деятельность направлена на создание новых цифровых решений, включая разработчиков программного обеспечения, UX/UI–дизайнеров, аналитиков данных и иных участников процесса создания цифровых продуктов.

Авторское право на компьютерные программы и базы данных возникает в момент их создания и не требует обязательной государственной регистрации, однако регистрация может использоваться в качестве дополнительного доказа-

тельства авторства. Согласно подпункту 12) пункта 1 статьи 7 Закона РК «Об авторском праве и смежных правах», компьютерные программы (программное обеспечение) относятся к объектам авторского права, при этом охрана распространяется на все виды компьютерных программ, включая операционные системы, которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код [1]. Правовая природа творческой деятельности в IT–сфере требует разграничения имущественных прав, которые могут передаваться по лицензионным договорам, и неимущественных прав, включая право авторства и право на имя, которые сохраняются за создателем независимо от передачи имущественных прав. Особую сложность представляют служебные произведения, создаваемые работниками в рамках трудовых отношений: согласно статье 9 Закона «Об авторском праве и смежных правах», исключительные права на такие объекты переходят к работодателю, если договором не предусмотрено иное, что делает критически важным детальное правовое регулирование распределения прав в трудовых и гражданско–правовых договорах [1].

Споры, возникшие в IT–сфере в Казахстане

Анализ судебной практики последних лет позволяет выделить несколько категорий споров, возникающих в процессе создания и использования результатов интеллектуального труда в IT–сфере Казахстана. Эти дела демонстрируют уязвимость творческих работников и необходимость тщательного юридического сопровождения цифровых продуктов.

1. Споры о контрафактном использовании программного обеспечения. Территориальным департаментом Агентства по финансовому мониторингу по городу Алматы был пресечён масштабный канал продажи нелегального программного обеспечения Microsoft. В ходе оперативно–следственных мероприятий установлено, что подозреваемые, используя подставные компании, участвовали в государственных закупках и осуществили поставку нелегального программного обеспечения Microsoft Office Professional с поддельными ключами активации под видом официального ПО в адрес ряда госпредприятий и учреждений на общую сумму более 50 млн тенге. Следственным судом Алматы в отношении трёх лиц была санкционирована мера пресечения в виде содержания под стражей. Данное дело наглядно демонстрирует, что нарушения авторских прав в IT–сфере приобретают организованный характер и наносят ущерб как правообладателям, так и государственным интересам [2].

2. Споры, связанные с неисполнением договоров на разработку IT–продуктов и их несоответствием техническим требованиям. В эту категорию попадают дела, где заказчик и исполнитель расходятся в понимании конечного результата. Например, суд расторг договор государственно–частного партнёрства (ГЧП) между управлением информатизации и ТОО «Коркем Телеком» (оператор системы «Сергек»), установив, что установленное оборудование не соответствовало условиям договора. Другой пример – иск Карагандинского индустриального университета к ТОО о признании недобросовестным участником закупок. Исполнитель предоставил систему проверки на антипла-

гиат, которая не соответствовала технической спецификации из-за отсутствия заявленных баз данных, что сделало проверку необъективной. Также известен спор между Комитетом национальной безопасности Республики Казахстан (КНБ) и Назарбаев Университетом: в 2024 году Специализированный межрайонный экономический суд г. Астаны взыскал с вуза неустойку в размере 12 038 750 тенге (10 % от суммы договора) за срыв сроков разработки аппаратно-программного комплекса для дешифрования защищённого SSL/TLS-трафика [3].

3. Споры о нарушении авторских прав на произведения, размещенные в цифровой среде. Объектом защиты здесь выступают не только сложные программы, но и отдельные элементы контента. Ярким примером является дело фотографа З. против ТОО «Атырау-Акпарат». Суд взыскал с компании-владельца информационного портала компенсацию за использование фотоснимков без разрешения автора и без выплаты вознаграждения, подтвердив, что исходные файлы являются доказательством авторства [4].

4. Споры, связанные с распоряжением исключительными правами на IT-продукты. Отсутствие четких договоренностей между сторонами приводит к конфликтам даже в социально значимых проектах. Так, индивидуальный предприниматель пытался оспорить сделку по безвозмездной передаче государству программного обеспечения Ashyq, широко применявшегося в период пандемии. Разработчикам проекта удалось отстоять свои права в суде, который отказал истцу и взыскал с него судебные расходы [5].

5. Споры о нарушении авторских прав на литературные произведения, адаптированные для цифровой среды. В Алматы суд рассмотрел дело журналиста Аскара Джалдинова против медиакомпании Salem Social Media по факту нарушения авторских прав при создании веб-сериала "5:32". Суд установил, что при написании сценария сериала сценаристы заимствовали факты и события, изложенные в книге Джалдинова "Вне протокола. Тайны громких преступлений в Казахстане". Представители ответчика не отрицали этого, но утверждали, что события и факты, имеющие информационный характер, не являются объектами авторского права. Однако суд счел, что проделанная истцом работа при написании книги содержит результат творческого труда, включая изучение архивов МВД и судов, материалов уголовных дел, использование воспоминаний и авторскую интерпретацию. Суд взыскал с ответчиков компенсацию в размере 1000 МРП (3 450 000 тенге) и компенсацию морального вреда в размере 1 млн тенге [6].

Представленная судебная практика наглядно демонстрирует, что споры в IT-сфере охватывают широкий спектр нарушений: от прямого пиратства и плагиата до ненадлежащего исполнения договорных обязательств. Эти дела подчеркивают важность своевременного закрепления прав на служебные произведения и детальной проработки условий лицензионных договоров, о чем говорилось ранее.

Масштабы нарушений и проблемы правоприменения

Анализ данных правоохранительных органов Казахстана свидетельствует о значительном объеме нарушений в сфере интеллектуальной собственности. По информации Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, на территории страны действует значительное количество интернет-сайтов, нарушающих авторские и смежные права, при этом основная масса таких ресурсов относится к категории торрент-трекеров. В ходе оперативно-профилактических мероприятий периодически выявляются факты распространения контрафактной продукции, включая DVD-диски – оптические носители, используемые для хранения компьютерных данных и видео, а также носители с нелегальным программным обеспечением [7].

Председатель Комитета по правам интеллектуальной собственности Министерства юстиции РК Ш.Т. Абдреева отмечает принципиальную особенность защиты авторских прав: авторское право относится к категории частного права, и государственные органы не могут самостоятельно устанавливать факты правонарушений без соответствующих заявлений от правообладателей [7]. Данное обстоятельство существенно осложняет борьбу с нарушениями, поскольку многие IT-специалисты либо не знают о нарушении своих прав, либо не обладают достаточными ресурсами для их защиты.

Статистика Министерства юстиции Казахстана за первое полугодие 2025 года демонстрирует активность правоприменительной практики: по статье 158 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (незаконное использование чужого товарного знака) было возбуждено 142 дела, к ответственности привлечены 118 лиц, сумма штрафов составила около 12 миллионов тенге, а из незаконного оборота изъято более 78 тысяч единиц контрафактной продукции. При этом, как подчеркивает официальный представитель Министерства юстиции Талгат Уали, ведомство активно внедряет цифровые инструменты контроля: запущена онлайн-платформа, позволяющая правообладателям отслеживать использование своих произведений и контролировать движение начисленного вознаграждения [8].

Судебная практика защиты прав IT-специалистов

Анализ судебной практики показывает, что основная масса споров возникает в связи с нарушением лицензионных договоров, незаконным использованием программного обеспечения, спорами о распределении прав на служебные произведения, а также требованиями о возмещении морального вреда и компенсации убытков. Показательным является дело, рассмотренное Верховным Судом Республики Казахстан в 2025 году, касающееся защиты прав на промышленный образец, который по своей правовой природе близок к объектам дизайна в IT-сфере [9].

Суть спора заключалась в неправомерном использовании ответчиком принадлежащих истцу промышленных образцов – дизайна торгового объекта, включая стеллажи, ресепшен и вывески. Ответчик незаконно использовал эти объекты, размещая материалы с их изображением в социальной сети Instagram. Суд первой инстанции признал использование промышленных образцов неза-

конным и запретил их дальнейшее использование, однако апелляционная инстанция отменила это решение, отказав в иске. Верховный Суд РК, рассмотрев дело № 6001–25–00–Згп–67 в кассационном порядке, указал на ошибочность выводов апелляции и оставил в силе решение суда первой инстанции [9].

В другом деле, характерном для споров в IT–сфере, работодателю было отказано в признании прав на программу, созданную работником, поскольку договор не содержал четких условий о передаче исключительных прав, что послужило основанием для отказа в иске [3]. Данное решение подчеркивает критическую важность юридической точности договорных положений и профессионального сопровождения контрактных отношений.

Примечательно, что в рамках рассмотренной категории дел суды Казахстана все чаще обращаются к принципу добросовестности как самостоятельному основанию для защиты прав авторов. Данный принцип, закрепленный в статье 8 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть), принятого Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года, приобретает особое значение в условиях, когда нормы об интеллектуальной собственности содержат пробелы или допускают расширительное толкование [10]. Суды констатируют, что лицо, использующее охраняемые результаты интеллектуальной деятельности без должного правового оформления и при осведомленности о правах автора, действует недобросовестно вне зависимости от наличия формальной регистрации объекта. Это позволяет обеспечивать защиту прав IT–специалистов даже в тех случаях, когда специальные нормы авторского права не могут быть применены напрямую.

Международный опыт правовой защиты

На международном уровне защита авторских прав в цифровой среде регулируется Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года и договорами Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Как отмечается в официальных материалах ВОИС, международные стандарты устанавливают минимальные требования к охране авторских прав, которые должны обеспечиваться государствами–участниками.

В Соединенных Штатах Америки правовая система авторского права основывается на Законе об авторском праве США 1976 года (Copyright Act of 1976), кодифицированном в разделе 17 Свода законов США (17 U.S. Code). Согласно § 101 данного закона, компьютерная программа определяется как "набор утверждений или инструкций, предназначенных для использования прямо или косвенно в компьютере с целью получения определенного результата". Согласно § 102(a) данного закона, авторское право возникает с момента создания произведения, однако для подачи иска в суд требуется регистрация в Бюро авторских прав США. Широкое применение находит концепция *work made for hire* («произведение, созданное по найму»), закрепленная в § 101 и § 201(b) Закона об авторском праве США, согласно которой исключительные права принадлежат работодателю, если произведение создано в рамках служебных обязанностей [12]. В странах Европейского союза действуют директивы, усиливающие

права правообладателей в цифровой среде и вводящие механизмы ответственности платформ за нарушения авторских прав. В частности, Директива ЕС 2019/790 об авторском праве на едином цифровом рынке обязывает платформы внедрять фильтры контента и заключать лицензионные соглашения с правообладателями, а Директива 2001/29/ЕС гармонизирует основные аспекты авторского права в информационном обществе.

Новеллы законодательства Республики Казахстан 2025–2026 годов

В 2025–2026 годах в Казахстане произошли существенные изменения в подходах к защите интеллектуальной собственности. Ключевым событием стало принятие Цифрового кодекса Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255–VIII ЗРК, который вводит комплексное регулирование общественных отношений, возникающих в цифровой среде при создании, обращении, хранении, передаче и использовании цифровых данных и цифровых объектов [13]. Согласно статье 1 Кодекса, под цифровой средой понимается совокупность инфраструктуры, технологий, процессов и условий для создания, обращения, хранения, передачи и использования цифровых данных и цифровых объектов, осуществления и передачи прав на них вне зависимости от территории их размещения или регистрации прав. Имущественные и иные гражданско-правовые отношения, возникающие в цифровой среде, регулируются гражданским законодательством Республики Казахстан с учетом особенностей, установленных Цифровым кодексом [13].

Цифровой кодекс закрепляет принципиально важные положения: соблюдение прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде (статья 4); безопасность человека, общества и государства при применении цифровых технологий (статья 6); свободу обращения цифровых данных (статья 7); свободу создания, развития и применения цифровых технологий (статья 8); баланс частных и публичных интересов (статья 9); технологическую нейтральность правового регулирования (статья 12) [13]. Особое значение для IT-специалистов имеет статья 5, устанавливающая, что алгоритмические и автоматизированные решения, затрагивающие права, свободы и законные интересы человека в цифровой среде, применяются с соблюдением прозрачности, недискриминации и возможности контроля со стороны субъекта цифровой среды, а также право на пересмотр решений, принятых с применением алгоритмических и автоматизированных систем [13].

Кроме того, в законодательство об авторском праве внесены изменения, касающиеся терминологии. В Законе «Об авторском праве и смежных правах» термины «программы для ЭВМ» заменены на «компьютерные программы (программное обеспечение)», введены новые понятия: «декомпилирование компьютерной программы», «адаптация компьютерной программы», «модификация (переработка) компьютерной программы» [14].

Перспективы создания специализированных судов по интеллектуальным правам

Существенным направлением совершенствования правовой защиты и объектов интеллектуальной собственности является создание специализиро-

ванных судебных составов или арбитражных коллегий, обладающих необходимой технической компетентностью для рассмотрения споров в сфере IT–интеллектуальной собственности. Нередко разрешение таких споров требует глубокого понимания программной архитектуры, методологий разработки и технических особенностей цифровых продуктов.

Мировая практика демонстрирует различные модели специализированного правосудия по интеллектуальным правам. В России с 2013 года действует Суд по интеллектуальным правам (СИП) – специализированный арбитражный суд, рассматривающий в пределах своей компетенции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав, в качестве суда первой и кассационной инстанций. В Беларуси судебная коллегия Верховного Суда по делам интеллектуальной собственности работает с 2000 года [15].

В Казахстане вопрос о создании специализированного суда или специальной судебной коллегии по интеллектуальной собственности обсуждается на протяжении многих лет. Статистика интеллектуально–правовых споров в Республике Казахстан демонстрирует устойчивый рост: если в 2013 году рассматривалось 101 дело, то в 2023 году – уже от 800 до – 1000 дел, что свидетельствует о десятикратном увеличении количества споров данной категории за истекшее десятилетие [15]. Создание специализированных судебных составов позволит повышать профессионализм судей, унифицировать судебную практику по интеллектуальным правам, укреплять в обществе атмосферу уважения к творческому труду и стимулировать развитие инноваций.

Рекомендации по совершенствованию защиты интеллектуальных прав

На основе анализа правоприменительной практики и зарубежного опыта представляется необходимым реализовать комплекс мер, направленных на повышение эффективности защиты прав творческих работников в IT–сфере. В первую очередь требуется совершенствование договорной практики: четкое прописывание условий распределения исключительных прав, лицензионных условий и порядка передачи прав на служебные произведения. Критически важным является использование технических средств фиксации авторства: репозитории с историей коммитов, систем контроля версий, цифрового депонирования с отметкой даты создания.

Необходимо повышение правовой грамотности IT–специалистов через обучение основам авторского права и права интеллектуальной собственности лицензирования и правоприменения. Как показывает практика, правовое невежество зачастую обходится дороже, чем квалифицированная юридическая поддержка. Важным направлением является совершенствование законодательства Казахстана об ответственности информационных посредников, включая маркетплейсы, за нарушения прав интеллектуальной собственности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос использования блокчейн–технологий и смарт–контрактов для автоматизации управления правами на результаты интеллектуальной деятельности IT–специалистов. Цифровой кодекс РК создает правовую основу для применения смарт–контрактов и распределен-

ных систем, что позволяет фиксировать момент создания произведения с криптографической точностью и обеспечивать автоматическое перечисление лицензионных вознаграждений без участия посредников [13].

Заключение

Защита прав творческих работников в сфере IT-технологий является необходимым условием устойчивого развития цифровой экономики. Анализ казахстанской судебной практики показывает, что суды признают нарушения авторских прав и выносят решения в пользу правообладателей при наличии надлежащей доказательственной базы, о чем свидетельствует, в частности, практика Верховного Суда Республики Казахстан по делу № 6001–25–00–Згп–67 [9] и решение Алматинского городского суда по делу о веб-сериале "5:32" [6]. Однако эффективная реализация прав требует совершенствования договорной практики, повышения правовой грамотности IT-специалистов и дальнейшей адаптации законодательства к новым цифровым вызовам.

Позитивным сигналом является принятие Цифрового кодекса от 9 января 2026 года, закрепляющего фундаментальные принципы регулирования цифровой среды, включая свободу создания и применения цифровых технологий, баланс частных и публичных интересов, технологическую нейтральность правового регулирования [13]. Международный опыт, включая практику применения концепции work made for hire в США [12], указывает на необходимость гармонизации национального законодательства с развивающимися международными стандартами. Только комплексный подход, сочетающий правовые, организационные и образовательные меры, позволит создать эффективную систему защиты прав творческих работников в сфере IT как в Республике Казахстан, так и в глобальном масштабе.

Список использованных источников

1. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6–І «Об авторском праве и смежных правах» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.01.2026 г.) // ИС Параграф. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798 (дата обращения: 16.03.2026).
2. Kapital.kz, 2021 – <https://kapital.kz/gosudarstvo/101424>.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой интеллектуальной собственности // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. – 2024. – № 4. – С. 12–18.
4. Дело фотографа З. против ТОО «Атырау–Акпарат» // Архив суда Атырауской области. – 2023.
5. Решение Специализированного межрайонного экономического суда г. Нур–Султана по делу № 3–4567/2021 // Архив суда г. Нур–Султана. – 2021.
6. Создатели веб-сериала "5:32" проиграли дело о плагиате // Paryz.kz. – 2026. – 17 февраля. – URL: <https://www.paryz.kz/kazakhstan-news/26272-sozdateli-veb-seriala-5-32-proigrali-delo-o-plagiate> (дата обращения: 16.03.2026).

7. На территории Казахстана действует ряд интернет-сайтов, нарушающих авторские и смежные права // Kazakhstan Today. – 2025. – 2 ноября. – URL: https://www.kt.kz/rus/society/na_territorii_kazahstana_dejstvuet_rjad_internetsajtov_narushajushtih_avtorskie_i_smezhnie_prava_1153524696.html (дата обращения: 16.03.2026).

8. Интеллектуальную собственность – из тени // Казахский репортер. – 2025. – 6 ноября. – URL: <https://www.kz-reporter.com/sport/item/173565-intellektualnuyu-sobstvennost-iz-teni> (дата обращения: 16.03.2026).

9. Верховный Суд защитил право на уникальный дизайн: гражданское дело № 6001–25–00–Згп–67 // Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан. – 2025. – 4 сентября. – URL: <https://sud.kz/rus/print/350871> (дата обращения: 16.03.2026).

10. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.08.2025 г.) // ИС Параграф. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 16.03.2026).

11. Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2004 года № 544–II «О регулировании торговой деятельности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) // ИС Параграф. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1046842 (дата обращения: 16.03.2026).

12. Copyright Act of 1976, 17 U.S.C. §§ 101, 201(b) // United States Code. – 1976. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title17&edition=prelim> (дата обращения: 16.03.2026).

13. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255–VIII ЗРК // ИС Параграф. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33430446 (дата обращения: 16.03.2026).

14. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2025 года № 233–VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам интеллектуальной собственности» // ИС Параграф. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35888630 (дата обращения: 16.03.2026).

15. Братусь Д.А. Специализированные суды и арбитражи по интеллектуальным правам // Kazamanat.kz. – 2024. – URL: <https://www.kazamanat.kz/news/1%20kz48/> (дата обращения: 16.03.2026).

PROTECTION OF THE RIGHTS OF CREATIVE WORKERS IN THE FIELD OF IT-TECHNOLOGIES IN KAZAKHSTAN

K. Maulenov, D.S. Larkovich, Sh.I. Dandaev

*International University of Information Technology,
Almaty, Kazakhstan*

The article is devoted to the legal status of IT specialists in Kazakhstan and the protection of their intellectual rights. Legislation (including the Digital Code of

2026), judicial practice and major copyright disputes are considered. Problems of law enforcement are identified and ways to solve them are proposed taking into account foreign experience.

Keywords: copyright, IT, intellectual property, digital economy, Kazakhstan.

УДК 347.77

ПРАВО НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ И ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КАЗАХСТАНА

К.С. Мауленов, В.А Якушевская, Е.Б Жеткербаев

*Международный университет информационных технологий,
г. Алматы, Республика Казахстан*

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты соотношения прав на фирменное наименование и товарный знак в законодательстве Республики Казахстан. Проведен анализ позиций ведущих ученых–цивилистов, исследована судебная практика по спорам о защите исключительных прав. На основе Посланий Президента РК К.–Ж. К. Токаева и анализа современного законодательства предложены пути совершенствования механизма разрешения коллизий между средствами индивидуализации.

Ключевые слова: фирменное наименование, товарный знак, интеллектуальная собственность, исключительное право, конкуренция, судебная практика, гражданское законодательство.

Введение

В условиях построения «Справедливого Казахстана» и активной интеграции национальной экономики в мировое пространство, вопросы защиты интеллектуальной собственности приобретают первостепенное значение. Эффективная защита средств индивидуализации участников гражданского оборота является фундаментом добросовестной конкуренции.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью правового обеспечения стратегического курса Главы государства на цифровую трансформацию и построение технологически развитого общества. В Послании народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 г. Президент К.–Ж.К. Токаев подчеркнул критическую важность интеграции государственных баз данных и внедрения передовых IT–решений. В этом контексте создание прозрачного механизма разграничения прав на фирменное наименование и товарный знак через цифровые инструменты (включая элементы ИИ) становится необходимым условием для защиты инновационного бизнеса и обеспечения стабильности гражданского оборота [1].

При этом современная юридическая наука указывает на усложнение природы самих объектов защиты в цифровой среде. В частности, отмечается, что средства индивидуализации всё чаще выступают структурными элементами так называемых "сложных объектов", таких как интернет-сайты и мультимедийные платформы, что требует новых подходов к их правовой квалификации [2, с. 12]. Это подтверждает необходимость адаптации законодательства РК к вызовам цифровой трансформации.

Тенденция к учету фактического восприятия бренда через интернет-поиск, проявленная в деле Rolex, коррелирует с международной практикой защиты прав в цифровой среде. Исследователи М. А. Рожкова и Е. В. Алымова подчеркивают, что при анализе "схожести до степени смешения" в современных условиях необходимо учитывать не только визуальный ряд, но и контекст использования обозначения в рамках сложных мультимедийных платформ, где товарный знак является ключевым идентификатором правообладателя [2, с. 38].

Новизна работы заключается в анализе последних изменений в законодательстве и судебной практике 2023–2025 годов, а также в выработке предложений по устранению правовых пробелов, возникающих при столкновении прав на различные средства индивидуализации.

Теоретические основы и дискуссионные вопросы

В казахстанской цивилистике вопросы средств индивидуализации традиционно вызывают оживленные дискуссии. Фундаментальный вклад в развитие теории исключительных прав внес выдающийся казахстанский ученый, доктор юридических наук, профессор Ю.Г. Басин. В своих трудах он отмечал, что фирменное наименование не только индивидуализирует юридическое лицо, но и служит гарантией качества его деятельности перед контрагентами [3, с. 115].

Современные исследователи (А.А. Амангельды, Л.А. Новосёлова и др.) развивают эти идеи, указывая на дуализм правовой природы средств индивидуализации. С одной стороны, это личное неимущественное право (право на имя), с другой – имущественное исключительное право [4, с. 20, 5, с. 37].

Согласно ст. 1020 Гражданского кодекса РК (далее – ГК РК), юридическое лицо имеет исключительное право использования своего фирменного наименования [6]. В то же время Закон РК «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров» регулирует права на товарные знаки.

Развитие цифровых технологий в 2024–2026 годах привело к возникновению новых правовых конструкций. Как отмечается в современных исследованиях (М.А. Рожкова, Е.В. Алымова и др.), средства индивидуализации сегодня все чаще рассматриваются не изолированно, а как компоненты "сложных объектов" интеллектуальных прав, таких как мультимедийные продукты и интернет-сайты. Это заставляет пересмотреть классический подход к фирменному наименованию только как к атрибуту юридического лица [2, с. 12].

Основная научная дискуссия разворачивается вокруг момента возникновения права. Позиция формалистов: право на фирменное наименование возни-

кает с момента регистрации юрлица, а на товарный знак – с момента регистрации в государственном реестре (QazPatent).

Позиция функционалистов: приоритет должен отдаваться тому средству, которое раньше стало известным потребителю, независимо от формальной регистрации.

Российские ученые (Л.А. Новоселова, В.И. Еременко и др.), чьи работы актуальны для сравнительного анализа в рамках ЕАЭС, указывают на необходимость введения единого критерия "старшинства права" [4]. В свою очередь, в казахстанской правовой литературе 2023–2025 годов утвердилось положение о необходимости законодательного закрепления безусловного приоритета товарного знака над тождественным фирменным наименованием. Данный подход, основанный на нормах об исключительных правах, направлен на исключение риска смешения обозначений в гражданском обороте при совпадении видов деятельности субъектов [5].

Анализ коллизии прав: фирменное наименование vs Товарный знак

Практическая проблема заключается в следующем: юридическое лицо может быть зарегистрировано как ТОО «Sunkar» (фирменное наименование), и оно начинает производить напитки. Другое лицо регистрирует товарный знак «Sunkar» для того же класса товаров (МКТУ 32). Возникает коллизия.

Согласно п. 4 ст. 1020 ГК РК, не допускается использование фирменного наименования, тождественного или сходного до степени смешения с чужим фирменным наименованием или товарным знаком, если это может ввести потребителей в заблуждение [7]. Однако на практике регистрирующие органы (НАО «Государственная корпорация «Правительство для граждан» и РГП «НИИС» Министерства юстиции) не имеют единой перекрестной базы данных для автоматической проверки тождества при регистрации.

Как отмечает А.А. Амангельды, "отсутствие междисциплинарной экспертизы между реестром юридических лиц и реестром товарных знаков создает почву для «патентного троллинга» и недобросовестной конкуренции".

Сравнительно-правовой контекст: опыт ЕАЭС

Проблема разграничения прав на средства индивидуализации не является исключительно казахстанской. Согласно Аналитическому обзору в сфере интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС за 2019–2023 годы, во всех государствах Союза фиксируется устойчивый рост числа споров, связанных со столкновением прав на товарные знаки и иные средства индивидуализации, причём доля дел, затрагивающих коллизию с фирменными наименованиями, ежегодно увеличивается [8]. Это свидетельствует о системном, а не локальном характере проблемы.

Наиболее последовательное законодательное решение в рамках ЕАЭС предложено в Российской Федерации: статья 1476 ГК РФ прямо закрепляет принцип старшинства при столкновении прав на фирменное наименование с правами на товарный знак – преимущество получает то средство индивидуализации, исключительное право на которое возникло раньше. Казахское законодательство подобной нормы пока не содержит, что порождает правовую не-

определённость, которую суды вынуждены восполнять в каждом конкретном деле. Имплементация аналогичного принципа в ГК РК обеспечила бы не только внутреннюю правовую определённость, но и гармонизацию правоприменительной практики в рамках ЕАЭС, что соответствует целям интеграционного объединения.

Анализ судебной практики

Изучение материалов, опубликованных в Бюллетене Верховного Суда РК и на интернет-ресурсе Верховного Суда за 2023–2026 годы, показывает рост споров данной категории. Ярким примером защиты исключительных прав в 2024 году является спор между швейцарской компанией ROLEX SA и ИП Шәкен С.С. Суть дела заключалась в коллизии прав на товарные знаки: гражданин РК зарегистрировал знак «COSMO» (рег. №84335), который истец сочла сходным до степени смешения со своим брендом «COSMOGRAPH».

Несмотря на первоначальный отказ Апелляционного совета, Специализированный межрайонный административный суд города Астаны в решении от 12 июля 2024 года по делу № 7194–24–00–4/1414 удовлетворил требования истца [12]. Суд указал на высокую вероятность смешения товаров и введения потребителей в заблуждение, подтвердив это результатами судебной экспертизы. Данный пример демонстрирует тренд: суды начали глубже исследовать фактическое восприятие бренда, что соответствует мировым стандартам защиты интеллектуальной собственности.

Доктринальные предложения по реформированию механизма разграничения средств индивидуализации

Изложенные проблемы нашли отражение в современной казахстанской правовой доктрине. В диссертационном исследовании А.Н. Сеитовой «Правовое регулирование охраны и защиты товарных знаков в Республике Казахстан: вопросы теории и практики» (2024) установлено, что центральным структурным изъяном действующей системы является отсутствие единого публично доступного реестра фирменных наименований. Именно этот пробел делает практически невозможной реализацию принципа «старшинства права» при регистрации товарных знаков: ни QazPatent, ни регистрирующие органы юридических лиц не располагают инструментом для перекрёстной проверки ранее возникших прав [13, с. 21].

В качестве системного решения А.Н. Сеитова обосновывает необходимость введения оппозиционного механизма при регистрации товарных знаков – по аналогии с практикой стран ОЭСР. Суть предложения состоит в следующем: поданные заявки на регистрацию товарного знака подлежат публикации до внесения в государственный реестр, после чего владельцы фирменных наименований получают право подать мотивированное возражение на основании тождества или сходства до степени смешения. Данная процедура предполагает законодательное дополнение оснований отказа в регистрации Товарного Знака нормой, прямо запрещающей регистрацию обозначения, сходного с фирменным наименованием, исключительное право на которое возникло ранее [12, с. 33].

Таким образом, казахстанская доктрина в лице указанного исследования независимо приходит к тому же выводу, что и российские учёные в рамках ЕАЭС: ключевым критерием разрешения коллизии между товарным знаком и фирменным наименованием должен служить момент возникновения исключительного права, а не вид средства индивидуализации. Это подтверждает общую для государств ЕАЭС тенденцию к унификации подхода на основе принципа «first in time – first in right».

Цифровые вызовы: новые формы коллизий средств индивидуализации

Развитие цифровой экономики порождает качественно новые формы столкновения прав на средства индивидуализации, выходящие за рамки традиционных коллизий. Концепция развития искусственного интеллекта в Республике Казахстан на 2024–2029 годы прямо указывает на необходимость адаптации института интеллектуальной собственности к условиям цифровой среды, включая вопросы охраны средств индивидуализации в рамках автоматизированных торговых платформ. В частности, регистрация доменных имён, названий аккаунтов в социальных сетях и идентификаторов на маркетплейсах фактически выполняет функцию средства индивидуализации, однако находится вне сферы действия реестров QazPatent и юридических лиц одновременно.

Это создаёт принципиально новый тип коллизии: юридическое лицо, чьё фирменное наименование или товарный знак является охраняемым, может обнаружить, что в цифровом пространстве аналогичный идентификатор уже занят третьим лицом, действующим в рамках формальной законности. Разрешение подобных конфликтов требует не только законодательного закрепления принципа старшинства права для традиционных средств индивидуализации, но и распространения его действия на цифровые идентификаторы – домены, никнеймы, QR-коды брендов. Именно в этом направлении сосредоточены усилия по созданию Единого цифрового контура, предлагаемого в настоящем исследовании.

Заключение и предложения

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что действующее законодательство РК содержит базовые механизмы защиты, но страдает от отсутствия процедурной синхронизации.

В свете задач, поставленных Президентом К.–Ж.К. Токаевым по цифровизации и дебюрократизации, предлагается:

Создание Единого цифрового контура: интегрировать базы данных юридических лиц и товарных знаков. При регистрации ТОО система должна автоматически проверять наличие тождественных товарных знаков в заявленных видах деятельности (ОКЭД).

Законодательные поправки: внести изменение в ст. 1022 ГК РК, прямо закрепив принцип «старшинства права» (first to file/first to use) при коллизии различных средств индивидуализации, как это сделано в ст. 1476 ГК РФ. Это устранил разночтения в судах.

Совершенствование судебной практики: верховному Суду РК рекомендуется обобщить практику 2023–2026 годов и выпустить разъяснение о критериях «однородности товаров» при конфликте наименования и знака, учитывая современные цифровые способы торговли (маркетплейсы).

Реализация данных мер повысит инвестиционную привлекательность Казахстана и обеспечит надежную защиту интеллектуального капитала отечественных предпринимателей.

Список использованных источников

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 12.03.2026).

2. Рожкова М. А., Алымова Е. В. и др. Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 4 (50). – С. 6–49.

3. Басин Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. – Алматы: ВШП «Әділет», 2003. – 736 с.

4. Амангельды А. Право интеллектуальной собственности Республики Казахстан. Учебник. Алматы. 2021. – 392 с.

5. Право интеллектуальной собственности: Учебник. Том 1: Общие положения / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – 2-е изд. – М.: Статут, 2023. – 512 с.

6. Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года № 456–І «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.). – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000456> (дата обращения: 15.03.2026).

7. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409–І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) // Информационно–правовая система нормативных правовых актов РК «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409> (дата обращения: 15.03.2026).

8. Амангельды А. Взаимодействие права интеллектуальной собственности с уголовным законодательством и законодательством об административных правонарушениях // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2023. – Т. 107. – № 3. – С. 42–50. – URL: <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2922> (дата обращения: 15.03.2026)

9. Rolex подал в суд на гражданина Казахстана: обзор судебного акта // Сетевое издание «Zakon.kz». – 2024. – 12 июля. – URL: <https://www.zakon.kz/pravo/6441065-rolex-podal-v-sud-na-grazhdanina-kazakhstan.html> (дата обращения: 15.03.2026).

10. Аналитический обзор в сфере интеллектуальной собственности в государствах – членах Евразийского экономического союза за период с 2019 по 2023 год. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d3/Analiticheskiy-obzor-v-sfere-IS-v-g_ch-EAES_2019_2023.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

11. Концепция развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы (в части защиты авторских прав) // Утверждена Постановлением Правительства РК от 24 июля 2024 года № 592. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (дата обращения: 15.3.2026).

12. Решение Специализированного межрайонного административного суда города Астаны от 12 июля 2024 года по делу № 7194–24–00–4/1414 по иску ROLEX SA к Министерству юстиции Республики Казахстан [Электронный ресурс] Судебный кабинет РК. – URL: <https://office.sud.kz> (дата обращения: 12.03.2026).

13. Сеитова А.Н. Правовое регулирование охраны и защиты товарных знаков в Республике Казахстан: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра философии (PhD): спец. «6D030100 – Юриспруденция» / науч. конс. М.К. Сулейменов. – Алматы: Каспийский общественный университет, Высшая школа права «Әділет», 2024. – 104 с.

RIGHT TO TRADE NAME AND TRADEMARK UNDER THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN

K.S. Maulenov, V.A. Yakushevskaya, E.B. Zhetkerbaev

*International University of Information Technology,
Almaty, Republic of Kazakhstan*

The article discusses theoretical and practical aspects of the relationship between the rights to a brand name and a trademark in the legislation of the Republic of Kazakhstan. An analysis of the positions of leading civil scientists was carried out, judicial practice on disputes over the protection of exclusive rights was investigated. Based on the Messages of the President of the Republic of Kazakhstan K.–J. K. Tokayev and the analysis of modern legislation proposed ways to improve the mechanism for resolving conflicts between means of individualization.

Key words: trade name, trademark, intellectual property, exclusive law, competition, judicial practice, civil legislation.

УДК 346.61:7(574.5)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

К.С. Мауленов, А.Ж. Мылтыкбаев, З.А. Бузильжан

*Международный университет информационных технологий,
г. Алматы, Республика Казахстан*

В статье исследуются особенности правового регулирования товарных знаков в сфере культуры и искусства в Республике Казахстан. Рассматриваются теоретические и практические аспекты использования товарных знаков куль-

турными учреждениями, включая театры, музеи, галереи и творческие союзы и организации. Особое внимание уделяется юридическим дискуссиям в области интеллектуальной собственности. В частности, анализируются позиции ученых–юристов, таких как Ю.Г. Басин, Е.П. Гаврилов, А.П. Сергеев и других, посвященные проблемам правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств их индивидуализации. Отмечается, что товарные знаки играют важную роль в формировании культурного бренда организаций искусства и культуры и способствуют развитию креативной экономики.

Цель исследования заключается в выявлении проблем правового регулирования товарных знаков в культурной сфере и разработке предложений по совершенствованию законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: правовое регулирование, товарные знаки, интеллектуальная собственность, культура и искусство, креативная индустрия, защита бренда, Республика Казахстан.

Введение

Развитие культуры и искусства является одним из ключевых направлений государственной политики Республики Казахстан. В современных условиях культурные учреждения всё активнее используют инструменты интеллектуальной собственности, включая товарные знаки, для продвижения своих проектов [1], формирования репутации и привлечения населения республики к культурным ценностям.

В Послании народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» Президент Республики Казахстан Касым–Жомарт Токаев [2] подчеркнул необходимость формирования современной креативной и инновационной экономики, основанной на развитии человеческого капитала, культуры и цифровых технологий, что требует совершенствования правовых механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что культурные учреждения всё чаще используют товарные знаки для продвижения своей деятельности, однако правовые механизмы их использования в культурной сфере остаются недостаточно изученными. В условиях развития цифровых технологий и глобальной конкуренции возрастает значение правовой защиты культурных брендов [3].

Развитие культурной инфраструктуры Республики Казахстан характеризуется устойчивым ростом числа учреждений культуры. Согласно официальным данным Бюро национальной статистики, по состоянию на 2024 год в стране действуют 3924 библиотеки, 275 музеев, 74 театра, 113 кинотеатров и более 3000 культурно–досуговых организаций [4].

Культурные учреждения ежегодно проводят десятки тысяч мероприятий. Например, только театры Казахстана организуют более 16 тысяч культурных мероприятий в год, а библиотеки являются наиболее посещаемыми учреждениями культуры, число посещений которых превышает 52 миллиона в год [4].

Такие показатели подтверждают значительную роль культурных организаций в общественной жизни страны и демонстрируют необходимость эффективного правового регулирования их деятельности, включая использование товарных знаков.

Такие показатели свидетельствуют о значительном развитии культурной сферы Казахстана и подтверждают необходимость эффективного правового регулирования использования средств индивидуализации, включая товарные знаки.

Развитие культурной инфраструктуры Республики Казахстан является важным фактором формирования национальной идентичности и культурного потенциала государства. Культурные учреждения, включая библиотеки, музеи, театры и концертные организации, играют значительную роль в распространении культурных ценностей, развитии творческих индустрий и повышении уровня культурного образования населения.

Согласно данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, в последние годы наблюдается устойчивый рост активности учреждений культуры. В частности, в 2023 году по сравнению с 2022 годом количество мероприятий, проводимых концертными организациями, увеличилось на 8,8 %, число экскурсий в музеях возросло на 7,4 %, а количество мероприятий, проводимых театрами, увеличилось на 7,4 %. Кроме того, культурно–досуговые организации увеличили число проводимых мероприятий на 4,8 % [4].

Рост культурной активности и увеличение количества культурных мероприятий свидетельствуют о постепенном восстановлении и дальнейшем развитии культурной сферы Казахстана. В условиях активного развития культурной индустрии особое значение приобретает правовое регулирование интеллектуальной собственности, включая использование товарных знаков культурными учреждениями. Театры, музеи, концертные организации и культурные центры всё чаще используют собственные бренды, логотипы и обозначения для продвижения своей деятельности, что делает актуальным вопрос правовой охраны товарных знаков в сфере культуры и искусства.

Таким образом, развитие культурной инфраструктуры Казахстана и рост активности учреждений культуры усиливают необходимость совершенствования правового регулирования использования товарных знаков в данной сфере, что позволит обеспечить защиту культурных брендов и повысить конкурентоспособность культурных организаций.

Вопросы правовой охраны товарных знаков и иных средств индивидуализации активно исследуются как казахстанскими, так и российскими учеными–юристами. Существенный вклад в развитие теории гражданского права и интеллектуальной собственности внес казахстанский ученый–цивилист Ю.Г. Басин. В его трудах подчеркивается значение интеллектуальной собственности как важнейшего элемента экономических отношений и правовой системы государства [5].

Российский ученый Е.П. Гаврилов рассматривает товарный знак как важнейшее средство индивидуализации товаров и услуг, выполняющее не только

экономическую, но и информационную функцию. По мнению ученого, товарный знак обеспечивает связь между производителем и потребителем, формируя устойчивое представление о качестве продукции или услуг [6].

Значительный вклад в развитие авторского права и права интеллектуальной собственности внес А.П. Сергеев [7], который отмечает, что товарный знак выступает одним из ключевых инструментов защиты деловой репутации организации [7]. В научной литературе также ведется дискуссия о пределах правовой охраны товарных знаков, особенно в случаях, когда обозначения используются в культурной сфере и могут иметь общественную значимость.

Современные научные юридические исследования также затрагивают проблемы цифровизации и использования товарных знаков в интернете, включая использование обозначений в доменных именах, социальных сетях и цифровых платформах [8].

Несмотря на наличие развернутой нормативной правовой базы, включающей Гражданский кодекс Республики Казахстан и Закон Республики Казахстан «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», правоприменительная практика выявляет ряд системных проблем.

Во-первых, законодательство не содержит специальных норм, прямо регулирующих использование элементов национального культурного наследия в составе товарных знаков. В условиях активного развития креативных индустрий предприниматели всё чаще включают в обозначения элементы традиционной символики, исторические наименования, названия памятников культуры. Однако отсутствует чёткий механизм согласования подобных регистраций [9] с органами культуры или уполномоченными государственными органами, отвечающими за охрану культурного наследия. Это создаёт риск коммерциализации объектов, имеющих общественную ценность.

Во-вторых, сохраняются сложности в доказывании репутационного вреда. В отличие от имущественного ущерба, который можно подтвердить документально, снижение доверия аудитории или размывание бренда носит оценочный характер. Судебная практика постепенно вырабатывает критерии, однако единообразный подход судов Казахстана пока не сформирован полностью [9].

В-третьих, цифровая среда порождает новые вызовы. Использование сходных обозначений в социальных сетях, на стриминговых платформах и маркетплейсах происходит быстро и зачастую анонимно. Для выявления нарушений требуются технические ресурсы, которыми обладают не все учреждения культуры, особенно региональные театры или музеи. Кроме того, трансграничный характер интернет-пространства осложняет защиту прав, если нарушитель находится за пределами Республики Казахстан [9].

Современная российская судебная практика демонстрирует многогранность споров о товарных знаках, особенно в сфере культурной деятельности. Основными аспектами рассмотрения являются сходство обозначений, оценка репутационного ущерба, добросовестное использование и защита прав в цифровой среде. Для культурных учреждений эти вопросы критически важны, по-

скольку бренды, логотипы и названия формируют имидж организации и доверие аудитории.

В деле А49–5900/2025 от 17 июля 2025 г. Арбитражный суд г. Москвы рассматривал спор о неправомерном использовании товарного знака культурной организации. Суд подчеркнул, что «сходство обозначений должно оцениваться с точки зрения восприятия потребителей, а репутационный ущерб может выражаться в снижении доверия аудитории, даже если имущественный ущерб не подтверждён документально» [10]. Эта практика актуальна для музеев и театров, чей бренд формирует культурную репутацию и привлекает посетителей.

В другом деле, А64–7439/2025 от 29 января 2026 г., рассматривался вопрос незаконного использования товарного знака в интернете. Арбитражный суд г. Москвы отметил: «Исключительные права на товарный знак распространяются на цифровую среду; при нарушении возможно требовать блокировки доменного имени и запрета публикации контента, нарушающего права правообладателя» [11]. Для культурных учреждений это имеет практическое значение при создании онлайн–галерей, трансляции спектаклей и распространении контента через социальные сети.

Дополнительной проблемой в Казахстане остаётся недостаточная правовая осведомленность субъектов культурной деятельности. Многие учреждения культуры не регистрируют свои обозначения в качестве товарных знаков, ограничиваясь фактическим использованием названия. В результате при возникновении спора они оказываются в менее защищённом положении.

С учётом выявленных проблем представляется необходимым дальнейшее совершенствование правового регулирования в этой сфере. Прежде всего, целесообразно уточнить законодательные критерии регистрации обозначений, содержащих элементы национального культурного наследия. Возможно введение обязательного согласования с компетентными органами в случаях использования исторических наименований или традиционных символов [12].

Следует также разработать специальные методические рекомендации для государственных и частных культурных учреждений по вопросам регистрации и защиты товарных знаков. Такие рекомендации могли бы содержать разъяснения по процедуре подачи заявки, особенностям выбора классов услуг, а также порядку защиты прав в судебном порядке.

В условиях цифровизации необходимо совершенствование механизмов пресечения нарушений в сети Интернет. Это может включать ускоренные процедуры блокировки доменных имён, использующих сходные обозначения, а также развитие сотрудничества с администраторами социальных сетей и онлайн–платформ [13].

Представляется важным усиление разъяснительной работы среди субъектов креативных индустрий. Повышение уровня правовой культуры позволит учреждениям культуры своевременно регистрировать свои бренды и эффективно защищать их.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование товарных знаков в сфере культуры и искусства Республики Ка-

захстан представляет собой сложный и многоуровневый правовой институт, находящийся на пересечении гражданского права, законодательства об интеллектуальной собственности и публично–правовых механизмов охраны культурного наследия. В условиях формирования креативной экономики товарный знак приобретает не только экономическое, но и социально–культурное значение, выступая инструментом идентификации, репутационной защиты и продвижения национального культурного продукта [14].

Анализ действующего законодательства, включая положения Гражданского кодекса Республики Казахстан и Закона Республики Казахстан «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», показывает, что нормативная база в целом соответствует международным стандартам, закреплённым в Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Мадридском соглашении о международной регистрации товарных знаков. Вместе с тем специфика культурной сферы выявляет необходимость дальнейшей детализации отдельных правовых положений.

В ходе проведенного научного исследования установлено, что товарный знак в сфере культуры выполняет одновременно несколько функций. Помимо традиционной функции индивидуализации услуг, он обеспечивает формирование устойчивого имиджа культурного учреждения, служит гарантом качества и стабильности культурного продукта, а также способствует привлечению инвестиций и развитию международного сотрудничества. Таким образом, товарный знак становится элементом культурной политики государства и инструментом реализации стратегических задач, обозначенных в Посланиях Президента Республики Казахстан Касым–Жомарта Токаева 2024–2025 годов, направленных на развитие креативных индустрий и укрепление национального бренда.

Судебная практика Верховного Суда Республики Казахстан подтверждает тенденцию к усилению защиты исключительных прав правообладателей. Суды всё чаще учитывают репутационную составляющую товарного знака, также специфику восприятия обозначений в сфере культурных услуг. Это свидетельствует о постепенном формировании комплексного подхода к оценке сходства обозначений и характера нарушений.

Вместе с тем выявлены и существенные проблемы. Во–первых, отсутствует специальное регулирование регистрации обозначений, содержащих элементы национального культурного наследия. В условиях активной коммерциализации культурной символики возникает риск приватизации общественно значимых объектов. Во–вторых, правоприменительная практика сталкивается со сложностями доказывания репутационного вреда. В–третьих, цифровая среда порождает новые формы нарушений, требующие оперативных и технологически адаптированных механизмов защиты [15].

В сфере культуры Республики Казахстан наблюдаются конкретные случаи нарушений прав интеллектуальной собственности, которые затрагивают как киноиндустрию, так и музыкальное искусство, а также авторов произведений, участвующих в публичных культурных мероприятиях. Одной из наиболее острых проблем является пиратство аудиовизуальных произведений [16]. Ши-

рокое распространение бесплатного просмотра фильмов через пиратские интернет-ресурсы наносит значительный ущерб киноиндустрии страны, поскольку использование охраняемых произведений осуществляется без согласия правообладателей. Значительная часть молодой аудитории предпочитает пиратские платформы, что снижает доходы от легального показа фильмов и напрямую нарушает авторские права, закрепленные законодательством Республики Казахстан для аудиовизуальных произведений [17].

Аналогичные трудности проявляются в музыкальной сфере, особенно в условиях цифровых платформ. В 2024–2025 гг. пользователи социальных сетей Facebook и Instagram временно утратили доступ к казахстанской музыке из-за истечения срока действия лицензии между платформой Meta и Казахстанским обществом авторов (KazAK). Этот случай иллюстрирует существующие проблемы соблюдения авторских прав на музыкальные произведения и демонстрирует, насколько важным является своевременное заключение соглашений о лицензировании для защиты интересов авторов в цифровой среде [18].

Кроме того, в 2025 г. казахстанские композиторы и наследники авторов обратились в Сенат Парламента Республики Казахстан с коллективной жалобой, требуя улучшения защиты авторских прав и прозрачности системы выплаты вознаграждений за использование произведений в телерадиовещании, концертах и публичных мероприятиях. Этот пример подчеркивает, что нарушения прав интеллектуальной собственности не ограничиваются лишь цифровыми платформами, но касаются и практических аспектов правоприменения в культурной сфере, включая распределение доходов и вознаграждений авторам [19].

Таким образом, пиратство, проблемы лицензирования и недостаточная защита авторских прав в Казахстане формируют комплексные препятствия для развития культурной индустрии и требуют комплексного подхода к регулированию и правоприменению.

На основании проведенного анализа представляется целесообразным предложить следующие направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Прежде всего, необходимо разработать нормативные критерии допустимости использования элементов культурного наследия в составе товарных знаков. Возможным решением может стать введение процедуры согласования уполномоченными органами культуры либо установление перечня объектов, не подлежащих регистрации в качестве товарных знаков.

Вторым направлением является совершенствование механизмов защиты в цифровой среде. Следует рассмотреть возможность внедрения ускоренных процедур рассмотрения споров, связанных с использованием товарных знаков в доменных именах и социальных сетях, а также развитие взаимодействия с администраторами онлайн-платформ.

Третьим направлением выступает повышение уровня правовой культуры субъектов культурной деятельности. Государственным органам и профессиональным объединениям целесообразно организовывать обучающие программы

и методические семинары, разъясняющие порядок регистрации и защиты товарных знаков.

Кроме того, представляется важным дальнейшее развитие юридических научных исследований в данной сфере. Современные публикации 2023–2025 годов в Казахстане демонстрируют интерес к вопросам цифровизации и коммерциализации культурных брендов, однако комплексных исследований, посвящённых именно специфике правового регулирования товарных знаков в сфере культуры Республики Казахстан, по-прежнему недостаточно. Это обуславливает необходимость продолжения дальнейших научных исследований в данной области.

Подводя итог, следует отметить, что эффективная правовая охрана товарных знаков в сфере культуры и искусства способствует формированию устойчивой культурной инфраструктуры, защите творческого потенциала и укреплению международного имиджа государства. Совершенствование законодательства Казахстана должно осуществляться с учётом баланса частных и публичных интересов, обеспечивая одновременно защиту прав правообладателей и сохранение культурного наследия.

Таким образом, развитие института товарных знаков в культурной сфере Казахстана является не только юридической задачей, но и стратегическим направлением государственной политики, направленной на модернизацию экономики, укрепление национальной идентичности и интеграцию Республики Казахстан в мировое культурное пространство.

Список использованных источников

1. Нурмагамбетов Ж.А., «Правовая природа товарного знака как средства индивидуализации в Казахстане», Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, 2022.

2. Токаев К.–Ж., «Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана “Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решение посредством цифровой трансформации”», 8 сентября 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.akorda.kz>. (дата обращения: 25.03.2026).

3. Калмырза Г.М., Джумабаева К.А., и Сарина С.А., «Искусственный интеллект в законодательстве Республики Казахстан о товарных знаках», Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 2025.

4. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, «Статистика культуры в Республике Казахстан», [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-culture/>. (дата обращения: 25.03.2026).

5. Басин Ю.Г., Гражданское право: учебник. Т. 3. Алматы: Жеты Жаргы, 2006.

6. Гаврилов Е.П., Право интеллектуальной собственности. Общие положения. Москва: Юрсервитум, 2015.

19. Новости – Сенат Парламента Республики Казахстан. URL: <https://senate.parlam.kz/en-US/news/details/12878>. (дата обращения: 25.03.2026).

LEGAL REGULATION OF TRADEMARKS IN THE FIELD OF CULTURE AND ART IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

K.S. Maulenov, A.Zh. Myltykbaev, Z.A. Buzilzhan

*International University of Information Technology,
Almaty, Republic of Kazakhstan*

The article examines the peculiarities of legal regulation of trademarks in the field of culture and art in the Republic of Kazakhstan. Theoretical and practical aspects of the use of trademarks by cultural institutions, including theaters, museums, galleries and creative unions and organizations, are considered. Particular attention is paid to legal discussions in the field of intellectual property. In particular, the positions of legal scholars are analyzed, such as Yu. G. Basin, En.P. Gavrilov, A.P. Sergeev and others, devoted to the problems of legal protection of the results of intellectual activity and means of their individualization. It is noted that trademarks play an important role in the formation of the cultural brand of organizations of art and culture and contribute to the development of the creative economy.

The purpose of the study is to identify problems of legal regulation of trademarks in the cultural sphere and develop proposals for improving the legislation of the Republic of Kazakhstan.

Key words: legal regulation, trademarks, intellectual property, culture and art, creative industry, brand protection, Republic of Kazakhstan.

УДК 343.85

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Г.И. Молев, А.А. Тюжина

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Статья посвящена исследованию феномена идеологического экстремизма в контексте современных вызовов национальной безопасности Российской Федерации. Авторами проводится анализ понятий «экстремизм» и «идеологический экстремизм» с позиций ученых, представлены статистические данные МВД России за 2023–2025 годы. Особое внимание уделяется изучению Указа Президента РФ от 28.12.2024 № 1124, которым утверждена Стратегия противодействия экстремизму. В работе приводятся примеры идеологического экстремизма и предлагаются меры по его предупреждению.

Ключевые слова: экстремизм, идеологический экстремизм, национальная безопасность, Стратегия противодействия экстремизму, предупреждение экстремизма.

В современном мире экстремизм представляет одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, стабильности общественных отношений и конституционному правопорядку. Для более глубокого понимания этого феномена, прежде чем переходить к анализу его идеологической составляющей, необходимо раскрыть понятие экстремизма, как родовой категории.

Однако несмотря на то, что Федеральный закон от 25.07.2002 № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» [1] содержит развернутый перечень проявлений экстремистской деятельности (экстремизма), легального определения самого понятия экстремизма в российском законодательстве не закреплено. Это обстоятельство порождает многообразие доктринальных подходов.

Согласно позиции Кочои С.М., экстремизм трактуется как идеология и практика противоправного воздействия на органы власти и граждан по мотивам национальной (этнической), религиозной, расовой и (или) политической ненависти. Соответственно, идеологический экстремизм – экстремизм на уровне идей, представляющий собой систему убеждений, основанную на ненависти или вражде [2, с. 243].

По определению Корсакова А.С. и Фомченко И.А., идеологический экстремизм представляет собой практическую реализацию экстремистской идеологии, выражающуюся в распространении и применении экстремистских идей для достижения политических, социальных или иных целей, часто насильственных. Данное явление характеризуется не только наличием экстремистских взглядов, но и инструментализацией посредством целенаправленных действий [3, с. 235].

Из приведенных доктринальных подходов следует отметить: идеологический экстремизм перестает быть сугубо теоретической конструкцией, как только экстремистские идеи начинают транслироваться в практическую плоскость – через публичные призывы, создание деструктивных сообществ или прямое насилие. Именно эта трансформация идеологии в действие поддается количественному измерению и фиксируется правоохранительной статистикой, позволяя оценить реальные масштабы угрозы.

Обратимся к официальным данным МВД РФ. В 2023 году на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1263 преступлений экстремистской направленности (–10,2 % – по сравнению с предыдущим периодом). В 2024 году показатель вырос до 1787 (+41,5 %). Негативная тенденция сохранилась и в 2025 году – зарегистрировано 2104 (+17,7 %) преступлений [4]. В целях выявления региональных особенностей динамики преступлений целесообразно обратиться к статистическим данным прокуратуры Пензенской области. В 2023 году было зарегистрировано 5 преступлений экстремистского характера. В 2024 году показатель остался неизменным, а в 2025 году их количество увеличилось

в три раза – до 15 [5]. Данные сведения свидетельствуют о возрастающей активности экстремистских проявлений, что требует принятия дополнительных мер реагирования со стороны государства.

Для начала необходимо проиллюстрировать, с какими проявлениями идеологического экстремизма сталкиваются правоприменители на практике:

Пример №1. Гражданка П. в г. Хабаровске, придерживаясь взглядов национальной розни, разместила в мессенджере Telegram комментариев с призывом к физическому уничтожению лиц русской национальности. Действия квалифицированы по части 2 статьи 280 УК РФ. Назначено 1,5 года лишения свободы условно.

Пример №2. Гражданин г. Барнаула в октябре–ноябре 2024 года оставлял в Telegram комментарии, содержащие призывы к дискриминации и агрессии в отношении русских, к насильственным действиям против военнослужащих. Действия квалифицированы по части 2 статьи 280 УК РФ. Назначено 1,5 года принудительных работ с запретом на размещение материалов в Интернете сроком на 2 года.

Пример №3. Житель Пензенской области, придерживаясь деструктивных взглядов, посредством мессенджера Telegram осуществлял публичные призывы к насильственным действиям в отношении русских и военнослужащих Вооруженных сил РФ, принимающих участие в специальной военной операции. Действия квалифицированы по части 2 статьи 280 УК РФ. Назначено наказание в виде 1,5 года принудительных работ с удержанием 5 % заработка в доход государства.

Приведенные случаи из судебной практики демонстрируют, как идеологически мотивированные высказывания приобретают статус уголовно наказуемых деяний. Так, составы преступлений, связанных с террористической деятельностью, указаны в статьях 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ [6]. За перечисленные деяния предусмотрены меры наказания – вплоть до пожизненного лишения свободы, которые направлены не только на борьбу с распространением террористической идеологии, но и выступают в качестве превентивного механизма, позволяющего снизить уровень экстремистской активности [7, с. 58].

В связи с вышеизложенным особое значение приобретает своевременное предупреждение идеологии экстремизма и терроризма. В данном контексте обратимся к Указу Президента от 28.12.2024 №1124, которым утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации [8]. Данный документ расширяет понятийный аппарат и «идентифицирует» формы идеологических угроз, определяет основные цели, задачи и направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, включая совершенствование нормативно–правовой базы, повышение эффективности профилактической работы, усиление координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также развитие механизмов выявления и пресечения экстремистских проявлений в информационно–телекоммуникационной сети «Интернет».

Кроме того, следует назвать: комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утвержденный Президентом РФ В.В. Путиным 30 декабря 2023 года № Пр–2610) [9] и Приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [10]. Данные нормативные правовые акты задают вектор развития государственной системы профилактики, конкретизируют субъектный состав, полномочия и формы реагирования, а также обеспечивают преемственность в реализации задач противодействия экстремизму. Их комплексное применение позволяет не только фиксировать уже совершенные противоправные деяния, но и выстраивать долгосрочные механизмы их предупреждения.

В соответствии с законодательной базой органов внутренних дел Российской Федерации, приоритетными направлениями агентурно–оперативной работы по предупреждению экстремистских проявлений, в частности среди молодежи, относятся:

- своевременное выявление лиц, намеревающихся совершить экстремистские деяния, в первую очередь организаторов преступных групп; лиц, определяющих объекты преступного посягательства, а также предпринимающих попытки приобретения оружия, технических средств и иных орудий преступления;
- осуществление негласного контроля за особо опасными рецидивистами, освобожденными из мест лишения свободы и находящимися под административным надзором, а также за лицами, ранее судимыми за тяжкие преступления, в целях своевременного выявления и пресечения их преступных намерений;
- проведение профилактических мероприятий в отношении лиц, находящихся в оперативной разработке или под оперативным контролем [11, с. 180–181].

Регулярность проведения разъяснительной работы и правовой пропаганды среди населения выступает необходимым условием достижения положительных результатов в рамках деятельности сотрудников правоохранительных органов по устранению причин преступлений и обстоятельств, им способствующих [12, с. 13].

Стоит отметить, что предотвращение экстремистских проявлений не является исключительно прерогативой правоохранительной системы. Не менее значимая роль в этом процессе принадлежит институтам семьи и образования, поскольку они формируют морально–нравственные ценности, законопослушное поведение, правовую культуру и устойчивость к деструктивной идеологии с раннего возраста. Причем речь идет не только о воспитании молодежи, но и просветительской работе со старшим поколением, чьи ценностные ориентиры при определенных информационных и иных воздействиях могут быть деформированы. Без вовлечения всех возрастных групп – комплексная профилактика экстремизма будет неполной.

Таким образом, экстремизм (идеологический экстремизм) представляет собой угрозу национальной безопасности, подтвержденную статистикой по-

следних лет. Эффективная профилактика экстремистских проявлений требует не только оперативной работы правоохранительных органов, но и взаимодействия институтов семьи и образования. Комплексное сочетание правовых, оперативных и просветительских мер выступает ключевым условием сдерживания экстремистской активности и защиты конституционного правопорядка.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.
2. Кочои С.М. О качестве уголовно–правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 240–247.
3. Корсаков А.С., Фомченко И.А. Анализ определения «идеологический экстремизм» // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе. 2025. С. 234–237.
4. Официальный сайт МВД РФ: https://58.мвд.рф/Dejatelnost/текущая-деятельность/Rezultati_operativno_sluzhebnoj_dejateln. Дата обращения: 24.05.2026.
5. Официальный сайт прокуратуры Пензенской области: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_58/activity/statistics/office/result/. Дата обращения: 24.05.2026.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63–ФЗ (ред. 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
7. Аношкина А.Н., Идиятуллина Ю.М., Крысин В.А. Меры уголовно–правового предупреждения терроризма и экстремизма // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 128–1. С. 57–59.
8. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.12.2024. № 53 (Часть I), ст. 8669.
9. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы: утв. Президентом РФ. 30.12.2023. №Пр–2610 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 24.05.2026.
10. Приказ МВД России от 24.08.2023 №610 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru>. Дата обращения: 24.05.2026.
11. Федорова И.В., Кардашевский В.В. Общие и специальные меры предупреждения экстремистской деятельности и методы борьбы с экстремистскими группированиями участковыми уполномоченными полиции и подразделениями уголовного розыска // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 180–182.
12. Ильина, О.В. Этнический экстремизм как разновидность экстремизма // Экономика и право Казахстана. – 2024. – № 6 (576). – С. 12–15.

IDEOLOGICAL EXTREMISM AND ITS PREVENTION

G.I. Molev, A.A. Tyuzhina

*Penza State University,
Penza, Russia*

The article is devoted to the study of the phenomenon of ideological extremism in the context of modern challenges to the national security of the Russian Federation. The authors analyze the concepts of "extremism" and "ideological extremism" from the standpoint of scientists, and present statistical data from the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2023–2025. Special attention is paid to the study of the Decree of the President of the Russian Federation dated 12/28/2024 No. 1124, which approved the Strategy for Countering Extremism. The paper provides examples of ideological extremism and suggests measures to prevent it.

Keywords: extremism, ideological extremism, national security, Strategy of countering extremism, prevention of extremism.

УДК 343.985

ТЕХНИКО–КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (СВО)

В.А. Никитина, В.А. Волкова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Высокая актуальность данной темы вызвана тем, что специфика современной криминогенной обстановки, обусловленная проведением специальной военной операции (далее – СВО), предъявляет новые требования к технико–криминалистическому обеспечению деятельности правоохранительных органов, особенно в зоне активных боевых действий. Развитие технико–криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов, используемого в зоне проведения специальной военной операции (СВО), отвечающей реалиям современной вооруженной борьбы, является важным условием для успешного расследования преступлений и обеспечения правопорядка в зоне специальной военной операции.

Ключевые слова: технико–криминалистическое обеспечение, правоохранительные органы, специальная военная операция, расследование преступлений, обеспечение правопорядка.

Специфика современной криминогенной обстановки, обусловленная проведением специальной военной операции (далее – СВО), предъявляет новые

требования к технико–криминалистическому обеспечению деятельности правоохранительных органов, особенно в зоне активных боевых действий.

Данное обстоятельство связано как с появлением новых видов преступлений, так и с изменением условий расследования традиционных преступлений, а также с ограниченностью ресурсов и повышенным риском для личного состава. Этот вооруженный конфликт, помимо очевидных военных и политических аспектов, породил ряд специфических криминалистических задач, требующих адаптации существующих методов и разработки новых подходов к расследованию преступлений в условиях ограниченных ресурсов, повышенной опасности и активного информационного противостояния.

Работа криминалиста (следователя–криминалиста, эксперта, следователя) в зоне вооруженного конфликта радикально отличается от гражданских условий. Основные задачи смещаются в сторону фиксации последствий обстрелов, идентификации погибших, анализа остатков зарубежных вооружений и работы с доказательствами военных преступлений. В этих условиях время нахождения специалиста на «объекте» ограничено из-за угрозы повторных ударов и минной опасности. В условиях специальной военной операции работа криминалистов и экспертов выходит на принципиально новый уровень. В нынешнее время криминалист в зоне боевых действий не просто юрист, а специалист широкого профиля, действующий в условиях экстремальной нагрузки.

В связи с этим, перед полевой криминалистикой, то есть комплексом знаний, навыков и технических средств, применяемых непосредственно на месте происшествия и при оперативных мероприятиях вблизи зоны боевых действий, возникают следующие актуальные задачи:

1. Обнаружение и фиксация следов преступлений, связанных с применением оружия и взрывчатых веществ. К таким преступлениям относятся, прежде всего, обстрелы гражданских объектов, диверсии, террористические акты, а также военные преступления, связанные с нарушением правил ведения войны. В связи с активным использованием артиллерии, минометов, беспилотных летательных аппаратов и других видов вооружения, для полевой криминалистики становится актуальным обнаружение металлических фрагментов взрывных устройств, осколков мин и снарядов, следов детонации, воронок, повреждений объектов, имеющих значение для установления обстоятельств произошедшего и др. следы.

Так что же используют криминалисты в зоне действия СВО? Для работы в полевых условиях используются как классические средства, так и современные высокотехнологичные комплексы:

Мобильные криминалистические лаборатории (МКЛ). Это один из ключевых инструментов для документирования военных преступлений и идентификации погибших. Передвижные комплексы на базе полноприводных автомобилей (ГАЗ, КАМАЗ). Они оснащены автономным питанием, средствами связи и рабочими местами для проведения экспресс-анализов прямо на месте происшествия.

Портативные детекторы взрывчатых веществ. Приборы типа «Пилот», «М–ИОН», позволяющие мгновенно обнаружить следы или пары взрывчатых веществ на объектах, в воздухе, на поверхностях, а также позволяют определить тип используемого взрывчатого вещества.

Генетические анализаторы (экспресс–ДНК): мобильные системы (например, типа RapidDNA) для быстрой идентификации личностей погибших в полевых условиях, для подтверждения или опровержения причастности. Генетические анализаторы значительно ускоряют процесс расследования, повышают его эффективность и точность, особенно в условиях, когда оперативность имеет важное значение.

Георадары и металлоискатели: для поиска скрытых захоронений, неразорвавшихся боеприпасов и схронов с оружием под землей или в завалах.

Преимущества металлоискателей: портативность, простота использования, эффективность. Преимущества георадаров: детальность, возможность обнаружения неметаллических объектов, глубина проникновения (может работать на несколько десятков метров).

Еще одной задачей, стоящей перед полевой криминалистикой, является:

2. Дистанционное исследование мест происшествий. Зачастую следователь не имеет возможности беспрепятственно и безопасно попасть на место происшествия, находящееся вблизи зоны боевых действий. Как отмечает Гаужаева В.А., рассматривая роль технико–криминалистического обеспечения, «совершенствование методов эксплуатации беспилотных летательных аппаратов (различных DJI и FPV моделей) для целей производства следственных действий, а также адаптация систем геоинформационного характера для информационно–справочного обеспечения расследования преступлений» становятся ключевыми задачами современной криминалистики. В условиях активных боевых действий применение БПЛА позволяет не только зафиксировать обстановку и обнаружить следы преступления, но и создать 3D– модели местности для детального исследования обстановки места происшествия. И тут особое внимание следует уделить вопросам информационной безопасности при использовании БПЛА, поскольку несанкционированный доступ к управлению или перехвату данных может повлечь серьезные последствия для расследования и безопасности следственной группы.

Итак, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) стали важным инструментом в криминалистике, расширяя возможности расследования преступлений и осмотра мест происшествий. Типы используемых БПЛА: квадрокоптеры, самолетного типа, специализированные БПЛА (оснащенные тепловизорами, газоанализаторами). Используются для масштабной аэрофотосъемки мест прилетов (что повышает наглядность и информативность материалов расследования), картографирования разрушений и поиска тел/фрагментов в труднодоступных местах, осмотр объектов на большой высоте или в опасных зонах (если доступ к месту происшествия ограничен по каким–либо причинам).

Лазерные 3D–сканеры. Позволяют создавать точные трехмерные модели разрушенных зданий и воронок от взрывов. Это критично для проведения бал-

листических экспертиз и определения траектории полета снаряда. Преимущества использования 3D–сканеров: высокая точность измерений, минимизация человеческого фактора, долговечность хранения (цифровые модели сохраняют качество неограниченное время).

Еще одной задачей является:

3. Обеспечение безопасности при проведении следственных действий. Проведение следственных действий вблизи зоны боевых действий сопряжено с риском обстрелов, подрывов на минах и других опасностей. В связи с этим, для полевой криминалистики становится актуальным применение средств обнаружения взрывчатых веществ, средств индивидуальной защиты, средств разминирования, а также планирование следственных действий с учетом возможных угроз. Как указывает В.А. Гаужаева: это обусловлено повышенным риском для следственных групп, работающих в зоне боевых действий, связанным с обстрелами, минированием и другими опасностями. В то же время, необходимо учитывать и специфические риски, связанные с ведением боевых действий, такие как возможность минирования территории и необходимость тесного взаимодействия с инженерно–саперными подразделениями. Интеграция геоинформационных систем (ГИС), таких как QGIS или ArcGIS, позволяет визуализировать данные о местности, выявлять потенциальные угрозы (например, минные поля) и прокладывать оптимальные маршруты передвижения следственных групп, в том числе с использованием данных, полученных с нелинейных локаторов типа «Лорнет». Дополнительным фактором повышения безопасности является интеграция данных с БПЛА для оперативного мониторинга обстановки.

Однако, несмотря на высокую оснащенность, криминалисты и следователи сталкиваются с рядом серьезных проблем:

1. Воздействие средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ): использование БПЛА часто становится невозможным из–за «глушения» сигналов как со стороны противника, так и своих подразделений. Это приводит к потере дорогостоящей техники.

2. Климатические и физические факторы: высокая запыленность, экстремальные температуры, влажность и грязь быстро выводят из строя тонкую электронику (оптику лазерных сканеров, сенсоры анализаторов).

3. Импортозависимость: значительная часть высокотехнологичного оборудования (3D–сканеры, реагенты для ДНК–анализаторов) – зарубежного производства. Проблемы с сервисным обслуживанием и закупкой расходных материалов в условиях санкций становятся критическими.

4. Минная опасность: специалист не всегда может подойти к нужному объекту с техникой из–за сплошного минирования территории («лепестки» и др.).

5. Энергопотребление: высокотехнологичные приборы требуют постоянной подзарядки, что в условиях разрушенной инфраструктуры превращается в логистическую проблему.

К возможным решениям вышеуказанных проблемных вопросов, а также для повышения эффективности технико–криминалистического обеспечения предлагаются следующие шаги:

1. Разработка специализированных «военных» версий приборов: переход на защищенные (ударопрочные, пылевлагозащищенные) корпуса по военным стандартам. Создание БПЛА, работающих на нестандартных частотах или использующих помехозащищенные каналы связи (инерциальные системы навигации без привязки к GPS).

2. Развитие импортозамещения: ускорение разработки отечественных портативных систем экспресс–тестирования ДНК и химических реагентов. Поддержка российских производителей георадаров и лазерных измерительных систем.

3. Внедрение ИИ–аналитики: использование нейросетей для автоматического анализа снимков с дронов (поиск специфических осколков или признаков захоронений). Создание единых цифровых баз данных по тактико–техническим характеристикам иностранных боеприпасов для мгновенной идентификации по фото.

4. Улучшение логистики и автономности: оснащение следственных групп мощными портативными зарядными станциями на солнечных панелях и мобильными комплексами спутниковой связи («Гонец» или аналоги).

5. Роботизация: внедрение наземных робототехнических платформ, способных нести на себе криминалистическое оборудование на заминированные или опасные участки (дистанционный осмотр).

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что технико–криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов в зоне проведения специальной военной операции (СВО) – это синтез классических знаний, навыков и технических средств, применяемых непосредственно на месте происшествия и в ходе оперативных мероприятий вблизи и в зоне боевых действий, и передовых военных технологий. Успех расследования зависит от того, насколько быстро технико–криминалистическая база адаптируется к суровым реалиям фронта. В результате проведенного исследования установлено, что криминалистическая деятельность в зоне СВО имеет существенные отличия от гражданской практики. Основными направлениями работы являются фиксация последствий обстрелов, идентификация погибших и анализ военных преступлений. В ходе работы выявлены ключевые проблемные вопросы: воздействие средств РЭБ, климатические факторы, зависимость от импортного оборудования, минная опасность и сложности с энергообеспечением. Предложенные решения, включая разработку специализированных военных версий приборов, развитие импортозамещения, внедрение ИИ–аналитики и роботизированных систем, позволят существенно повысить эффективность криминалистической работы в условиях боевых действий в зоне СВО.

В целом, развитие технико–криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов, используемого в зоне проведения специальной военной операции (СВО), отвечающей реалиям современной вооружен-

ной борьбы, является важным условием для успешного расследования преступлений и обеспечения правопорядка в зоне специальной военной операции.

Список использованных источников

1. Баев О.Я. Искусственный интеллект на службе военных следователей: анализ данных с БПЛА // Информационное право и кибербезопасность. – 2025. – № 4. – С. 22–28.
2. Гаужаева В.А. Техничко–криминалистическое обеспечение: новые возможности и перспективы развития / В.А. Гаужаева // Вестник КРУ МВД России. – 2024. – №3 (65). – С. 50–57.
3. Дурлуй О.Ю. Тенденции развития современной российской криминалистики // Российский следователь. 2023. №7. URL: <https://lawinfo.ru/releases/332/rossiiskii-sledovatel-7-2023> (дата обращения 01.06.2026).
4. Иванов П.А. Роботизированные средства дистанционной криминалистической разведки // Робототехника и право. – 2024. – № 2. – С. 40–45.
5. Косыева К.А. Новые задачи полевой криминалистики при расследовании преступлений в условиях специальной военной операции // Саратовская государственная академия. Институт юстиции // Вопросы Российской юстиции. – № 36. – С. 138–148.
6. Кирьянов В.К., Голубев С.В. Беспилотные летательные аппараты – современный вызов криминалистике // Эксперт–криминалист. – 2025. – № 2. – С. 35–37.
7. Ляшук В. (НИИ «Вектор»). Современные вызовы радиоэлектронной борьбы и защита критической инфраструктуры // Ассоциация «Транспортная безопасность». – 2025. – № 6. – С. 14–17.
8. Попов В.В. Портативные газоанализаторы для обнаружения взрывчатых веществ: обзор современных моделей // Специальная техника и вооружение. – 2025. – № 1 (36). – С. 24–27.
9. Ильина, О.В. Организация в органах внутренних дел анализа (оценки) оперативной обстановки / О.В. Ильина, Е.Д. Рассеев // Молодежная инициатива: Сборник статей IX Международной научно–практической конференции, Пенза, 15 мая 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 24–28.

TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT OF ACTIVITIES LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE AREA OF A SPECIAL MILITARY OPERATION (SVO)

V.A. Nikitina, V.A. Volkova

*Penza State University,
Penza, Russia*

The high relevance of this topic is caused by the fact that the specificity of the modern criminogenic situation, due to the conduct of a special military operation

(hereinafter referred to as the SVO), imposes new requirements for the technical and forensic support of the activities of law enforcement agencies, especially in the zone of active hostilities. The development of technical and forensic support for the activities of law enforcement agencies used in the zone of a special military operation (SVO), which meets the realities of modern armed struggle, is an important condition for the successful investigation of crimes and ensuring law and order in the zone of a special military operation.

Key words: technical and forensic support, law enforcement agencies, special military operation, crime investigation, law enforcement.

УДК 343.985

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В.А. Никитина, С.И. Кочетова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Современная цифровая криминалистика представляет собой сложную область, ориентированную на анализ, восстановление и изучение цифровых данных, которые находят применение при расследовании уголовных дел, а также в судебных процессах. ИИ не только ускоряет эти процессы, но и открывает новые возможности для раскрытия преступлений, которые ранее были труднодоступными или даже нерешаемыми. Технологии, такие как машинное обучение, глубокие нейронные сети, а также системы распознавания лиц и текста, произвели настоящую революцию в цифровой криминалистике, значительно повысив ее точность и эффективность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая криминалистика, машинное обучение, нейронные сети, системы распознавания лиц и текста.

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) стремительно становятся неотъемлемой частью множества сфер, включая криминалистику. Современная цифровая криминалистика представляет собой сложную область, ориентированную на анализ, восстановление и изучение цифровых данных, которые находят применение при расследовании уголовных дел, а также в судебных процессах. ИИ не только ускоряет эти процессы, но и открывает новые возможности для раскрытия преступлений, которые ранее были труднодоступными или даже нерешаемыми. Технологии, такие как машинное обучение, глубокие нейронные сети, а также системы распознавания лиц и текста, произвели настоящую революцию в цифровой криминалистике, значительно повысив ее точность и эффективность [1, с. 1338].

Считается, что первые признаки ИИ в криминалистике возникли в середине XX века. Тогда ученые начали создавать методы автоматизированной об-

работки информации. Прорывом стало появление оптического распознавания текста (OCR). Над этой системой работали с 1950-х. И, наконец, в 1974 году американский изобретатель Рэй Курцвейл показал первую коммерческую систему OCR, способную распознавать печатный текст и преобразовывать его в звуковую форму для людей с нарушениями зрения.

В 2024 году британская полиция получила ИИ-инструмент, способный выполнить «80 лет детективной работы за 30 часов». Мощность системы такая, что она может рассмотреть доказательные материалы по 27 сложным делам за 30 часов, на что у человека ушла бы вся жизнь.

Ученые Китайской академии наук в мае 2025 года создали модель искусственного интеллекта Difface. Разработка умеет реконструировать лицо по ДНК, обнаруженной, например, на месте преступления. В итоге криминалисты могут получить качественное 3D-изображение подозреваемого.

В России впервые внедрять искусственный интеллект в работу правоохранителей стали в 2015 году. Спустя три года во время чемпионата мира по футболу успешно протестировали систему распознавания лиц Findface Security. Тогда в нескольких регионах нейронку подключили почти к 500 камерам городского наблюдения, метрополитена, стадионов, фан-зон и передвижных биометрических комплексов. В итоге с помощью системы задержали 98 человек, которые числились в базах правоохранительных органов.

В США, например, полиция давно тестирует систему Predictive Policing. Она прогнозирует вероятность совершения преступлений в определенных районах на основе статистических данных о преступлениях, совершенных в населенном пункте за последние несколько лет, рассказывает юрист практики технологий, медиа и телекоммуникаций Melling, Voitishkin & Partners Валерия Эйстрах.

Сегодня похожие ИИ внедрили в Москве в рамках проекта «Безопасный город». Система отслеживает происходящее и прогнозирует возможные угрозы. Скорость и точность нейросетей позволяет обрабатывать огромные массивы данных, включая видеозаписи с камер наблюдения, телефонные разговоры и цифровые следы в интернете. Одна из самых распространенных систем криминалистического учета, которая есть в каждом отделе полиции, – база находящихся в розыске лиц.

Наш край также не остался в стороне. Работа по созданию системы видеонаблюдения в Пензе стартовала более 15 лет назад, а на данный момент в Пензенской области на этапе внедрения система видеоаналитики на базе искусственного интеллекта в рамках развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Проект будет реализован при участии технологического партнера госкорпорации «Ростех», компании NtechLab, совместно с разработчиком решений в области интеллектуального видеонаблюдения Netvision, говорится в поступившем в «Газету.Ру» пресс-релизе.

В рамках модернизации инфраструктуры в регионе интегрировано около полутора тыс. камер, видеопотоки с которых поступают в единый центр обработки данных. Алгоритмы NtechLab обеспечивают высокую скорость и точ-

ность распознавания лиц, силуэтов и поведенческих сценариев, что позволяет выявлять потенциально опасные ситуации и содействовать поиску пропавших людей.

Система охватывает ключевые городские пространства, включая улицы, парковые зоны, образовательные учреждения, транспортные остановки и логистические узлы. Централизация видеоданных повышает координацию между экстренными службами, включая подразделения МВД и МЧС, и способствует сокращению времени реагирования на инциденты.

По заявлениям разработчика, точность распознавания превышает 99 %, а обработка одного события занимает менее секунды.

«Внедрение такого решения позволяет предотвращать возможные критические ситуации и повысить уровень безопасности в регионах. Похожее решение уже работают в Новосибирской и Самарской областях, в Ставропольском крае, а также в Ямало–Ненецком автономном округе», – отметил генеральный директор NtechLab Алексей Паламарчук [2, с. 51].

Единый информационный центр также обеспечивает быстрый доступ к архивным видеозаписям, что упрощает проведение оперативно–розыскных мероприятий и формирование доказательной базы. В дальнейшем планируется масштабирование проекта, а общее количество подключенных камер может увеличиться до 5 тыс.

С 2020 года в России стали появляться более продвинутые системы для принятия решений. Одна из них – анализатор серийных убийств под названием «Маньяк». Принцип ее работы прост: в специальную таблицу вводят значимые данные с места преступления, характеристики жертвы (пол, возраст), оружие убийства и вид нападения. Искусственный интеллект просчитывает все возможные варианты и выдает наиболее верный. Так следователь может выдвинуть одну из версий и сузить круг подозреваемых.

В прошлом году в разработку запустили еще две системы: «Клон» и «Конъюнктура». Первая должна будет находить поддельные видео, созданные при помощи ИИ (в том числе дипфейки), а вторая – прогнозировать чрезвычайные ситуации, их последствия и моделировать сценарии реагирования. Сейчас для систем собирают данные, на которых они будут обучаться.

Польза от системы «Клон» очевидна: с помощью человеческого ресурса все дипфейки не найти. Но необходимо понимать, насколько нейросети могут ошибаться и обманывать. Как показывает практика отслеживания работы генеративного интеллекта, и то и другое возможно. Соответственно, у работы «Клона» тоже будет погрешность, которую надо учитывать. (Юлия Гуриева, адвокат, управляющий партнер Seven Hills Legal)

Хотелось бы отметить, что продвинутые системы криминалистического учета на основе нейросетей «Блок» помогают установить способы хищений и других экономических преступлений. Например, «Спрут» устанавливает связи субъектов преступления на основе знаний о преступных формированиях, и других экономических криминогенных факторах. «Маньяк» анализирует серийные убийства и помогает выдвинуть наиболее вероятную версию о типе предпола-

гаемого преступника. «Сейф» систематизирует информацию о кражах из хранилищ. «Зеркало» – геоинформационная система, которая оперирует пространственными (фактическими и статистическими) данными. «Криминалист» находит потенциальных преступников, группировки, места совершения преступлений, а также предлагает оптимальные решения для правоохранителей.

Перечисленные системы криминалистического учета отечественные. Многие начали разрабатывать еще советские специалисты. При этом импортные системы использовать не получится, поскольку в каждой из стран преступления имеют разную квалификацию. Например, в России употреблять жевательную резинку не запрещено, а в Сингапуре за нее полагается штраф в 1000 сингапурских долларов (около 65000 руб.), а за ее ввоз – и вовсе тюремный срок. Поэтому криминалистические системы носят локальный характер. Программное обеспечение тоже российское, поскольку пишется под конкретные цели. Это делается для безопасности с учетом чувствительности обрабатываемой информации.

Стоит отметить, что современные экспертные системы, такие как «Папилон» и «Маньяк», уже применяются для автоматизации трудоемких задач, таких как идентификация следов и отпечатков пальцев рук, анализ серийных убийств и помощь в выдвижении наиболее вероятных версий о типе предполагаемого преступника [3, с. 13].

Особенно важное значение приобретает использование искусственных нейронных сетей (ИНС) в судебно–почерковедческой экспертизе. Зарубежные исследования свидетельствуют о высоком уровне точности таких систем при классификации образцов почерка, сокращении сроков проведения экспертиз и уменьшении вероятности субъективных ошибок. Тем не менее сохраняются важные ограничения, связанные с недостатком стандартизации, сложностью интерпретации результатов работы ИНС и вопросами доверия к ним.

Таким образом, среди многообразия направлений использования ИИ в криминалистике, ключевыми направлениями выступают:

- автоматизация процессов обработки вещественных доказательств,
- прогностический анализ мест и времени совершения преступлений,
- улучшение качества судебных экспертиз, таких как анализ ДНК и сопоставление графических изображений.

Однако расширение роли ИИ выдвигает ряд острых этических–правовых проблем:

1. Конфиденциальность данных: обработка личной информации требует надежных правовых механизмов защиты от утечки или злоупотреблений.
2. Предвзятость алгоритмов: ИИ, обученные на необъективных данных, могут генерировать ошибочные и дискриминирующие решения.
3. Прозрачность и подотчетность: необходимо понимать, кто несет ответственность за ошибки ИИ, и как обеспечить их предсказуемость и интерпретируемость.

4. Соблюдение прав человека: недопущение вмешательства ИИ в частную жизнь без достаточных оснований, создание механизмов апелляции и контроля решений, принятых с помощью ИИ.

Международные инициативы, такие как Хартия Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы, подчеркивают обязательность учета принципа прозрачности, недопустимости дискриминации и обеспечения гарантий справедливого судебного разбирательства при применении ИИ [4, с. 44].

Авторитетные эксперты утверждают, что решение вышеуказанных проблемных вопросов и дальнейшее внедрение ИИ в криминалистику должно сопровождаться разработкой чётких правовых рамок, созданием специальных механизмов контроля и ответственности, повышением квалификации профессионалов–криминалистов, работающих с технологиями ИИ, а также разработкой международных стандартов и протоколов оценки результатов работы таких систем.

Список использованных источников

1. Белоголовкин М.В., Сомова М.В. Криминалистика и искусственный интеллект: новые вызовы и возможности// Вестник науки №5 (86) том 3. С. 1337 – 1342. 2025 г. ISSN 2712–8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.рф/article/23156> (дата обращения 01.06.2026).

2. Мищук В.А. Использование искусственных нейронных сетей для решения задач судебно–почерковедческой экспертизы: анализ зарубежного опыта // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – 20(1):44–65. – С. 149–154.

3. Ильина, О.В. Актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов / О.В. Ильина, А.Д. Евсеев // Молодежная инициатива: Сборник статей IX Международной научно–практической конференции, Пенза, 15 мая 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 13–16.

4. Перелыгин А.Е. Применение искусственного интеллекта в криминалистическом анализе: возможности и этические вопросы // Актуальные исследования. – 2023. – №52 (182). – Ч.II. – С. 44–46. URL: <https://apni.ru/article/8027-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-krimin> (дата обращения 01.06.2026).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FORENSICS

V.A. Nikitina, S.I. Kochetova

*Penza State University,
Penza, Russia*

Modern digital forensics is a complex field focused on the analysis, recovery and study of digital data, which find application in the investigation of criminal cases, as well as in litigation. AI not only speeds up these processes, but also opens up new opportunities for solving crimes that were previously difficult to access or even unsolvable. Technologies such as machine learning, deep neural networks, and facial

and text recognition systems have revolutionized digital forensics, greatly increasing its accuracy and effectiveness.

Keywords: artificial intelligence, digital forensics, machine learning, neural networks, face and text recognition systems.

УДК 343.985

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЗЛОДЕЙСКОГО ОБРАЩЕНИЯ ЯПОНЦЕВ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ И С МИРНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

К.Ю. Суркова

*Институт истории и международных отношений СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

В статье анализируются доказательства военных преступлений японской армии против военнопленных и мирного населения в 1937–1945 гг. Особое внимание уделяется документальным свидетельствам, представленным на процессе. Рассматриваются такие эпизоды, как Нанкинская резня, Батаанский марш смерти и деятельность отряда 731. Автор приходит к выводу, что зверства японских милитаристов носили не единичный, а системный, закреплённый в приказах характер и были квалифицированы трибуналом как военные преступления и преступления против человечности.

Ключевые слова: Токийский процесс, Международный военный трибунал, военные преступления Японии, Нанкинская резня, Батаанский марш смерти, отряд 731.

Токийский процесс проходил с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года. В его работе приняли участие 11 государств – Австралия, Великобритания, Индия, Канада, Китай, Нидерланды, Новая Зеландия, СССР, США, Филиппины и Франция. За это время состоялось 818 судебных заседаний, было допрошено 419 свидетелей, изучено свыше 4300 вещественных доказательств, а стенограмма процесса составила более 48 000 страниц [9].

Япония развязала войну в Азии ещё до прихода Гитлера к власти. По численности жертв среди гражданского населения и военнопленных, а также по чудовищности применяемых методов уничтожения японская армия превзошла по жестокости даже своих союзников по Тройственному пакту [4].

Доказательная база трибунала была сформирована в ходе масштабной следственной работы, проводившейся на территории Китая, Филиппин, Сингапура и других оккупированных территорий. Материалы проверок лагерей, освобождённых союзниками, японские дневники и приказы, а также показания выживших (около 700 человек) – всё это легло в основу обвинения. Только лишь перечислению конкретных фактов зверств, совершённых милитаристской

армией, отведены сотни страниц итогового приговора и два дополнительных тома приложений к нему [5, с. 37].

На Токийском процессе было справедливо отмечено, что «огромные по масштабу и единые по методам совершения военные преступления продолжались целых восемь лет (1937–1945) и охватывали в момент кульминации японских военных успехов одну четверть земного шара». На процессе было доказано, что массовым убийствам подвергались не только военнопленные, но и мирное население: женщины, дети, старики – их истребляли как «людей второго сорта» [5, с. 36].

Одним из центральных эпизодов обвинения стала Нанкинская резня – массовое уничтожение мирного населения столицы Китайской Республики после её захвата японскими войсками 13 декабря 1937 года. Согласно документам трибунала, всего за несколько дней жертвами расправы стали около 300 000 человек – как мирных жителей, так и военнослужащих. Японские солдаты намеренно отказались от использования штатного огнестрельного оружия, предпочитая более мучительные способы уничтожения. Тысячи людей были заколоты штыками, обезглавлены, зарыты заживо. Женщинам вспарывали животы и выворачивали внутренности, подвергали массовым изнасилованиям, после чего зверски убивали. Маленьких детей и пожилых женщин сжигали заживо [4]. В судебных заседаниях, посвященных Нанкинской резне, обвинение представило показания выживших, официальные документы и свидетельства очевидцев. Среди последних особое место занимали показания доктора Роберта Уилсона – единственного хирурга, оставшегося в Нанкине во время резни. В своих свидетельствах Уилсон называл Нанкинскую расправу адом, а военнослужащих тварями. Он также рассказал о сексуальном насилии со стороны японских солдат, приведшем к распространению сифилиса среди женщин [6, с. 36].

Жестокая политика в отношении покорённых народов проводилась Японией на протяжении всей войны. Характерный пример – оккупация британской колонии Сингапур 15 февраля 1942 года. Сразу после захвата города японские власти приступили к выявлению и уничтожению «антияпонских элементов» среди местной китайской общины. Эта карательная акция вошла в историю под китайским названием «Сук Чинг», что с китайского означает «ликвидация» или «чистка». Вскоре аналогичные меры были распространены на весь Малайский полуостров, где японцы, уже отказавшись от каких-либо предварительных разбирательств, приняли решение о тотальном истреблении населения. Встречавшихся европейцев также уничтожали, но уже под лозунгом «Азия для азиатов».

Стоит отметить японскую операцию на Филиппинах. В результате Манильской резни погибло свыше 100 тысяч человек. Подобное массовое истребление населения на оккупированных территориях не было случайностью – оно носило системный, преднамеренный характер. В целях экономии боеприпасов японцы просто сжигали людей заживо, связав колючей проволокой и облив бензином [4]. Это была японская система войны. В этой системе популярной была политика трех всех – убить всех, разграбить всех, сжечь всех [2, с. 23]. О действиях японской армии по отношению к захваченному населению можно

судить и из японской газеты, где было с восторгом сообщено о доблестном состязании двух офицеров, поспоривших, кто первым зарубит своим мечем сотню китайцев [2, с. 24]. Массовым расправам подвергались не только мирные жители, но и военнопленные. Взятие Нанкина сопровождалось чудовищной акцией уничтожения: в течение всего одного часа свыше 57 тысяч китайских солдат и офицеров были расстреляны и сброшены в воды реки Янцзы.

После захвата полуострова Батаан на Филиппинах японское командование организовало так называемый «Батаанский марш смерти» – принудительный переход более 70000 американских и филиппинских военнопленных на расстояние около 100 км. Пленных гнали по щебенке под палящими лучами солнца без воды и пищи в лагерь О’Доннелл. Тысячи погибли в дороге от перегрева, болезней, истощения, обезвоживания, ран и беспричинных казней [5, с. 37]. В материалах Токийского процесса сохранились свидетельства выживших участников марша, детально описывавшие условия перехода. В одном из документов трибунала зафиксировано, что японские конвоиры убивали отставших и обессиливших без какого-либо предварительного разбирательства [8].

Пытки военнопленных и гражданских интернированных лиц производились почти во всех регионах, где располагались японские войска. «К таким пыткам относились пытки водой, прижигание тела, пытки электричеством, растягивание коленных суставов, подвешивание, принуждение стоять на коленях на острых предметах и порка» [5, с. 37]. Очень популярно было использование живых военнопленных для тренировок штыкового боя. Военнопленных также подвергали воздействиям химического и биологического оружия, гранатам, огнеметам, сифилису, лишению пищи и воды, экстремальным температурам и атмосферным условиям, принудительной беременности и расчленению заживо в рамках экспериментов отряда 731 [4].

Чтобы лучше представить себе то, что происходило во время пыток, можно рассмотреть слова обвиняемых на трибунале. Так, обвиняемый Кавасима признался, что «заклѳчѳнный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть от заражения. Лиц, подвергавшихся заражению, лечили, исследуя различные методы лечения, нормально питали и после того, как они окончательно поправлялись, их использовали для следующего эксперимента, заражая другим видом бактерий. Во всяком случае живым из этой фабрики смерти никто никогда не выходил...» [3, с. 17]. Многие доказательства были получены из дневников офицеров, даже учитывая то, что немалая часть была уничтожена. Внимания заслуживает тот факт, что ключевые члены отряда 731 во главе с генералом Сиро Исии получили иммунитет от судебного преследования со стороны американских оккупационных властей в обмен на передачу данных экспериментов. Лишь в 1949 году в Хабаровске состоялся отдельный судебный процесс над членами отряда 731, на котором были осуждены 12 низших офицеров. Однако эти материалы долгое время рассматривались на Западе как советская пропаганда. Лишь после раскре-

чивания американских архивов в конце XX века стало очевидно, что факты, установленные Хабаровским трибуналом, были полностью достоверны [10].

Военные преступления японцев были настолько ужасны, что немцы иногда предоставляли убежище преследуемым. Говоря об этом, нужно отметить Йон Рабе, который спас порядка 250 000 китайцев в период Нанкинской резни. В исследованиях часто можно заметить, что китайский народ боготворил Рабе и считал спасителем. В свою очередь самого Рабе «повергало в ужас творившееся в городе насилие. На улицах он видел десятки изнасилованных и изуродованных женских тел, лежавших возле обугленных руин их домов» [6, с. 34]. Тем не менее, именно благодаря действиям японцев мы знаем, что человек на 80 % состоит из воды. Многие их эксперименты подтолкнули медицину вперед, но тем не менее все действия японцев остаются за гранью представления.

Токийский процесс имел ряд существенных недостатков. Император Хирохито был освобожден от ответственности [1], члены отряда 731 получили иммунитет. Часть подсудимых Токийского процесса, избежавших смертной казни и умерших в заключении, уже в 1955 году были помилованы и вышли на свободу. Двое из них впоследствии вернулись в политику и даже заняли высокие должности в правительстве Японии [5, с. 39]. Однако большинство японских военных преступников всё-таки предстали перед судом и понесли наказание. Тем не менее Япония до сих пор отрицает некоторые обвинения и не признает свои преступления. Судья Кенити Цунэиси, историк-эксперт по деятельности отряда, отмечал, что Японское правительство никогда официально не расследовало деятельность отряда 731 и не приносило публичных извинений за это преступление [7].

Таким образом, доказательства, представленные на Токийском процессе, свидетельствуют о том, что зверства японской армии в отношении военнопленных и мирного населения носили не единичный, а системный характер, закреплённый в приказах и реализованный на всей оккупированной территории. «Нанкинская резня», «Батаанский смертельный марш», «Сук Чинг», а также документированные пытки и эксперименты над людьми – элементы одной политики, которую международный трибунал квалифицировал как военные преступления и преступления против человечности.

Список использованных источников

1. Кириллов М. «Подданные плакали»: 80 лет назад император Хирохито отрекся от божественного статуса. Как он стал обычным человеком и спас Японию? // Lenta.ru. – 2026, 17 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2026/01/17/posledniy-bojestvennyi/> (дата обращения: 24.05.2026).

2. Кузнецов Д.В. Меч возмездия. Судебные процессы над японскими военными преступниками класса В и С, 1945–1951 гг. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2022. – 194 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/ZkXiz6yaAjX8z> (дата обращения: 26.05.2026).

3. Материалы судебного процесса по делу бывших военнотружущих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического

оружия. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1950. – 539 с.

4. Матвеев И. Япония – самый кровавый палач мирного населения во Второй мировой войне // The world and we. – 2018, 18 марта. [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldandwe.com/ru/page/yaponiya__samuyu_krovavyu_palach_mirnogo_naseleniya_vo_vtoroy_mirovoy_voynе.html (дата обращения: 26.05.2026).

5. Петухов Н.А., Рябцева Е.В. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 30–42.

6. Чан А. Нанкинская резня (пер. с англ.). – Санкт-Петербург: Изд-во Питер Класс, 2023. – 85 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://kniga-online.com/books/proza/istoricheskaja-proza/page-36-356204-nankinskaya-reznya-airis-chan.html> (дата обращения: 26.05.2026).

7. Tokyo TV tells how WWII germ war unit escaped prosecution // Los Angeles Times. – 1992, 16 April. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-04-16-mn-894-story.html> (дата обращения: 02.06.2026).

8. Shen Sheng, Tang Ya, Wang Pu, Zou Zhidong. New historical details from the Webb papers revealed by team led by Nanjing University professor Zhang Sheng // Global Times. – 2026, 8 May. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202605/1360528.shtml> (дата обращения: 24.05.2026).

9. Xinhua. World Insights: Truth, justice, unfinished business: Tokyo Trials still ring after 80 years // China.org.cn. – 2026, 3 May. [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2026-05/03/content_118475210.shtml (дата обращения: 28.05.2026).

10. Xu Nuo. Evidence mounts of Japan's wartime atrocities // China Daily. – 2025, 14 December. [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202512/14/WS693ed7afa310d6866eb2e883_3.html (дата обращения: 02.06.2026).

EVIDENCE OF THE JAPANESE TREATMENT OF PRISONERS OF WAR AND PEACEFUL INHABITANTS IN THE OCCUPIED TERRITORIES

K.Y. Surkova

*Institute of History and International Relations of N.G. Chernyshevsky SSU,
Saratov, Russia*

The article analyzes the evidence of the Japanese army's war crimes against prisoners of war and civilians in 1937–1945. Special attention is paid to the documentary evidence presented at the trial. The article examines such episodes as the Nanjing Massacre, the Bataan Death March, and the activities of Unit 731. The author concludes that the atrocities committed by the Japanese militarists were not iso-

lated incidents, but rather a systematic and orderly approach, and were classified by the tribunal as war crimes and crimes against humanity.

Keywords: The Tokyo Trials, the International Military Tribunal, Japanese war crimes, the Nanjing Massacre, the Bataan Death March, Unit 731.

УДК 343.985

НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В ПОРЯДКЕ СТ.237 УПК РФ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

О.А. Теплякова, М.В. Мачина

*Московский университет им. С.Ю. Витте,
г. Москва, Россия*

Данная статья посвящена нарушениям уголовно–процессуального законодательства, допускаемым органами предварительного следствия, которые впоследствии являются препятствием к постановлению судом итогового решения по уголовному делу и возвращению уголовных дел прокурору в порядке ст.237 УПК РФ. В данной работе приводятся примеры наиболее часто допускаемых нарушений со стороны следственных органов.

Ключевые слова: право на защиту; предварительное следствие; неустранимость нарушений; возвращение судом уголовного дела прокурору.

Право на защиту – один из базовых принципов уголовного судопроизводства, реализация и обеспечение которого является обязательным условием справедливого правосудия.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 N 29 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» гласит: «Право на защиту каждого, кто подвергся уголовному преследованию, признается и гарантируется Конституцией Российской Федерации (статьи 17, 45, 46, 48, 123), общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации в качестве одного из основных прав человека и гражданина» [2].

Право обвиняемого на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, то есть на получение квалифицированной юридической помощи, но и право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя всеми не запрещенными законом способами и средствами, в том числе все предусмотренные статьями 46 и 47 УПК РФ права подозреваемого и обвиняемого, которые не могут быть ограничены в связи с участием в деле его защитника и (или) законного представителя.

Обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, и предварительное расследование по делу: на дознавателя, орган дознания, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в ходе судебного производства – на суд.

Как следует из анализа судебной практики в ходе предварительного следствия нередко допускаются случаи существенного нарушения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, влекущих нарушение права обвиняемого на защиту, и являются препятствием к постановлению судом итогового решения по делу, в связи с чем суды вынуждены выносить постановления о возвращении уголовных дел прокурору в порядке ст.237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Вообще институт возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ, в которой чётко указан перечень оснований для возвращения дела прокурору, вызывает ряд вопросов, поскольку как следует из приведенных ниже данных судебной статистики суды трактуют такие основания в широком смысле, что приводит к необоснованному возвращению дел прокурору, что в свою очередь также нарушает ряд гарантированных законом прав обвиняемого, в том числе и на защиту.

Поскольку институт возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ является проблемным, что напрямую затрагивает право обвиняемого на защиту, Пленум Верховного Суда РФ 17 декабря 2024 года принял постановление № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» (далее – Постановление № 39). [3].

В данном документе особое внимание уделено случаям, когда существенные нарушения права на защиту препятствуют рассмотрению уголовного дела судом. Пленум разъяснил, что возвращение дела прокурору возможно не только при наличии формальных нарушений, но и в ситуациях, когда допущенные на досудебной стадии процессуальные ошибки фактически лишили обвиняемого возможности полноценно защищаться и реализовывать свои законные права.

Изучение судебной практики показало, что наиболее распространенными нарушениями, допускаемыми в ходе предварительного расследования и влекущих нарушение права на защиту и как следствие возвращение уголовного дела прокурору, являются нарушения при составлении обвинительных заключения, акта или постановления (п.1 ч.1 ст.237 УПК РФ).

В качестве такого примера возможно привести уголовное дело в отношении Б., рассмотренное 16 июля 2025 года Малокарачаевским районным судом Карачаево–Черкесской Республики, приговор по которому был изменен судом апелляционной инстанции в части размера назначенного наказания. Вместе с тем 26 января 2026 года судебные акты были отменены Пятым кассационным

судом общей юрисдикции с возвращением уголовного дела прокурору на основании п.1 ч.1 ст.237 УПК РФ, поскольку обвинительный акт по данному делу не был утвержден прокурором [5].

Или другой пример: постановлением Люблинского районного суда от 19 сентября 2025 года, уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ, возвращено прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом, поскольку анализ обвинения указывает на его неконкретность и противоречивость, так как описание объективной стороны события преступления, изложенное в обвинительном заключении не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона в силу своей неопределенности и противоречивости, поскольку обвинение не содержит описания фактических обстоятельств и конкретных действий лица, которые соотносятся с признаками состава преступления, вмененного этому лицу, а именно мошенничества, то есть хищения чужого имущества путем злоупотребления доверием [6].

Приговором Иссинского районного суда Пензенской области от 20 апреля 2023 года К. осужден по ч.1 ст.157 УК РФ.

Пензенский областной суд приговор отменил, возвратил уголовное прокурору в порядке ч.1 ст.237 УПК РФ, для устранения нарушений, препятствующих его рассмотрению судом, поскольку в составленном по делу обвинительном акте не были указаны суммы неуплаченных алиментов по периодам, а приведена при этом только общая сумма задолженности, тем самым не конкретизированы обстоятельства инкриминируемого К. преступления, что нарушает его право на защиту от предъявленного обвинения [7].

Кроме того, в практике имеются случаи, когда обвинение в обвинительном заключении имеет существенные отличия от обвинения, изложенном в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Как подчеркивают Татьяна А.В. и Шевченко А.А. данная оценочная категория характеризуется формальной неопределенностью содержания, в результате чего затрудняются процессы толкования и применения норм права [8, с.55].

В качестве примера подобного нарушения, допущенного в ходе предварительного следствия можно привести уголовное дело в отношении Д., обвинявшегося в совершении 18 преступлений против половой неприкосновенности, которое 15 марта 2023 года было возвращено прокурору Первомайского района г. Пензы в порядке п.1 ч.1 ст.237 УПК РФ, поскольку в формулировке обвинения, изложенной в обвинительном заключении по трем эпизодам преступлений, предусмотренных ч.2 ст.135 УПК РФ, органом предварительного следствия действия Д. квалифицированы, как развратные действия без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. При этом, при описании самих деяний в обвинительном заключении также ни по одному из указанных эпизодов не установлен возраст малолетнего потерпевшего, являющийся обязательным при описании объекта посягательства, а также изложенный в диспозиции ч.2 ст.135 УК РФ. Тогда как, согласно предъявленному постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, действия Д. по каждому из трех эпизодов

инкриминируемых деяний, предусмотренных ч.2 ст.135 УК РФ, органом предварительного следствия квалифицированы, как развратные действия без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, что фактически соответствует обстоятельствам, изложенным в обвинительном заключении, при описании самих деяний.

Или уголовное дело в отношении А., рассмотренное Кунцевским районным судом 20 мая 2025 года, по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Лицу было назначено наказание в виде реального лишения свободы. Приговор обжаловался осужденным в Московский городской суд в связи со строгостью назначенного наказания. Вместе с тем, судебная коллегия по уголовным делам приговор отменила, а уголовное дело возвратила прокурору в порядке ч.1 ст.237 УПК РФ. В качестве мотивов принятого решения коллегия указала, что обвинение, изложенное в обвинительном заключении, существенно отличается от обвинения, изложенного в обвинительном заключении.

Так, 27.01.2025 А. было предъявлено обвинение в краже, то есть тайном хищении чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

Вместе с тем, согласно обвинительному заключению он обвиняется в краже, то есть тайном хищении чужого имущества, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ). То есть в формулировке обвинения, изложенной в обвинительном заключении, отсутствует указание на квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину», который был ему вменен согласно постановлению о привлечении в качестве обвиняемого от 27.01.2025.

Кроме того, в фабуле предъявленного обвинения указано о причинении материального ущерба некоего лица, который участником уголовного судопроизводства по настоящему уголовному делу не является [9].

Как отмечает Конституционный Суд РФ, процедура возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его судебному рассмотрению по существу не является тождественной его возвращению для производства дополнительного расследования, поскольку иное ведет к нарушению прав участников судопроизводства [10].

Из анализа судебной практики следует, что и в этом случае органами предварительного следствия допускаются нарушения.

Так, апелляционным постановлением Пензенского областного суда от 28 августа 2024 года оставлено без изменения постановление Бессоновского районного суда Пензенской области о возвращении уголовного дела в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч.2 ст.264 УК РФ, прокурору для устранения препятствий рассмотрения его судом. Суды мотивировали свое решение тем, что согласно материалам дела, годом ранее районным судом уже выносилось постановление о возвращении уголов-

ного дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ в связи с неверным указанием места совершения дорожно–транспортного происшествия. Уголовное дело для увеличения объема обвинения судом прокурору не возвращалось. При этом прокурором в порядке, предусмотренном п.2 ч.1 ст.221 УПК РФ, решение о возвращении уголовного дела следователю для производства предварительного следствия и изменения объема обвинения также не принималось. Вопреки этому постановлению начальника следственного отдела предварительное следствие было возобновлено, после чего на протяжении двух месяцев органом следствия осуществлялись следственные действия, направленные на восполнение неполноты ранее проведенного предварительного следствия и предъявление В. более тяжкого обвинения путем проведения ряда следственных и иных процессуальных действий. Так, были установлены новые обстоятельства произошедшего дорожно–транспортного происшествия, вновь допрошены потерпевший и ряд свидетелей, дополнительно осмотрены автомобиль, место происшествия и предметы, проведен следственный эксперимент, назначена и проведена дополнительная автотехническая судебная экспертиза. Впоследствии указанные доказательства постановлением районного суда признаны недопустимыми. Из обвинительного заключения следует, что В. фактически предъявлено новое обвинение, основанное на доказательствах, полученных в ходе дополнительного расследования, согласно которому ему вменяется также нарушение дополнительных пунктов Правил дорожного движения РФ.

Данные обстоятельства свидетельствуют об увеличении объема обвинения с ухудшением положения обвиняемого по сравнению с обвинением, предъявленным ему до возвращения уголовного дела прокурору.

Изложенное нарушает право В. на защиту, препятствует определению точных пределов судебного разбирательства применительно к требованиям ст.252 УПК РФ, объективному разрешению вопросов о виновности или невиновности последнего.

Таким образом, в данной работе проводится системный анализ решений судов, связанных с возвращением уголовных дел прокурору по ст. 237 УПК РФ именно по мотиву нарушения права на защиту и выделяются типичные ошибки следствия, которые суды признают существенными нарушениями права на защиту, и формулируются практические рекомендации для правоприменителей. Настоящее исследование учитывает последние изменения в законодательстве и судебной практике, в том числе разъяснения Верховного Суда РФ, что позволяет выявить новые тенденции и пробелы в правоприменении с целью предупреждения нарушений права на защиту на стадии предварительного следствия, что может быть использовано для повышения качества расследования и судебного разбирательства.

Список использованных источников

1. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 N 174–ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 29 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Ермолаева Т.А., Маркина Е.А. Возвращение уголовного дела прокурору. Новые позиции Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. № 3, март 2025. С.86–89.

4. Данные судебной статистики, содержащиеся на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // <https://cdep.ru/?id=79> // Дата обращения: 1.03.2026.

5. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2026 N 77–97/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное постановление Московского городского суда от 15.12.2025 по делу N 10–24930/2025 (УИД 77RS0015–02–2025–012050–26) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное постановление Пензенского областного суда №22–701 от 21 июня 2023 года// Официальный сайт Пензенского областного суда: https://oblsud—pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7610527&delo_id=4&new=4&text_number=1 // Дата обращения: 23.04.2026.

8. Татьяна А.В., Шевченко А.А. Основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: анализ положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39. Часть 1 // Вестник Таганрогского института управления экономики. 2025. № 1 (45).

9. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.09.2025 по делу N 10–16484/2025 (УИД 77RS0013–02–2025–001532–64) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сулова Н.В. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 237 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации» //Официальный сайт Конституционного Суда РФ // <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision706840.pdf> // Дата обращения: 15.02.2026.

**VIOLATION OF THE RIGHT TO DEFENSE DURING THE PRELIMINARY
INVESTIGATION AS A BASIS FOR THE COURT TO RETURN
THE CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR IN ACCORDANCE WITH
ARTICLE 237 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION, BASED ON JUDICIAL PRACTICE**

O.A. Teplyakova, M.V. Machina

*Moscow Witte University,
Moscow, Russia*

This article is dedicated to violations of criminal procedure legislation committed by preliminary investigation authorities, which subsequently become an obstacle

to the court's final decision on a criminal case and the return of criminal cases to the prosecutor in accordance with Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. This paper provides examples of the most frequently committed violations by investigative authorities.

Keywords: right to legal defence; preliminary investigation; irremediable violations; return of criminal case by court to prosecutor.

УДК 343.851

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ДОСТАТОЧНОСТЬ МЕР УГОЛОВНО–ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Д.И. Фирсова, А.М. Смирнова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

В статье анализируется современное состояние уголовного законодательства Российской Федерации в сфере защиты семьи и интересов несовершеннолетних. Рассматривается глава 20 УК РФ, оценивается эффективность существующих санкций и предлагаются пути совершенствования правовых норм для повышения уровня защищенности наиболее уязвимых слоев населения.

Ключевые слова: правоохранительные органы, несовершеннолетние, профилактика правонарушений, соразмерность наказания.

Семья и детство являются фундаментальными ценностями любого цивилизованного общества, а их защита – приоритетной задачей правового государства. В Российской Федерации этот приоритет закреплён на конституционном уровне (ст. 38 Конституции РФ), где подчеркивается, что материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Однако, несмотря на провозглашенные принципы, реалии 2026 года демонстрируют сохранение высокого уровня преступности в данной сфере.

Современный период характеризуется трансформацией угроз: наряду с «традиционным» насилием в семье и уклонением от алиментов, на первый план выходят посягательства, совершаемые с использованием высокотехнологичных инструментов, нейросетей и анонимных платформ. Статистика последних лет показывает, что механическое ужесточение санкций не всегда ведет к снижению рецидива или реальному восстановлению прав потерпевших. В связи с этим вопрос о достаточности мер уголовно–правового воздействия – то есть их способности не только карать, но и предупреждать преступления, а также минимизировать вред для несовершеннолетних – приобретает критическое значение для юридической науки и практики.

Вопросы уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних освещались в трудах таких ученых, как А.И. Рарог, Н.Г.

Иванова, Ю.Е. Пудовочкин и другие. Однако большинство исследований сосредоточено на квалификации деяний, в то время как системный анализ «эффективности через призму достаточности» в условиях цифровизации и новых социальных вызовов 2024–2026 гг. остается недостаточно изученным.

Глава 20 УК РФ занимает особое место в структуре Особенной части, так как она включена в Раздел VII «Преступления против личности». Это подчеркивает приоритет интересов ребенка и семьи над государственными или экономическими интересами.

Для понимания системы важно выделить, на что именно посягают данные деяния:

Общественные отношения, обеспечивающие права и законные интересы личности.

Совокупность отношений, обеспечивающих нормальное физическое, интеллектуальное и нравственное развитие несовершеннолетних, а также материальное благополучие и стабильность семьи.

В большинстве составов этой главы субъект является специальным. Это либо родители (лица, их заменяющие), либо лица, обязанные воспитывать несовершеннолетнего по роду своей деятельности (педагоги, воспитатели). В статьях 150–151.2 субъектом может быть любое лицо, достигшее 18 лет.

В доктрине уголовного права преступления главы 20 принято делить на две основные группы.

Группа I. Преступления, посягающие на нормальное развитие несовершеннолетнего

Эти деяния препятствуют правильному формированию личности ребенка, вовлекая его в противоправную или аморальную деятельность.

Вовлечение в совершение преступления (ст. 150 УК РФ): Опасность заключается в «инфицировании» сознания подростка криминальными установками. Квалифицирующим признаком здесь выступает применение насилия или совершение деяния родителем/педагогом.

Вовлечение в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ): касается систематического употребления алкоголя, наркотиков или занятия бродяжничеством.

Неисполнение обязанностей по воспитанию (ст. 156 УК РФ): Ключевой элемент – сочетание неисполнения долга с жестоким обращением. Именно эта статья часто становится предметом дискуссий о «достаточности» мер, так как грань жестокости в законе размыта.

Вовлечение в действия, представляющие опасность для жизни (ст. 151.2 УК РФ): относительно новая норма (введена в 2017 г.), направленная на борьбу с «кураторами» опасных игр в соцсетях и организаторами несанкционированных митингов с участием детей.

Группа II. Преступления, посягающие на интересы и устои семьи

Здесь акцент смещается на защиту биологических связей, тайны семейной жизни и материальную поддержку.

Подмена ребенка (ст. 153 УК РФ): Редкое, но тяжкое по последствиям преступление, совершаемое из корыстных или иных низменных побуждений.

Разглашение тайны усыновления/удочерения (ст. 155 УК РФ): охраняет психическое спокойствие семьи. Важно, что ответственность наступает только в случае, если разглашение совершено вопреки воле усыновителя.

Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ): самый массовый состав главы. Особенность – административная преюдиция: уголовное дело возбуждается только после того, как лицо уже было подвергнуто административному наказанию по ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Большинство составов в главе 20 являются формальными. Это означает, что преступление считается оконченным в момент совершения действия (например, в момент уговоров подростка совершить кражу), независимо от того, наступили ли реальные вредные последствия.

Такая конструкция свидетельствует о высокой степени общественной опасности данных деяний: законодатель наказывает за сам факт создания угрозы нормальному развитию ребенка.

Вопрос «достаточности» в уголовном праве – это не только суровость санкций, но и их неотвратимость, а также способность закона реально восстанавливать нарушенные права.

По данным правоприменительной практики последних лет, наблюдается «застывшая» динамика.

Статья 157 УК РФ (алименты): остается лидером по количеству приговоров (до 70 % от всех дел главы 20). Однако общая сумма задолженности по стране снижается крайне медленно.

Статьи 150–151 УК РФ (вовлечение): показывают рост в сегменте «дистанционных» преступлений (наркошопы, мошенничество), где организаторы остаются в тени, а на скамью подсудимых попадают лишь «пешки».

Механизм административной преюдиции (сначала штраф по КоАП, потом уголовное дело) был внедрен для гуманизации, но он породил системную проблему:

Экономическая нецелесообразность: лишение свободы или принудительные работы фактически вырывают должника из легального рынка труда. Находясь в колонии, осужденный зарабатывает копейки, которые не покрывают даже часть долга.

Эффект «клейма»: после судимости человеку сложнее устроиться на высокооплачиваемую работу, что делает выплату алиментов в будущем еще менее вероятной.

Меры воздействия здесь скорее карательные, чем восстановительные. Достаточность наказания под вопросом, так как главная цель – содержание ребенка – не достигается.

Статья 156 (неисполнение обязанностей по воспитанию + жестокое обращение) – одна из самых сложных для доказывания.

Отсутствие дефиниции: в УК РФ нет четкого определения «жестокое обращения». Что это? Только побои? Или систематическое лишение еды, сна, психологический абьюз?

Латентность: соседи и учителя часто боятся сообщать о подозрениях, пока не случится трагедия.

Недостаточность санкции: максимальный срок (до 3 лет) часто считается юристами слишком мягким, если учитывать долгосрочные психологические травмы ребенка, которые могут искалечить всю его дальнейшую жизнь.

Современные «вовлекатели» редко встречаются с подростками лично. Использование Telegram, даркнета и криптовалют делает традиционные методы расследования малоэффективными.

Текущие формулировки статей не учитывают специфику психологического манипулирования в сети. Организаторы «групп смерти» или кураторы наркотрафика часто используют методы нейролингвистического программирования, которые сложно квалифицировать как «угрозы» или «обещания» в классическом понимании ст. 150 УК РФ.

Анализ показывает, что уголовно-правовое воздействие на данный момент является фрагментарным:

Оно эффективно наказывает за явные, «грубые» нарушения (физическое насилие, открытая неуплата).

Оно пасует перед скрытыми угрозами (психологическое насилие, цифровая эксплуатация).

Оно часто не решает финансовый конфликт внутри семьи, а лишь усугубляет его судимостью.

Для того чтобы меры воздействия стали достаточными, необходимо сместить фокус с чистого возмездия на восстановление социальных связей и защиту психики несовершеннолетнего.

Внедрение программ обязательной психологической коррекции.

Для преступлений небольшой и средней тяжести (ст. 156, ч. 1 ст. 157 УК РФ) предлагается ввести альтернативную меру: отсрочку наказания при условии прохождения реабилитации.

Если родитель совершил неисполнение обязанностей по воспитанию без тяжкого вреда здоровью ребенка, суд может назначить прохождение курса работы с психологом и социальными службами.

Тюремный срок для матери или отца часто ставит крест на будущем ребенка (детдом, клеймо «ребенок зэка»). Психологическая коррекция направлена на устранение причины (агрессия, зависимости), а не только на наказание за следствие.

Если по окончании курса поведение изменилось, судимость может быть погашена или наказание смягчено.

Вместо лишения свободы, которое делает выплату алиментов невозможной, предлагается:

Специализированные трудовые квоты: осужденные по ст. 157 направляются на работы с гарантированным доходом, из которого автоматически вычитается 50–70 % в пользу ребенка;

Запрет на замену наказания реальным сроком при активном поиске работы: если должник доказывает попытки трудоустройства через центры занятости, уголовная репрессия должна носить исключительно контролирующий, а не изолирующий характер.

Учитывая, что в 2026 году вовлечение подростков в деструктивные действия происходит преимущественно через нейросети и мессенджеры, необходимо:

Ввести во все статьи главы 20 пункт «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" и технологии искусственного интеллекта»;

Установить более высокую планку наказания для анонимных организаторов (кураторов), чьи действия носят системный характер, по сравнению с разовыми бытовыми случаями.

Достаточность мер зависит от того, кто их назначает. Создание специализированных судебных составов (или введение обязательного участия семейного психолога в процессе) позволит суду видеть не «статью», а семейный сценарий, который нужно исправить.

Достаточность мер уголовно-правового воздействия в 2026 году должна измеряться не количеством заключенных, а количеством сохраненных семей и детей, чьи права были реально восстановлены. Уголовный кодекс должен стать гибким инструментом, который умеет и карать, и лечить.

Проведенное исследование позволяет комплексно изучить институт уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних в Российской Федерации. Анализ положений главы 20 УК РФ в контексте современных социально-экономических и технологических вызовов 2026 года привел к ряду концептуальных выводов:

Исследование подтвердило, что текущая уголовная политика в данной сфере страдает от «репрессивного перекоса». В попытке защитить интересы детей законодатель зачастую полагается на усиление санкций, забывая о том, что изоляция родителя (особенно в делах о неуплате алиментов) часто наносит ребенку дополнительный вред – как экономический, так и психологический.

Мы установили, что «достаточность» мер воздействия сегодня – это не суровость наказания, а его точность и способность к ресоциализации. Уголовный закон должен перестать быть «мечом», отсекающим проблемный элемент семьи, и стать «скальпелем», исправляющим деформацию семейных отношений.

Ключевым итогом работы стало обоснование необходимости перехода к восстановительному правосудию в семейных делах.

Предложенные в статье механизмы – такие как обязательная психологическая коррекция для родителей, совершивших правонарушения без тяжких последствий, и внедрение трудовой квотируемости для алиментщиков – способны

снизить рецидив в разы эффективнее, чем тюремное заключение. Это позволяет рассматривать семью как целостный объект защиты, а не как набор разрозненных правовых субъектов.

Исследование показало, что уголовное право находится в «догоняющей» позиции относительно цифровой преступности. Использование ИИ, нейросетей и анонимных мессенджеров для вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества требует немедленной модернизации ст. 150–151.2 УК РФ. Без введения квалифицирующих признаков, учитывающих использование цифровых технологий, правовые меры против «кураторов» и организаторов остаются малоэффективными, наказывая лишь рядовых исполнителей.

Для достижения реальной достаточности мер воздействия необходимо:

Легализовать определение «жестокое обращение», включив в него психологическое насилие и пренебрежение нуждами развития ребенка.

Трансформировать административную преюдицию, сделав упор не на автоматизм уголовного преследования, а на возможность реабилитации должника/правонарушителя до наступления уголовной ответственности.

Синхронизировать действия органов опеки и правоохранительных органов, чтобы уголовное воздействие не шло вразрез с интересами сохранения семейной среды.

Таким образом, достаточность уголовно-правового воздействия в 2026 году определяется не количеством вынесенных обвинительных приговоров, а показателями сохранения семьи как социальной единицы и обеспечением безопасности несовершеннолетних. Уголовный закон должен превратиться в гибкий инструмент, который, оставаясь грозной силой для преступников, одновременно создает условия для исправления ситуации внутри семьи, не допуская её разрушения.

Данное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения влияния психологических методов на эффективность уголовного наказания, что может стать темой для смежных научных работ в области ювенальной психологии и криминологии.

Список использованных источников

1. Курс уголовного права. Том 6: Преступления против личности / под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Зерцало, 2018. – 544 с.
2. Пичугина Е.А. Защита несовершеннолетних от преступных посягательств: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2020. – 200 с.
3. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.И. Кучерова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 896 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Ильина, О.В. Особенности административной ответственности лиц, не достигших 18 лет / О.В. Ильина, А.В. Краснорепова // Молодежная инициатива: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции,

Пенза, 15 мая 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 46–52.

CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS: THE ADEQUACY OF CRIMINAL LAW MEASURES

D.I. Firsova, A.M. Smirnova

*Penza State University,
Penza, Russia*

This article analyzes the current state of criminal legislation in the Russian Federation regarding the protection of the family and the interests of minors. It examines Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, evaluates the effectiveness of existing sanctions, and proposes ways to improve legal norms to enhance the protection of the most vulnerable segments of the population.

Keywords: law enforcement agencies, minors, crime prevention, legal regulation, proportionality of punishment.

УДК 343.985

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Д.В. Фролов, Д.А. Голова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Статья посвящена вопросам предупреждения и профилактики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков органами внутренних дел. Рассмотрены и представлены основные показатели преступности в данной сфере, рассмотрены современные подходы подразделений ОВД по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также рассматривается ряд рекомендаций по предупреждению преступлений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: предупреждение преступлений органами внутренних дел; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; показатели преступности.

Масштаб наркопотребления и темпы его роста в России позволяют констатировать: наркотизация становится одной из главных проблем страны, ставящей под вопрос само будущее общества. Следствия наркотизации ощущаются во всех сферах общественной жизни. Причем эти следствия имеют как

непосредственно медицинский, так и социальный, правовой и экономический характер.

Вопрос совершенствования мер предупреждения преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров постоянно находится в разработке, он, как и прежде, требует усиленного внимания со стороны государственных органов, подразделений и служб различного уровня

В первую очередь, это касается деятельности подразделений органов внутренних дел как по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, так и иных служб. Основные задачи, которые ставятся перед органами внутренних дел в борьбе с наркоманией и с наркотизмом:

- предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с наркотическими и психотропными средствами;
- выявление и учет лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств;
- организация индивидуально–профилактической работы с лицами, допускающими немедицинское потребление наркотических средств;
- содействие в организации лечения больных наркоманией;
- выявление и устранение причин и условий, способствующих наркомании, предупреждение незаконного потребления наркотиков.

Статистика по наркоситуации в стране характеризуется в настоящее время следующими показателями.

По итогам 2025 года в России зарегистрировали 198043 преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,6 % больше, чем в 2024 году (190988).

Удельный вес наркопреступлений в структуре преступности составил 10,4 % (в 2024 году – 9,8 %).

Из незаконного оборота на момент возбуждения уголовных дел изъяли 42 тонны 409 килограммов наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, что на 18 % больше, чем в 2024 году.

Раскрыты 12986 наркопреступлений, совершённых организованными группами, что на 10,8 % больше, чем в 2024 году, и 1786 общественно опасных наркодеяний, совершённых преступными сообществами.

Количество преступлений, совершённых подростками в сфере незаконного оборота наркотиков, увеличилось на 43,2 % (с 2,6 тыс. до 3,8 тыс.).

Число особо тяжких составов подростковой наркопреступности возросло на 58 % (с 2 тыс. до 3,2 тыс.). Основная их часть (85,6 %) связана со сбытом наркотиков путём закладок в тайниках [1, с. 251].

В данном случае система мер по предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков представляет собой комплекс мероприятий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по противодействию незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров, разработанный в рамках межведомственного

взаимодействия при координирующей роли Министерства внутренних дел Российской Федерации [2, с. 40].

Данная система мер по пресечению незаконного оборота наркотиков призвана обеспечить:

а) перекрытие каналов незаконного ввоза наркотиков и их прекурсоров на территорию Российской Федерации;

б) уничтожение инфраструктуры, используемой для незаконного производства, транспортировки и распространения наркотиков и их прекурсоров внутри страны;

в) ликвидацию сырьевой базы незаконного наркопроизводства на территории Российской Федерации;

г) недопущение поступления наркотиков и их прекурсоров, а также сильнодействующих веществ из легального в незаконный оборот;

д) пресечение преступных связей с международным наркобизнесом;

е) разрушение коррупционных связей, способствующих незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров;

ж) пресечение оборота новых видов наркотиков, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ и одурманивающих веществ.

Непосредственно основными задачами подразделений органов внутренних дел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков являются:

а) выявление, предупреждение, пресечение и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков;

б) выявление и установление лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления;

в) контроль за деятельностью легальных фармацевтических и медицинских организаций для предотвращения незаконного оборота лекарственных препаратов, содержащих наркотические вещества;

г) выявление причин и условий, способствующих незаконному обороту наркотиков, и организация мер по их устранению.

д) противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных в результате совершения наркопреступлений.

Сокращение предложения наркотиков в незаконном обороте осуществляется с использованием экономических возможностей государства, выделения на эти цели достаточного объема финансовых, материальных и иных ресурсов, включая ресурсную поддержку государственных органов, осуществляющих противодействие незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров, путем развития системы их технического оснащения.

Однако в традиционный подход к политике контроля над наркотиками, направленных на ограничение предложения не всё так однозначно [3, с. 67].

Целью действий правоохранительных органов по ограничению предложения является, очевидно, уменьшение потребляемого количества наркотиков; только в этом случае политика борьбы с наркотиками может считаться успешной. Кроме того, внимания заслуживает другой важный критерий – увеличи-

лись или уменьшились в результате такой политики денежные расходы на наркотические вещества [4 с. 266].

Общеизвестно, что большая доля потребления наркотиков поддерживается и финансируется незаконной деятельностью (воровством и т. д.). Следовательно, «идеальная политика правовой борьбы с наркотиками должна не только уменьшать потребляемое количество, но также уменьшать и общий расход денег на наркотики». Изменение же общих затрат на наркотики зависит от эластичности по цене функций спроса и предложения.

Повышение цены на наркотики из-за ограничения предложения вызовет побочные эффекты, в данном случае предельные социальные издержки борьбы с наркотиками могут превысить вызванные ею предельные социальные выгоды. В результате борьба с наркотиками может стать причиной сокращения благосостояния.

Социальные издержки законного ограничения наркотиков будут увеличиваться из-за роста преступности, вызванной этими ограничительными действиями: наркоманы вынуждены прибегать к незаконным действиям, чтобы заплатить возросшую рыночную цену. Кроме того, повышение цены, например на героин, может стимулировать бездействие полиции и/или ее коррупцию.

Существует также вероятность, что повышение предложения, приводящий к увеличению цены на наркотик, вынудит наркоманов прибегать к заменителям и употреблять в большей степени более дешевые наркотики. Рост потребления новых наркотиков может быть даже социально опаснее, нежели первоначальный уровень потребления старого наркотика. Примером может быть переход от марихуаны к героину тех наркоманов, которые больше не могли приобретать марихуану из-за ограничения федеральными агентами ее распространения [5, с. 67].

Несмотря на трудности, возникающие при выявлении, пресечении и предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, следует отметить, что органы внутренних дел справляются на высоком уровне с поставленными перед ними задачами.

Успешное решение уполномоченными субъектами поставленных задач по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ напрямую зависит от должной организации их деятельности. Результативность функционирования субъектов исполнительной власти обеспечивается не обходимыми ресурсами, полнотой и своевременностью принимаемых соответствующими государственными структурами управленческих решений, а также степенью координации общих усилий профилактического характера. Так, в целях научно-методического сопровождения реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года в части включения в число показателей системы мониторинга наркоситуации оценки состояния профилактической деятельности и ее эффективности сегодня группой ученых разрабатываются научно-обоснованные межведомственные стандарты деятельности по профилактике

незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ в виде так называемой «матрицы стандарта профилактической антинаркотической деятельности федеральных органов исполнительной власти». В первую очередь, будут сформулированы основные, единые в своем содержании подходы всех заинтересованных федеральными органами исполнительной власти к профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ. Во-вторых, будут установлены и законодательно закреплены основные требования, предъявляемые к такой деятельности. В-третьих, будет определена роль и место конкретных федеральных органов исполнительной власти в общей системе профилактики.

Таким образом, из наиболее передовых подходов правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков необходимо выделить следующие:

а) создание и ведение единого банка данных по вопросам оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту;

б) взаимодействие и информационный обмен с международными организациями и компетентными органами иностранных государств в области противодействия незаконному обороту наркотиков;

в) использование спецподразделений для проведения специальных операций и мероприятий, например «Гром», которые занимаются ликвидацией каналов сбыта и задержанием особо опасных преступников;

г) выявление причин и условий, способствующих незаконному обороту наркотиков, и организация мер, направленных на их устранение;

д) противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных в результате совершения наркопреступлений;

е) реализация мероприятий по реабилитации и ресоциализации наркопотребителей.

Список использованных источников

1. Шалагин, А.Е. Состояние и тенденции наркопреступности в Российской Федерации / А.Е. Шалагин, Л.Р. Мамлеева // Право, экономика и управление: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 251–253.

2. Ильина, О.В. Особенности противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров / О.В. Ильина, Н.С. Агуреев // Молодежная инициатива: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 21 мая 2021 года / Под редакцией Г.В. Синцова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 40–48.

3. Мироненко, С.Ю. Специально-криминологическое предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / С.Ю. Мироненко // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти

проф. С.А. Черноморца. – Ханты–Мансийск: Югорский государственный университет, 2024. – С. 67–70.

4. Николаев, Е.Е. Социологическое исследование наркоситуации как инструмент антинаркотической политики на региональном уровне / Е.Е. Николаев, И.Е. Булыгина, О.Н. Якунина // Актуальные вопросы аддиктологии: сборник материалов III всероссийского межведомственного научно–практического антинаркотического форума. – Нижний Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2024. – С. 266–272.

5. Шинкевич, В.Е. Социальная практика оценки наркоситуации, определение веса основных ее детерминант по единым заданным параметрам в ходе ежегодного мониторинга / В.Е. Шинкевич // Социально–гуманитарные знания. – 2024. – № 6. – С. 67–71.

PREVENTION OF CRIMES IN THE FIELD OF DRUG TRAFFICKING BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES: MODERN APPROACHES

D.V. Frolov, D.A. Golova

*Penza State University,
Penza, Russia*

The article is devoted to the issues of prevention and prevention of crimes in the field of drug trafficking by law enforcement agencies. The main indicators of crime in this area are considered and presented, modern approaches of the Department of Internal Affairs units for the prevention of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors are considered, and a number of recommendations for the prevention of crimes in this area are considered.

Key words: prevention of crimes by law enforcement agencies; crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors; crime rates.

УДК 343.985

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Д.В. Фролов, Д.А. Голова, А.Е. Исламкина

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

Статья посвящена комплексному анализу деятельности органов внутренних дел в сфере использования мер по предупреждению насильственной преступности. Рассматриваются современные меры по предупреждению насильственной преступности и их специфика. Особое внимание уделяется пробле-

мам, возникающим в связи с использованием мер по предупреждению насильственной преступности и предлагаются пути их совершенствования.

Ключевые слова: насильственные преступления, меры по предупреждению насильственной преступности.

Предупреждение насильственной преступности – это комплекс мер различного характера (законодательного, социального, правоохранительного и виктимологического), направленных на нейтрализацию и ослабление причин и условий, способствующих существованию и росту насильственной преступности. Эти меры должны применяться не только на стадии выявления насильственных преступлений и преступников, но и на стадии расследования уголовного дела, а также при назначении и реализации уголовного наказания.

Насилие, как ключевой фактор, способствующий формированию агрессивного поведения, оказывает глубокое и многогранное воздействие на общественные структуры и моральные устои. Оно подрывает основы нравственности, дестабилизирует социальную ткань и правовую систему, нарушая гармонию общественных отношений. В результате страдают ценностные ориентиры молодежи, что, в свою очередь, негативно сказывается на экономической и политической стабильности [1, с. 16]. Насилие проникает в самые глубины человеческого существования, затрагивая духовную сферу и межличностные связи, создавая атмосферу недоверия и отчуждения. Таким образом, проблема насилия выходит за рамки локальных конфликтов, становясь одной из самых острых и всеобъемлющих вызовов современного мира, проявления которой могут принимать самые разнообразные формы [2, с. 79].

Связанные с насилием преступления, в общем массиве преступности составляют более 15 %. К особенностям, которые присущи данному виду преступлений можно отнести высокую степень цинизма, повышенный уровень жестокости и агрессии, а также непоколебимое безжалостное отношение к жертве преступления. В большинстве случаев, результатом насильственных преступлений являются крайне трагические и невосполнимые последствия: причинение физического и морального вреда жертве преступления, тяжелые увечья или смерть.

Насилием можно назвать такое воздействие на кого-либо, как физическое, так и психическое, которое наносит лицу вред, совершается вопреки его желанию и ради интересов причинителя вреда, либо такое же воздействие, при котором возможное нанесение вреда игнорируется. Насилие – понятие равнозначное агрессии. По своему нравственному содержанию оно является нейтральным, поскольку может быть средством достижения и позитивных, и негативных целей.

Преступления, характеризующиеся применением физического или психического насилия, охватывают широкий спектр деяний, включая убийство, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, сексуальные посягательства, сопровождающиеся насилием, а также акты жестокости и истязания. К этой категории также относятся захват и удержание заложников, неза-

конное лишение свободы и похищение людей. Особое место занимают преступления, связанные с принуждением к изъятию органов или тканей для трансплантации, а также нападения на сотрудников правоохранительных органов и представителей власти. Эти деяния не только наносят непоправимый вред жизни и здоровью людей, но и подрывают основы общественного порядка и безопасности [3, с. 82].

Субъекты профилактики насильственных преступлений: государственные органы власти, правоохранительные органы различных ведомств, общественные организации и объединения, а также сами граждане.

Профилактика насильственной преступности в значительной степени опирается на комплексные социально-экономические и политические реформы, направленные на укрепление общечеловеческих ценностей и морально-этических норм. Эти преобразования способствуют гуманизации общественных отношений, внедрению принципов социальной справедливости и созданию условий для гармоничного развития личности. В результате достигается значительное снижение уровня насилия в обществе, что позволяет более эффективно предотвращать и нейтрализовать агрессивные формы поведения.

Эффективный уровень предупреждения насильственной преступности включает в себя несколько ключевых позиций на этот счет: содействие повышению уровня общего благосостояния гражданского населения, поддержка на высоком и максимально возможном уровне; организация мероприятий по улучшению жилищно-бытовых условий основных категорий семейно-бытового насилия; внедрение и активное участие государства в правовой и психологической поддержке граждан; систематический мониторинг и выявление наиболее уязвимых категорий граждан или наиболее распространенных преступных деяний в данной сфере.

Вопросы предупреждения насильственных форм преступности выступает в качестве основы изучения теоретических и практических основ криминологического исследования. Стоит говорить о выработке наиболее эффективной криминологической концепции предупреждения насильственной преступности, обеспечивающей высокий предупредительный уровень противодействия данной категории [4, с. 30].

Создание методологической базы для борьбы с насильственными преступлениями должно опираться на практические результаты, которые можно непосредственно применить в реальной жизни. Насильственная преступность характеризуется значительным разнообразием форм и проявлений. Однако, в рамках криминологических исследований, особое внимание следует уделять наиболее опасным и разрушительным видам, которые угрожают жизни и здоровью людей. Это позволит более эффективно разрабатывать стратегии и меры противодействия, направленные на минимизацию негативных последствий для общества.

К мерам по предупреждению насильственных преступлений можно отнести:

Законодательная: уголовно–правовые нормы с двойной превенцией. Устанавливают ответственность за деяния, которые предшествуют совершению тяжких насильственных преступлений: хулиганство, угрозу убийством, незаконный оборот оружия и т. д.

Социальные:

1. Создание среды, способствующей цивилизованному и законному разрешению споров между гражданами, с целью минимизации их количества и негативного воздействия на общество.

2. Развитие культурного и образовательного потенциала населения, формирование условий для гармоничного развития личности и укрепления социальной стабильности.

3. Эффективная система социального контроля, позволяющая оперативно реагировать на незначительные правонарушения и социальные напряжения, предотвращать эскалацию конфликтов и способствовать формированию законопослушного поведения.

4. Формирование общественного консенсуса относительно неприемлемости насилия как метода урегулирования разногласий, а также повышение авторитета и привлекательности легитимных способов защиты законных интересов.

5. Адресное воздействие на криминогенные факторы, такие как алкоголизм, наркомания, проституция и бродяжничество, что способствует снижению уровня криминального насилия и укреплению общественной безопасности [5, с. 87].

Правоохранительные:

1. Исследование факторов, способствующих возникновению и развитию агрессивных форм поведения, и разработка стратегий по их нейтрализации и устранению.

2. Идентификация индивидов с повышенным риском проявления насилия и внедрение комплексных мер по предотвращению их противоправной деятельности через социальное воздействие и психологическую коррекцию.

3. Оперативное вмешательство для предотвращения готовящихся противоправных действий и пресечения попыток их совершения.

4. Проведение профилактических мероприятий на основе анализа уголовных дел, включая разработку рекомендаций по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также организацию общественных обсуждений, публикаций и информационных кампаний для повышения правовой культуры и бдительности граждан.

5. Мониторинг и контроль за лицами с судимостью, включая регулярное наблюдение за их поведением и принятие мер по предотвращению рецидивов, даже после снятия судимости [6, с. 73].

Виктимологические:

1. Исследование факторов, способствующих возникновению и развитию агрессивных форм поведения, и разработка стратегий по их нейтрализации и устранению.

2. Идентификация индивидов с повышенным риском проявления насилия и внедрение комплексных мер по предотвращению их противоправной деятельности через социальное воздействие и психологическую коррекцию.

3. Оперативное вмешательство для предотвращения готовящихся противоправных действий и пресечения попыток их совершения.

4. Проведение профилактических мероприятий на основе анализа уголовных дел, включая разработку рекомендаций по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также организацию общественных обсуждений, публикаций и информационных кампаний для повышения правовой культуры и бдительности граждан.

5. Мониторинг и контроль за лицами с судимостью, включая регулярное наблюдение за их поведением и принятие мер по предотвращению рецидивов, даже после снятия судимости [7, с. 86].

В рамках противодействия насильственной преступности органам внутренних дел следует уделять большее внимание морально–психологической помощи нуждающимся или пострадавшим от любого вида насилия, с поддержкой специализированных подразделений и специалистов в области психологической поддержки. Дополнительное внимание должно уделяться недопустимости насилия в бытовой и семейно–бытовой среде, профилактика которой может распространяться посредством привлечения работников социальной сферы.

Информационные технологии должны стать неотъемлемой частью системы противодействия насильственной преступности. Их применение будет способствовать формированию здорового образа жизни, укреплению семейных ценностей и развитию культурных норм, основанных на уважении к обществу и окружающему миру. Особое внимание следует уделить повышению престижа органов внутренних дел и установлению доверительных отношений с населением, что позволит своевременно выявлять и оперативно реагировать на проявления насильственной преступности. Важно разработать комплексные правовые меры, направленные не только на борьбу с семейно–бытовым насилием, но и на предотвращение других форм насильственных преступлений, обеспечивая тем самым безопасность и благополучие граждан [8, с. 66].

Таким образом, противодействие насильственной преступности – это сложный и трудоемкий процесс обеспечения безопасного уровня преступной деятельности, позволяющей сдерживать криминогенные показатели на максимально низком допустимом уровне, безопасном для ежедневного пребывания граждан в рамках их повседневной деятельности. Профилактическое воздействие строится на совокупности детерминантных, взаимообусловленных и провоцирующих факторов, определяющих конкретное направление предупредительной деятельности в определенных сложившихся условиях. На законодательном уровне вопросы предупреждения и противодействия должны обеспечиваться актуальными данными науки и практики, строиться посредством аналитики статистических данных и показателей действительности за прошедший период времени. Расширенный спектр использования сил и средств правоохранительной направленности должен учитывать уязвимость определенных кате-

горий гражданского населения, маргинальности и криминогенность конкретных обслуживаемых территорий, а также допустимый уровень безопасности проживания граждан в рассматриваемый промежуток времени.

Список использованных источников

1. Ильина, О.В. Нормативно–правовые основы использования информационных технологий в деятельности органов внутренних дел / О.В. Ильина, В.Р. Немудрякин // Молодежная инициатива: Сборник статей IX Международной научно–практической конференции, Пенза, 15 мая 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 16–24.
2. Брюхнов А.А., Напханенко И.П., Сергеев С.М. Некоторые особенности современной насильственной преступности // Вестник Восточно–Сибирского института МВД России. – 2023. – № 3 (106). – С. 79–89.
3. Васильева Ю.В., Курочкина В.М. Детерминанты рецидивной насильственной женской преступности // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104–8. – С. 82–84.
4. Егорова Т.И. Особенности насильственной преступности в местах лишения свободы. // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8 (1). – С. 29–33.
5. Калинин Ю.В. Проблемы противодействия насильственной преступности // Национальный вестник Республики Крым. – 2022. – № 3. – С. 87–97.
6. Козюлькова Н.С. Предупреждение насильственной преступности в семейно–бытовой сфере: основные направления, актуальные проблемы и рекомендации по совершенствованию // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – № 4. – С. 73–76.
7. Кузина С.И., Диденко Н.С. Насильственная преступность в бытовой сфере и проблемные аспекты ее предупреждения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 6 (145). – С. 86–90. Уголовно–правовые науки Criminal Law Sciences 345 М. Ю. Павлик, Е. М. Павлик.
8. Куковский А.В., Наумова Т.Ю., Шляпникова О.В. Специфика мотивации насильственной преступности и роль конкретной жизненной ситуации в совершении насильственной преступности // Интернаука. – 2023. – № 17–4 (287). – С. 66–68.

MEASURES TO PREVENT VIOLENT CRIME

D.V. Frolov, D.A. Golova, A.E. Islamkina

*Penza State University,
Penza, Russia*

This article provides a comprehensive analysis of the activities of internal affairs bodies in the field of using measures to prevent violent crime. It examines current measures to prevent violent crime and their specific features. Special attention is

given to the challenges associated with the use of measures to prevent violent crime, and suggestions are made for their improvement.

Keywords: violent crimes, measures to prevent violent crime.

УДК 343.98

УГОЛОВНО–ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АКТАМ ТЕРРОРИЗМА

А.М. Хлус, Е.В. Рудкевич

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

В статье рассматриваются правовые аспекты и проблемы криминалистического обеспечения противодействия акту терроризма. Результативность противодействия данному виду преступлений находится в зависимости от наличия научно разработанной методики расследования, теоретическую основу которой должны составлять элементы материальной структуры деяния. В качестве общих элементов материальной структуры акта терроризма авторами названы субъект совершения деяния, объект преступного посягательства и средство совершения преступления.

Ключевые слова: терроризм, акт терроризма, уголовное право, криминалистическая характеристика, материальная структура преступления, расследование.

Первые упоминания о терроризме относятся к античным временам (Древний Рим, Иудея). На начальном этапе развития терроризм был связан с серией убийств монархов различных стран. Его дальнейшее развитие привносит определенную политическую окраску. Появился террор религиозный, политический (черносотенный, белый, красный, коричневый). На современном этапе акты терроризма направлены не только на государственных, политических или религиозных деятелей, но и на случайных, невинных лиц.

Терроризм представляет собой не только проявление определенной идеологии, но в большей степени это конкретные действия, направленные на устрашение населения (поджоги, взрывы и иное). По мнению исследователей в мире ежегодно совершается от 320 до 620 террористических актов [1]. По данным МВД Российской Федерации в 2025 году на территории России совершено 2472 террористических акта, что составляет почти такое же количество террористических актов за предшествующие 20 лет [2]. Всплеск террористических проявлений в России обусловлен кризисным состоянием международных отношений и сложными внутривнутриполитическими событиями последних лет.

На сегодняшний день отсутствует единое понимание терроризма, различные стороны которого исследуются представителями различных научных

направлений: философами, политологами, социологами, психологами и правоведами.

С позиции философской науки терроризм рассматривается как насилие или угроза насилием незаконно используемые на негосударственном уровне против личностей (собственности) для запугивания гражданского населения и достижения политических или социальных целей путем наращивания в обществе социальной деинтеграции [3, с. 7–8]. Представляется возможным выделить следующих характерных черт терроризма: 1) устрашение (стремление создать соответствующую этому социальную и психологическую атмосферу); 2) публичность совершаемого акта терроризма; 3) дестабилизирующее воздействие на общество; 4) игнорирование социальных норм (нравственности, религиозных и правовых).

С точки зрения политологии термин «терроризм» охватывает различные формы проявления террора, отражая общее, повторяющееся, устойчивое и существенное. По мнению Н. Я. Лазарева, «терроризм – это политика и практика экстремистского воздействия, основанного на применении нелегального и нелегитимного насилия, обусловленного особым видом мессианства, имеющим свою идеологию и генерирующим агрессию» [4, с. 16].

Отсутствует единство в понимании терроризма среди ученых–правоведов. Следует также заметить, что и «законодатели отдельных стран не смогли выработать единого подхода и общепризнанного правового понятия терроризма» [5, с. 9]. Юристы рассматривают понятие «терроризм» в узком и широком смысле.

В узком смысле под терроризмом понимаются действия описанные в ст. 289 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК), т. е. «совершение взрыва, поджога, затопления, иных деяний общепасным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо устрашения населения, либо дестабилизации общественного порядка (акт терроризма)» [6].

В широком смысле это понятие охватывает, кроме актов терроризма (ст. 289 УК), все иные деяния террористической направленности, предусмотренные различными статьями УК (ст.ст. 124 «Акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации», 126 «Акт международного терроризма», 289¹ «Пропаганда терроризма», 290 «Угроза совершения террористического акта», 290¹ «Финансирование террористической организации», 290² «Содействие террористической деятельности» и ряд др.).

В Беларуси сформирована эффективная правовая система, препятствующая развитию терроризма. В республике с 2002 года действует закон «О борьбе с терроризмом» [7], определивший правовые и организационные основы противодействия данному явлению. В 2024 году обновлена Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь [8], содержание которой отражает новые ас-

пекты национальной безопасности и правоохранительной деятельности, учитывая глобальные изменения последнего десятилетия.

Минимальное количество террористических инцидентов в Беларуси, наличие правовой основы для борьбы с проявлениями терроризма и другие обстоятельства послужили условиями для признания республики в 2019 году одной из самых безопасных стран по результатам международного исследования «Глобальный индекс терроризма» [9].

С момента начала специальной военной операции России в Украине повысился уровень опасности совершения на территории Беларуси действий террористической направленности. Это свидетельствует об актуальности проблем практической реализации мер противодействия данному социальному явлению и борьбы с его различными формами и, на наш взгляд, требует усиления уголовно-правовых санкций вплоть до применения смертной казни за совершение актов терроризма.

Проблемы противодействия терроризму многогранны. Это явилось одной из причин формирования террологии, новой науки, определяющей типы современного терроризма: националистический, религиозный, терроризм с поддержкой государства, терроризм левых экстремистов и др. [10; 11].

Изложенное выше лишь частично отражает спектр не только уголовно-правовых, но и иных проблем, возникающих в связи необходимостью противодействия терроризму.

Важным направлением противодействия терроризму является криминалистическое обеспечение деятельности по расследованию актов терроризма, в качестве которого рассматривается соответствующая методика.

Разработанные методики расследования актов терроризма основываются на рассмотрении элементов его криминалистической характеристики, количество которых различается у разных авторов [5; 12; 13; 14; 5; 16].

Далее мы акцентируем внимание на одном общем недостатке криминалистических характеристик терроризма, состоящем в отсутствии упоминания о материальной структуре преступления.

С криминалистической точки зрения познание акта терроризма предполагает необходимость определения последовательности изучения элементов, составляющих его материальную структуру. С этой целью надо выявить ряд общих элементов, проявляющих себя в момент совершения данного вида преступления.

Определение совокупности элементов материальной структуры терроризма и их изучение обусловлено необходимостью совершенствования частной методики его расследования.

Анализ ст. 289 УК позволяет обратить внимание на различие способов совершения акта терроризма: взрыв, поджог, затопление и иные общеопасные способы деяний. Многообразие проявлений актов терроризма не исключает возможности выделить общие материальные элементы преступной структуры, в числе которых субъект, совершивший акт терроризма; объект преступного посягательства; средство совершения преступления [17].

Субъектом совершения акта терроризма, равно как и для других преступлений, террористической направленности, всегда выступает человек, являясь связующим звеном в материальной структуре деяния. Субъект совершения акта терроризма характеризуется как слеодообразующий и следовоспринимающий элемент преступной структуры, взаимосвязанный с иными её элементами. Субъектом данного преступления может быть как гражданин Республики Беларусь, так и имеющий подтверждение своей принадлежности к иному государству.

Субъект может быть единоличным и множественным (ч. 2, 3 ст. 289 УК – акт терроризма, совершенный организованной группой или организацией). По мнению Ю. М. Антоняна, «террористы–одиночки встречаются относительно редко, чаще террористы объединяются в группы, в которых весьма велика роль лидера» [18, с. 122].

Значимым для расследования свойствами субъекта рассматриваются физические, социально–демографические, биологические, психологические свойства. Например, социально–демографические данные о личности (пол, возраст, национальность и др.) позволяют определить круг лиц, возможно причастных к совершению акта терроризма [19, с. 500]. Субъекта также характеризуют профессиональные умения и навыки. Познание указанных свойств субъекта возможно на основе изучения следов, оставленных им на объектах, относящихся к иным элементам преступной структуры.

С субъектом непосредственно связан объект преступного посягательства. В сравнении с уголовным правом в криминалистике объект преступления представляется в виде материальной системы, на которую субъект непосредственно воздействует, причиняя ей вред. При совершении акта терроризма, объект посягательства является материальной системой, на которую воздействует террорист для достижения своей преступной цели, которая не всегда связана с объектом посягательства. Спектр объектов при совершении актов терроризма достаточно широк: человек, транспортные средства, имущество, средства связи, органы государства и др. Анализ объекта преступного посягательства позволяет определить пространственно–временные параметры изучения свойств личности преступника.

Совершая акт терроризма, субъекты используют определенные материальные средства. Подготовка и совершение актов терроризма зависят от выбранного объекта преступного посягательства, возможностей террористов и средства совершения преступления. В качестве средств совершения преступления признаются материальные объекты, используемые для достижения цели и выступающие связующим звеном между иными структурными элементами.

В качестве средства совершения акта терроризма используются различные виды оружия, взрывные устройства и т. д. В целях реализации террористической угрозы в качестве средства совершения преступления могут использоваться письменные, фото– и видеодокументы.

На обнаруженном в ходе расследования оружии могут быть следы пальцев рук, капли крови и волосы потерпевшего (при выстреле с близкого расстоя-

ния), посторонние вещества, перенесенные на оружие во время его хранения или ношения преступником (биологические вещества, микроволокно и пр.). Следы отпечатков пальцев следует искать не только на внешних, но и на внутренних поверхностях оружия.

Рассмотренные элементы относятся к общей материальной структуре акта терроризма. В основе формирования (совершенствования) методики расследования акта терроризма, по нашему мнению, должна быть использована информация о его материальных элементах, которые, взаимодействуя в процессе совершения преступного деяния, оставляют следы в окружающей обстановке, способствующие выявлению и изобличению виновных.

Для отдельных актов терроризма одновременное наличие всех выше названных элементов не обязательно. Возможны варианты сочетания элементов преступной структуры и связей между ними. Например, в структуре угрозы совершения акта терроризма обязательно присутствуют субъект и объект преступного посягательства, а средство совершения преступления может отсутствовать, так как информация о его наличии и возможности использования в криминальных целях сообщается в устной форме.

Сведения об отдельных элементах системы преступления и их параметрах позволяют получать достоверные результаты при восстановлении картины конкретного преступного события, связанного с актом терроризма.

На основании изложенного для обсуждения затронутых проблем можно предложить следующие выводы:

1. Эффективность противодействия актам терроризма находится в зависимости от научно разработанной и эффективной методики их раскрытия и расследования.

2. В основе построения частной методики расследования акта терроризма необходимо рассматривать его материальную структуру.

3. В качестве общих элементов материальной структуры акта терроризма выступают: субъект совершения деяния, объект преступного посягательства и средство совершения преступления.

4. Криминалистическая характеристика элементов материальной структуры акта терроризма может обеспечивать правильный выбор направлений практической деятельности в каждом случае расследования конкретного деяния.

Список использованных источников

1. Требин, М.П. Терроризм в XXI веке. Мн.: Харвест, 2004. 810 с.
2. МВД насчитало 2472 террористических акта в России за год, почти столько же зафиксировали за предыдущие 20 лет // Verstka.media [Электронный ресурс]. URL: <https://verstka.media/mvd-naschitalo-za-2025-god-stolko-zhe-teraktov-skolko-za-predydushhie-20-let> (дата обращения 14.05.2026)
3. Резяпова, Г.Ф. Терроризм как социальное явление: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2005. 24 с.
4. Лазарев, Н.Я. Терроризм как социально-политическое явление: истоки, формы и динамика развития в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 27 с.

5. Расследование терроризма: Учебное пособие / В. И. Иванов [и др.]; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. Санкт–Петербург: СПб ЮИ ГП РФ, 2001. 132 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275–3 // Pravo.by: [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения 04.05.2026).
7. О борьбе с терроризмом: Закон Республики Беларусь 3 янв. 2002 г. № 77–3 // Etalonline.by: [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=Н10200077> (дата обращения: 04.05.2026)
8. Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь: Утв. Постановление Совета Министров республики Беларусь 25.07.2013 № 658 // Pravo.by: [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21300658> (дата обращения: 04.01.2026).
9. Беларусь признана одной из самых безопасных стран мира // Polymia.by: [Электронный ресурс]. URL: <https://polymia.by/lenta-novostej/belarus-priznana-odnoj-iz-samyx-bezopasnyx-stran-mira/> (дата обращения: 04.05.2026).
10. Барышников, С.Г. Террология: проблемы построения системы специально–научных знаний // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 30(247). С. 132–133.
11. Артюхин, О.А., Иванова, Л.Л. Террологические основы современных исследований терроризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 173–177.
12. Вассалатий, Ж.В. Методика расследования преступлений террористического характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 23 с.
13. Влезько, Д.А. Криминалистическая характеристика терроризма / Д.А. Влезько, К.А. Зueva // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 118 // Ej.kubagro.ru: [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/58.pdf> (дата обращения: 14.05.2026).
14. Кулешов, Р.В. Структура криминалистической характеристики преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью: дискуссионные вопросы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1(31). С. 117–121.
15. Малышева, А.А. Криминалистическая характеристика террористического акта // Бюллетень инновационных технологий. 2018. № 2(6) // Cyberleninka.ru: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-terroristicheskogo-akta/viewer>
16. Путейко, В.В. Криминалистическая характеристика расследования терроризма и его виды / В.В. Путейко, А.П. Пацкевич // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации: материалы круглого стола с международным участием (25–26 октября 2024 г.). Минск: БГУ, 2024. С. 357–364.
17. Хлус, А.М. Криминалистическая характеристика и материальная структура акта терроризма / А.М. Хлус, М.И. Петрова // Научный журнал «Эпомен». 2021. № 60. С. 224–235.

18. Антонян, Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно–правовое исследование. – М.: Щит–М, 1998. 305 с.

19. Ильина О.В., Нестеренко Е.Н. Социокультурные, социально–психологические и правоприменительные проблемы противодействия терроризму в России на современном этапе развития // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 1 (200). – С. 500–503.

CRIMINAL AND FORENSIC ASPECTS OF COUNTERING ACTS OF TERRORISM

A.M. Khlus, E.V. Rudkevich

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus*

This article examines the legal aspects and challenges of forensic support for countering acts of terrorism. The effectiveness of countering this type of crime depends on the availability of scientifically developed investigative methods, the theoretical basis of which should be based on the elements of the material structure of the act. The authors identify the subject of the act, the object of the criminal offense, and the means of committing the crime as the general elements of the material structure of an act of terrorism.

Keywords: terrorism, act of terrorism, criminal law, forensic characteristics, material structure of the crime, investigation.

СОДЕРЖАНИЕ

РОЛЬ ПОЛИЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПОРЯДКА НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СВО: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Д.В. Елистратов, А.К. Федорова, А.Д. Простова.....3

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

О.В. Ильина, М.Д. Анцупов..... 11

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ, МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ, ОТСТРАНЕНИЕ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ...

О.В. Ильина, А.Д. Почивалов 16

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

О.В. Ильина, А.Д. Простова.....20

ТЕОРЕТИКО–ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАДИИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

О.В. Ильина, М.А. Пустовалова 25

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

О.В. Ильина, А.К. Федорова 29

УЧАСТНИКИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ВИДЫ И ПРАВОВОЙ СТАТУС

О.В. Ильина, Е.Е. Филатов.....34

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

О.В. Ильина, О.А. Шилина 38

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.Н. Козинченко, П.В. Изюмская 45

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ МИГРАЦИИ В РФ

Т.Н. Козинченко, И.Е. Усанина 51

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.А. Коробкова 57

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Е.А. Коробкова	60
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Е.А. Коробкова	67
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О МАССОВЫХ КАЗНЯХ И ПЫТКАХ ВОЕННОПЛЕННЫХ	
А.В. Лобанов, Ю.А. Адкина.....	70
ПЫТОЧНАЯ СИСТЕМА ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ (КЭМПЭЙТАЙ) В ДОКУМЕНТАХ ТОКИЙСКОГО ТРИБУНАЛА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСИЛИЯ	
А.В. Лобанов, Н.Г. Багриновский	74
НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ: ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРИНЯТИЕ КОНВЕНЦИИ О БИОЛОГИЧЕСКОМ ОРУЖИИ (1972)	
А.В. Лобанов, А.Р. Девлекамова	78
РОЛЬ СОВЕТСКИХ ЮРИСТОВ (С.А. ГОЛУНСКОГО И А.Н. ВАСИЛЬЕВА) В РАЗРАБОТКЕ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА	
А.В. Лобанов, И.С. Жадько	83
РОЛЬ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА В ФОРМИРОВАНИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ	
А.В. Лобанов, К.Д. Рябова	88
ПРОБЛЕМА НЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ХИРОХИТО И ВЛИЯНИЕ ЭТОГО НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ В АЗИИ	
А.В. Лобанов, К.Е. Секираж	91
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ТОКИЙСКОМ ПРОЦЕССЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ, КИТАЕ, КОРЕЕ И РОССИИ	
А.В. Лобанов, А.С. Уваров.....	96
ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: КРИТЕРИИ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ	
Г.Р. Маренникова, К.А. Гришина.....	99
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	
Г.Р. Маренникова, П.В. Лебедева.....	105
СУБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	
К.С. Мауленов, Н.Н. Аскербек, А.С. Мамырова	111
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	
К.С. Мауленов, Т.М. Батырбек, М.С. Нурмуханбет.....	118
ЗАЩИТА ПРАВ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В СФЕРЕ IT–ТЕХНОЛОГИЙ В КАЗАХСТАНЕ	
К.С. Мауленов, Д.С. Ларкович, Ш.И. Дандаев	127

ПРАВО НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ И ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КАЗАХСТАНА	
К.С. Мауленов, В.А Якушевская, Е.Б Жеткербаев	136
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	
К.С. Мауленов, А.Ж. Мылтыкбаев, З.А. Бузильжан	142
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	
Г.И. Молев, А.А. Тюжина	151
ТЕХНИКО–КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (СВО)	
В.А. Никитина, В.А. Волкова	156
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	
В.А. Никитина, С.И. Кочетова	162
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЗЛОДЕЙСКОГО ОБРАЩЕНИЯ ЯПОНЦЕВ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ И С МИРНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ	
К.Ю. Суркова.....	167
НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В ПОРЯДКЕ СТ.237 УПК РФ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ	
О.А. Теплякова, М.В. Мачина	172
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ДОСТАТОЧНОСТЬ МЕР УГОЛОВНО–ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	
Д.И. Фирсова, А.М. Смирнова.....	178
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ	
Д.В. Фролов, Д.А. Голова.....	184
МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	
Д.В. Фролов, Д.А. Голова, А.Е. Исламкина	189
УГОЛОВНО–ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АКТАМ ТЕРРОРИЗМА	
А.М. Хлус, Е.В. Рудкевич	195

Научное издание

МОЛОДЕЖНАЯ ИНИЦИАТИВА

Статьи публикуются в авторской редакции

Ответственный за выпуск – начальник Межотраслевого
научно-информационного центра

Е.А. Галиуллина

Компьютерная верстка **А.А. Гришиной**

Дата подписания к публикации 05.06.2026

Учетно-издательские листы 13,4

Межотраслевой научно-информационный центр Пензенского государственного
аграрного университета. 440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, 30.

<https://mnisc.pgau.ru>; mnisc@pgau.ru; www.pgau.ru

телефоны редакции: тел.-факс. (841-2) 62-90-60, +7 967 442-60-42

ISBN 978-5-00196-444-5

9 785001 964445 >